

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.Р. Михеева

ЧЕЛОВЕК В СФЕРЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ:
ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Новосибирск
2012

УДК 301 + 312
ББК 60.55 + 60.7
М 695

М 695 *Михеева А.Р.* **Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений.** – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.

ISBN 978-5-89665-251-9

Рецензенты:

д.с.н. Корель Л.В.
д.э.н. Соболева С.В.
д.с.н. Солодова Г.С.

В книге представлены результаты социолого-демографического исследования закономерностей трансформационных процессов в сфере семьи, брака, родительства, а также современного состояния этой сферы. В теоретических главах книги содержится разработанная автором концепция социального механизма взаимодействия институциональных трансформаций в сфере частной жизни и демографического развития общества; в основу этой концепции положены базовые принципы теории генетического структурализма П. Бурдьё, а также вводимые автором категории «приватно-демографического поля» и «приватно-демографического хабитуса». Разработанная концепция позволяет автору интегрировать демографические и социологические подходы и методы анализа данных, выявить на их основе современное состояние российской и сибирской семьи.

Книга адресована социологам, демографам, экономистам, преподавателям, студентам, аспирантам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется социально-демографическими проблемами современности.

УДК 301 + 312
ББК 60.55 + 60.7
М 695

ISBN 978-5-89665-251-9

© Михеева А.Р., 2012
© ИЭОПП СО РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть I	
Концепция социального механизма трансформации семейных отношений: структурно-генетический подход	7
Глава 1. Трансформация семейных отношений и демографическая сфера общества	7
1.1. «Трансформация» или «кризис»: постановка научной проблемы	8
1.2. Основные понятия и задачи изучения трансформации семейных отношений	18
Глава 2. Основные теоретические подходы в исследованиях семьи: оценка возможностей преодоления макро- и микродилеммы в социологии семьи	25
2.1. Междисциплинарность изучения семьи – формальная и реальная	25
2.2. О социальной морфологии (к истории взаимосвязи социологического и демографического анализа)	30
2.3. Демографические переходы как основание трансформации отношений в сфере частной жизни	36
Глава 3. Модель механизма трансформации семейных отношений: попытка преодоления «макро – микро», «действие – структура» дилемм в социологии семьи	40
3.1. О некоторых специфических чертах теоретизирования в рамках социологии семьи	40
3.2. Приватно-демографическое поле и приватно-демографический хабитус – основополагающие компоненты механизма трансформации семейных отношений	42
Выводы к части I	55

Часть II

Векторы трансформации семейных отношений: анализ исторических и современных эмпирий	56
Глава 4. Исторический генезис приватно-демографического поля и его хабитуса	56
4.1. История взглядов и идей о взаимосвязи развития общества и численности его населения	57
4.2. Современные теории и подходы к оценке «демографического фактора»	65
Глава 5. Макроструктура приватно-демографического поля России и Сибири двух последних десятилетий: процессы и результаты	70
5.1. Методологические основы анализа макроструктуры приватно-демографического поля: теория демографических переходов	71
5.2. Рождаемость и брачность в России и в Сибири как элементы-процессы макроструктуры приватно-демографического поля	78
5.3. Современная семейная структура населения как макроструктура приватно-демографического поля	94
Глава 6. Институционализация современных форм организации частной жизни: практики и дискурсы	99
6.1. Практики неофициального супружества и бракоподобных союзов	100
6.2. Внебрачное материнство	111
6.3. Родительство после развода	124
Выводы к части II	139
Заключение	140
Литература	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семья и брак на протяжении многих столетий являются неотъемлемыми элементами социальной структуры любого общества. Они считаются фундаментальными социальными институтами, обеспечивающими возобновление поколений и их первичную социализацию. Если говорить привычными словами, то это образование семьи, рождение детей, их выхаживание, забота о них, воспитание – обучение тому, как надо жить в обществе.

Сфера семейных отношений и связанные с ней проблемы в демографической сфере российского общества привлекают к себе внимание многих исследователей, политиков, идеологов. В последние десятилетия XX века, на рубеже веков и вот уже в XXI веке всё больше проявляются алармистские настроения по поводу состояния дел в этих сферах в российском, европейском обществах и в других странах.

На протяжении уже нескольких десятилетий в России идёт обсуждение демографической проблемы низкой рождаемости – в России демографические показатели этого процесса, возможно, почти самые низкие в мире (ниже только на Украине). Конечно, эти проблемы волнуют умы учёных, политиков, идеологов. И предпринимаются различные меры, направленные на стимулирование роста показателей рождаемости – и в России, и в других странах мира.

Между тем процессы, происходящие в сфере брака, семьи и вообще – в сфере частной жизни многих обществ и стран – довольно противоречивы. С одной стороны – это низкая общая рождаемость, высокая разводимость, отказы от новорождённых детей, социальное сиротство, однополые супружеские союзы, общественные организации “Child free”. С другой стороны – относительно высокая внебрачная рождаемость, стремление разведённых отцов сохранять связь с родными детьми, распространение социального (небиологического) отцовства; развитие новых репродуктивных технологий – для тех, кто не может по разным причинам иметь (зачать/выносить) своего ребёнка; многочисленные «очереди» на опеку/усыновление детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей и пр.

Задача современной социальной науки – попытаться выявить механизмы, «запускающие» названные выше феномены, понять, что является источниками и составными частями современных

процессов в сфере семьи, брака, репродуктивности, распространения новых форм организации частной жизни, первичной социализации новых поколений.

В первых трёх (теоретических) главах книги содержится изложение разработанных нами концептуальных основ изучения социального механизма взаимодействия трансформационных процессов в сфере семьи, брака, частной жизни и демографического развития общества. По существу, разработка теоретических основ действия такого механизма означает реализацию интегрального подхода к изучению процессов в социальном пространстве частной жизни.

В следующей четвертой главе книги мы обращаемся к исторической демографии как эмпирическому обоснованию (верификации) разработанной концепции с точки зрения теорий народонаселения. В этом контексте приводятся данные о динамике численности населения Земли на протяжении 10 миллионов лет, обсуждаются идеи, связанные с темпами роста населения. Отдельно рассматриваются и исторические тенденции изменения численности российского населения.

В пятой и шестой главах книги этот анализ развивается уже на современных статистических и социологических данных. Результаты этого анализа верифицируют теоретические положения нашей концепции механизма взаимосвязи исторически сложившегося состояния сферы воспроизводства поколений (макро) и поведения людей в сфере частной жизни: в браке, супружестве, родительстве, родственных отношениях (микро). Эмпирической базой анализа служат статистические данные, а также материалы, полученные в наших специальных исследованиях таких феноменов в сфере частной жизни, как неофициальные бракоподобные союзы, внебрачное материнство, послеразводное родительство.

Часть I

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СТРУКТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Глава 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Семья является одним из основных, фундаментальных институтов существования человека и общества. Уже это знание само по себе говорит об актуальности её исследования, изучения направления трансформаций внутрисемейных отношений, изменений места этого института среди других основных социальных институтов. Главное свойство семьи, придающее ей институциональный характер – обеспечение воспроизводства человеческого общества, т.е. рождение потомства, его выхаживание и «научение» жизни в обществе.

Изменения этого института происходят на протяжении всей истории человечества. Институтция «семья» приспосабливается к тому, какие трансформации происходят в обществе – в его экономической, политической, социально-культурной сферах. Иногда отдельные аспекты этих изменений требуют большой «гибкости» институтов брака и семьи, хотя некоторые стороны жизни семьи не трансформируются веками, тысячелетиями.

То, что трансформации семьи необходимы и закономерны, наглядно иллюстрирует высказывание Герберта Отто, взятое авторами книги «Семья на пороге третьего тысячелетия» в качестве эпиграфа: «Если чему-то суждено погубить нас и как семью, и как общество, то это не изменение, а неспособность изменяться» [Семья..., 1995, с. 9]. В процессе трансформации¹

¹Под современными (сегодняшними) трансформациями институтов брака и семьи подразумевается не процесс системного изменения, но изменение форм (трансформации) этих институтов, переход их от одной формы к другой. *Системными* считаются два эволюционных этапа в истории развития семьи. Первый (доисторический) – происхождение моногамного брака; второй (XVIII–XIX вв. – модернизационный) – появление элементов «рационального» поведения в сфере брака и семьи: брачного выбора, возраста вступления в брак, рождения детей, их числа, календаря рождений.

семья всегда приспосабливалась и приспосабливается в наше время к потребностям общества в новых членах — здоровых, воспитанных, образованных — так что её воспроизводственная функция всегда оставалась и остаётся главной.

1.1. «Трансформация» или «кризис»: постановка научной проблемы

Состояние дел в сфере семьи и брака на протяжении уже нескольких десятилетий в России многими современными авторами характеризуется и в терминах «кризиса», «упадка», «деградации», «распада», и в терминах «трансформации», «эволюции», «модернизации». Основными аргументами сторонников как первого, так и второго направления служат, главным образом, низкие и снижающиеся показатели рождаемости, брачности, высокие показатели разводимости, распространение неофициальных супружеских союзов, внебрачных рождений и т.д. А главными причинами-факторами этих явлений называют эмансипацию женщин, занятость их в общественном производстве, индивидуализацию жизненных путей мужчин и женщин, изменение всей системы брачных/семейных норм, ценностей — всё дальше отходящей от гендерных стереотипов, от традиционных семейных устоев (отношений).

Вопрос о том, что лежит в основе этих изменений, остаётся открытым. Отмечу, что уже на протяжении 40–50 лет в российских научных кругах — социологических, демографических, психологических, философских — идут горячие дискуссии о причинах, факторах и последствиях низкой рождаемости, высокой разводимости, низкой брачности и т.п. Современные социальные изменения в сфере брака и семьи в России трактуются как явления, разрушающие институциональность семьи и её нарастающую дисфункциональность. В 1990-е и последующие годы термин «кризис семьи» стал практически общепринятой характеристикой положения дел как при обсуждении современных демографических проблем — рождаемости, брачности, разводимости, так и социальных проблем, связанных с распространением детской беспризорности, социального сиротства в России, как следствиях такой ситуации в данной сфере (табл. 1.1).

Таблица 1.1

**Динамика социального сиротства
и беспризорности в России, тыс. чел.**

Показатель	1990	1995	2000	2005	2009
Выявлено и учтено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей	49,1	113,3	123,2	133,0	112,6
Численность детей, отобранных у родителей, лишённых родительских прав	20,6 (1993)	31,4	56,4 (2001)	74,1 (2006)	72,3

Источники: Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008, с. 250, 252; Шульга Т.И. Социально-психологические проблемы выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik-mgou.ru/ 2011/4). Психология, с. 87.

В то же время распространяется и феномен приёмных семей как реакция на растущее число детей – социальных сирот (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Число приёмных семей и численность детей в них*

Субъект РФ	2001	2005	2007	2008
Россия	1945 (4398)	5827 (11805)	11354 (20826)	22017 (38414)
Москва	10 (41)	9 (35)	8 (23)	26 (46)
Московская обл.	5 (24)	109 (185)	400 (574)	955 (1270)
Сибирские регионы				
Новосибирская обл.	4 (27)	125 (306)	345 (691)	655 (1194)
Кемеровская обл.	1 (6)	121 (213)	733 (1179)	1335 (2070)
Красноярский край	11 (108)	12 (80)	25 (118)	421 (1012)

*В скобках указано число приёмных детей.

Источник: Гурко Т.А., Белобородова О.А. Становление института приёмной семьи в регионах // СОЦИС. – 2009. – № 9, с.136.

Не останавливаясь пока подробно на «споре о терминах», т.е. на вопросе о соответствии понятий («деинституционализация», «реинституализация», «кризис», «деградация», «дисфункция» и пр.) тем процессам, которые происходят в реальности в семье, в сфере частной жизни, отмечу, что проблема понимания,

объяснения, интерпретации социальных изменений в брачно-семейной сфере стоит давно и весьма остро. Актуальность и острота этой проблемы связана с необходимостью и возможностями предвидения последствий этих изменений и управления ими с целью предотвращения негативных последствий для человека и общества.

Рассмотрим здесь кратко современную историю этой проблемы¹ (со второй половины XX века). В середине 1960-х годов в СССР, и особенно в России, на Украине, в Прибалтике, проблемой объяснения перехода к малодетной модели семьи сначала озадачились демографы, заметившие тогда тенденцию существенного снижения показателей рождаемости (вслед за послевоенным «бэби-бумом»). Снижаясь, коэффициент суммарной рождаемости в России (РСФСР) колебался около двух [Курман, 1987, с. 205–216, 209]:

1958–1959	1965–1966	1969–1970	1975–1976	1977–1978
2,63	2,13	1,97	1,97	1,94

И действительно, у малочисленных родительских поколений (предвоенных, военных и послевоенных) в 1960-х годах рождалось в среднем по 1–2 ребёнка. В следующие десятилетия ситуация с показателями рождаемости улучшилась (в основном, из-за нормализации численности и полового состава молодых поколений), но модель малодетной семьи сохранилась и по-прежнему оставалась наиболее распространённой. Кроме того, с середины 1960-х годов резко увеличились показатели разводимости – изменения в законодательстве облегчили процедуру развода. Исследования учёных, и теперь уже не только демографов, но и социологов, психологов, философов были нацелены на объяснение процессов, происходящих в сфере брака, семьи и в целом в демографической сфере общества, на выявление их факторов, на прогнозирование будущего этой сферы.

Некоторые авторы уже в 1970-х годах писали о проблеме грядущей депопуляции (абсолютного сокращения численности населения страны), обусловленной негативными явлениями в сфере брачно-семейных отношений: малодетностью, нестабильностью браков. Основные выводы многих работ в этой области были о

¹ Более подробно исторические аспекты методологии интеграции социологии семьи и демографии будут рассмотрены в п. 2.2 настоящей монографии.

необходимости материального стимулирования рождаемости, об усилении идеологической работы, нацеленной на повышение ценностей многодетности/среднедетности.

В 1980-х годах в СССР были разработаны и реализованы мероприятия социальной политики, направленные на финансовую помощь и поддержание женщин, родивших детей: были увеличены небольшие до того пособия, добавлены оплачиваемый отпуск (до достижения ребёнком 1 года) и неоплачиваемый отпуск (до достижения ребёнком 3 лет). В результате этих мер показатели рождаемости немного выросли (реализовались отложенные рождения), но малодетность всё-таки осталась главной характеристикой репродуктивного/воспроизводственного поведения семьи.

Затем наступили 1990-е годы, которые принесли в российское общество целый комплекс социальных, экономических, культурных трансформаций, деформаций, кризисов, реформ. И в те же годы появились демографические и социологические исследования, результаты которых свидетельствовали о новом (сильном) снижении числа рождений, детей в семье, о распространении таких «как бы новых» явлений в частной жизни россиян, как сожительства, внебрачные рождения (см., например, [Михеева, 1994; Иванова, Михеева, 1998]).

Здесь уместно напомнить, что П. Сорокин ещё в 1916 г. писал об аналогичных же тенденциях как эмпирических свидетельствах того, что он назвал тогда «углубляющимся кризисом» института семьи. В связи с этим он в начале XX века обсуждал следующие явления в сфере семьи и брака: растущий показатель разводов; уменьшение числа заключаемых браков; удовлетворение полового влечения вне брака; рост числа внебрачных детей; рост числа аборт; распространение проституции; уменьшение числа детей в браке; эмансипацию женщин; превращение брака в светский институт; передачу государству воспитательных, образовательных и опекунских функций (цит. по: [Голод, 1998, с. 44, 243]).

В более поздних работах общее понимание кризиса семьи как части более широкого кризиса (современного общества) у П. Сорокина изменилось. Потом он будет трактовать происходящие в семье процессы уже более умеренно, называя их флуктуацией, циклическими изменениями, интеграцией/деинтеграцией, и комплекс этих категорий станет его основным объяснительным принципом [Голосенко, 1991].

Сомнения П. Сорокина в правильности применения категории «кризис семьи» вполне понятны, и, на наш взгляд, отражают реальное положение вещей: изменения, замеченные им в начале XX века, продолжали происходить на протяжении всех последующих лет и происходят до сих пор. Но такой долгий период перемен противоречит самому определению «кризиса»: «резкий перелом, тяжёлое переходное состояние» [Большой словарь..., 2003, с. 344]. Так что долговременные исторические изменения в сфере семьи корректнее назвать эволюцией или трансформацией.

Вернёмся в наше время. В России на рубеже веков и в начале нового XXI века стали появляться сообщения в публицистике и затем и в научной литературе о будто бы совсем «новых», дотоле неизученных и «неизвестных» явлениях в сфере частной/приватной жизни. Теперь в СМИ часто обсуждаются темы таких брачно-семейных «бед», как сознательное безбрачие-воздержание («асексуальность»), ранняя сексуальность, подростковая беременность, сознательная бездетность («childfree»), одиночество как стиль жизни, внутрисемейное насилие, насилие над детьми, однополые супружеские союзы (гей- и лесби-), отказы от новорождённых, беспризорные дети... Может быть, эти явления происходили в реальности и раньше, но публикации о них стали возможными в результате социально-правового реформирования в России и «открытия секретных файлов»? Но возможно, что эти явления стали и более частыми в связи с так называемой культурной революцией – всё более ускоряющейся трансформацией (ломкой) культурных норм и ценностей во всех сферах жизни, но особенно – в сфере частной жизни россиян.

Эти и другие явления в частной жизни становятся предметом социологических, демографических, психологических, юридических исследований. Но, по-видимому, из-за идеологического, этического и других аспектов изучение этих феноменов остаётся пока в положении маргинального.

Практически все перечисленные выше изменения, происходящие в брачно-семейных отношениях, в частной жизни россиян (в их «объективных измерениях») – начиная с модели малодетности и дальше – до беспризорности) интерпретируются, понимаются и объясняются современными авторами следующим образом. Эти феномены считаются непосредственно обусловленными сложной социально-экономической ситуацией в России на рубеже XX–

XXI век: экономическим реформированием, бедностью, аноимией, трансформацией ценностно-нормативной системы общества в целом.

Конечно, кризисные ситуации являются ускорителями трансформации во всех сферах общества, и институт семьи – это одна из таких трансформирующихся сфер. Но непонятно, почему же исследователи не вспоминают (не знают?) о горячих научных дискуссиях по поводу сверхнизкой рождаемости в России в 1960–1980 гг., сильной дифференциации рождаемости по регионам России, по республикам Советского Союза, по городскому и сельскому населению и по многим другим социальным характеристикам населения (женщин) (см., например, [Бондарская, 1977; Захаров, 1990]). Стало быть, «кризисное» объяснение социально-демографических тенденций не выявляет существенные источники изменений в сфере брака, семьи и вообще в пространстве частной жизни, происходящих в нашем обществе на протяжении всего XX века (табл. 1.3).

Эти тенденции продолжают и теперь. Но сходные тенденции в этих сферах: откладывание регистрации брака, планирование числа детей и «календаря» их рождения – наблюдались и в середине XX века, и наблюдаются сейчас (в XXI веке) практически во всех европейских, североамериканских странах, в Японии (табл. 1.4).

Таблица 1.3

**Долговременная динамика
коэффициента суммарной рождаемости (КСР)
в России и в некоторых странах мира**

Годы	Россия	Украина	Велико- британия	Франция	Германия	США	Япония
1896–1900	7,1	7,5	3,6	2,9	5,0
1926–1930	5,4	5,3	2,0	2,3	2,1	3,3	...
1960	2,6	2,3	2,7	2,7	2,4	3,7	2,2 (1973)
1985	2,1	2,1	1,8	1,8	1,3	1,8	...
1990	1,9	1,9	1,8	1,8	1,5	2,1	...
2000	1,2	1,1	1,7	1,8	1,4	2,1	1,4
2008	1,4	1,3	1,9	2,0	2,0	2,1	1,3

Источники: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998, с. 124; 2008 World Population. Data Sheet. Population Reference Bureau. – Washington, USA, 2008.

**Динамика некоторых характеристик
рождаемости и первого брака в развитых странах
во второй половине XX века**

Страна*	Годы	Коэффициент суммарной рождаемости (КСР)	Средний воз- раст невест при регистрации первого брака	Средний возраст матери при рождении	
				первого ребёнка	всех детей
США	1957	3,77	21,5	22,4	26,4
	2000	2,13	26,0	25,4	27,4
Канада	1959	3,94	22,0	—	27,9
	1997	1,55	28,0	26,9	28,5
Швеция	1966	2,37	23,5	25,3	27,1
	2000	1,54	30,2	27,9	29,9
Германия	1969**	2,21	22,5	24,2	27,0
	1999	1,41	27,3	28,0	28,9
Велико- британия	1971	2,41	22,4	—	26,2
	2000	1,65	27,5	28,5	29,1
Хорватия	1972	1,96	21,4	23,1	25,8
	2000	1,39	25,3	25,5	27,7
Франция	1972	2,41	22,4	24,3	26,9
	1999	1,79	27,5	28,7	29,3
Япония	1973	2,17	24,1	—	27,6
	2000	1,37	27,0	27,9	29,7
Венгрия	1976	2,26	21,2	22,4	25,1
	2000	1,32	24,6	25,1	27,3
Испания	1979	2,37	23,4	24,8	28,3
	1999	1,20	27,7	29,0	30,7
Эстония	1990	2,05	22,4	22,7	25,7
	2000	1,39	24,8	24,0	27,0
Россия	1990	1,89	21,8	22,6	25,2
	2000	1,21	22,8	23,2	25,8
Армения	1992	2,35	21,7	22,3	24,6
	2000	1,11	23,1	23,0	25,0
Украина	1992	1,72	20,6	—	24,6
	2000	1,09	21,4	22,9	25,1

*Страны ранжированы по году начала снижения рождаемости у матерей в возрасте до 20 лет.

**ФРГ.

Источник: [Демографическая модернизация..., 2006, с.140, 145].

Как видно, во многих обществах происходят изменения, схожие с российскими – снижение рождаемости, откладывание регистрации браков (повышение среднего возраста невест при регистрации первого брака). Эти процессы, так же, как и в России, отражают современный этап трансформации институтов брака и семьи. Общества, включая и Россию, вступившие один-два века назад на путь индустриализации, экономического развития, рационального мышления, детоцентризма, отличаются лишь исторической длительностью трансформационных/модернизационных процессов в сфере частной жизни (историческим временем начала изменений); интенсивностью протекания их в XX веке; глубиной проникновения в культуру; участием государства в регулировании, контроле институциональных функций семьи и поддержке взрослых людей и детей, попавших в трудные жизненные условия.

Различаются и подходы к интерпретации изменений в сфере семьи – научные, политические, идеологические. Так же, как и российские учёные, зарубежные авторы-исследователи ведут дискуссию о процессах, тенденциях в сфере брака и семьи, их объяснениях и интерпретациях. Во многих обществах также распространяются феномены низкой рождаемости, большой частоты внебрачных рождений, разводов, социального сиротства (вследствие многих причин, в том числе и в России – отобрания детей у родителей, лишённых родительских прав), но и распространение приёмных семей. Одни аналитики видят в этих явлениях доказательства кризиса институтов моногамного брака, семьи [Карлсон, 2003; Попеное, 1996], другие рассматривают происходящие процессы как свидетельства их трансформации [Черлин, 1996], появление «новой» семьи [Silva, Smart, 2000].

Практически все исследователи семьи приводят данные социологических опросов о стабильно высоком месте ценности семьи, счастливого брака [Мацковский, Олсон, 1995] в индивидуальной ценностной структуре. Но, как верно отмечает Б.В. Дубин, «Семья – ценность “общепризнанная”, никого в отдельности не характеризующая; она – не предмет индивидуального или группового выбора, а общая черта социального уклада, может быть, отдельной эпохи в жизни общества» [Дубин, 1995, с. 24–27]. А вот какая это семья, из кого она состоит, какие в ней взаимоотношения – у каждого человека складывается по-разному.

Каждый человек в своей жизни является субъектом тех или иных взаимодействий, отношений, которые происходят в его част-

ной/личной жизни. Это, прежде всего, первичные, «детские» отношения – взаимодействия с родителями, прародителями, братьями, сёстрами, родственниками – по семье происхождения. Затем в юности, в молодости – с подругами, друзьями, партнёрами по интимным, любовным отношениям; в зрелом возрасте – с брачным партнёром, с ребёнком/детьми, с родственниками, свойственниками – по отношениям свойства со стороны родительской (своей по происхождению) семьи и с родственниками-свойственниками со стороны брачного партнёра.

Эти отношения/взаимодействия в реальности определяются характером, содержанием семейных личностных ролей, типом поведения индивидов в частной жизни. Но взаимодействия людей в этих группах, называемых семьями, супружескими парами, другими формами организации частной жизни (сожительство, партнёрство, союз) имеют институциональный характер, так как происходят в рамках определённых, устоявшихся (или устанавливающихся на наших глазах), ставших привычными (и становящихся привычными здесь и сейчас) правил поведения и повседневных практик – на основе принятых в обществе норм и санкций [Бергер, Лукман, 1995]. Между тем и возрастающее значение сексуальных, интимных отношений, анализ их исторических истоков, современное «опривычивание» всё чаще становятся предметом осмысления и переосмысления философов и социологов (см., например, [Фромм, 1990; Райх, 1997; Гидденс, 2004; Фуко, 2004; Голод, 1996]).

Важно подчеркнуть, что в основе нормативно-ценностной системы (структуры) брачно-семейных отношений/взаимодействия женщин, мужчин, детей, пожилых людей в семье, в частной жизни лежит, прежде всего, *биологически обусловленное* разделение труда в сфере воспроизводства человеческой жизни и на его основе – длительное *культурно-историческое* конструирование гендерных, супружеских, родительских, возрастных норм, ролей, ценностей, представлений. К сожалению, объяснения, интерпретации стремительных изменений в последние десятилетия в России этих «субъективных измерений» в сфере частной жизни обычно сводятся к их обусловленности экономическими проблемами в стране, бедностью значительной части семей, особенно молодых, современными кризисами в российском обществе, «выходом» женщин из семьи в публичную сферу (образования, производства, предпринимательства).

Такие объяснения не вполне убедительны по следующим причинам:

– во-первых, в России и раньше – в 60-е, 70-е и 80-е годы XX века – экономическая ситуация не являлась кризисной, но реальность частной жизни была аналогичной нынешней (высокая разводимость, низкая рождаемость и т.п.);

– во-вторых, в российском обществе на протяжении жизни уже четырёх поколений занятость женщин в общественном производстве была практически всеобщей, так что процесс трансформации ценностно-нормативной гендерной, брачной, репродуктивной систем был «запущен» не экономическими преобразованиями 1990-х годов, а происходил на протяжении всего XX века, а, возможно, и ещё раньше;

– в-третьих, как уже было отмечено, во многих европейских и иных вполне «социальных» государствах наблюдаются схожие с российскими тенденции в направлениях векторов «субъективных измерений» брачных, семейных и других отношений в сфере частной жизни.

Итак, вопрос об общих сущностных причинах изменений ценностной системы, социальных норм, определяющих брачные, семейные, родительские, гендерные отношения людей, остаётся открытым.

Таким образом, представляется весьма актуальной в научном и практическом отношении задача изучения, научного понимания, объяснения¹, интерпретации процессов, происходящих в сфере семьи. Решение этой задачи позволит конструктивно подойти к рассмотрению проблем *необходимости и возможности* регулирования, управления этими процессами (в сфере брака, семьи, рождаемости, вообще – в сфере частной жизни), как на уровне общества и его органов управления, так и на микроуровне (в индивидуальных, внутрисемейных отношениях).

Научная проблема, рассматриваемая в данной работе, состоит в несоответствии между декларируемой «потребностью общества» в стабильной семье как институте возобновления поколений в условиях высокой динамичности трансформации этого института и недостаточной разработанностью концептуальных основ социального механизма трансформации брачно-семейных отношений и в целом – социальных процессов в сфере частной жизни.

¹Здесь я пока не останавливаюсь подробно на рассмотрении дилеммы *понимания и объяснения* социальных фактов. Между тем этот вопрос, конечно, имеет важное методологическое значение при интеграции объективистских и субъективистских подходов (см.: [Батыгин, 1986, с. 145–206]).

Поскольку главной (институционализирующей) функцией брака и семьи являются рождение и воспитание (первичная социализация) потомства, то и разрабатываемый в данной работе подход к решению этой проблемы предполагает взаимосвязанный анализ двух структур:

– макроуровневых структур развития/состояния демографической сферы общества: структурных, надындивидуальных, т.е. внешних по отношению к индивиду, объективных;

– микроуровневых отношений и практик в семье, в сфере частной жизни: поведенческих, индивидуальных/групповых, субъективных.

1.2. Основные понятия и задачи изучения трансформации семейных отношений

Семья, брак, супруги, родители, дети – понятия, смысл которых ясен всем. Изучение этих феноменов ведётся множеством дисциплин и отраслей знания, как общественных, так и естественнонаучных. Поэтому для этих понятий нет «устоявшихся» «точных» определений; в каждой дисциплине они даются в соответствии с исследовательскими целями и научными притязаниями.

Не углубляясь в «дискуссии о терминах», основные понятия необходимо определить для отграничения объекта изучения. Важно отметить при этом, что в определениях семьи, брака и взаимодействиях индивидов в их рамках обязательно подчёркивается социальная, культурологическая обусловленность всех изменений, происходящих с этими институтами, группами, агентами/актерами. Так что каждое из всех нижеприведённых понятий необходимо и возможно рассматривать на двух уровнях: как институциональное (надындивидуальное) целое и как сложные субъективно-личностные отношения и практики. Эти «двойственные» определения не противопоставляются, а являются, по существу, дополняющими друг друга.

Под *браком* в данной работе понимается союз двух взрослых людей разного пола, получивший общественное признание и одобрение. Брак как социальный институт – это совокупность социальных норм, санкционирующих взаимоотношения полов (мужчины и женщины) и тем самым регулирующих воспроизводство потомства ([см., например, [Энгельс, 1978]). Институциональная функция бра-

ка – удовлетворение потребности общества в продолжении человеческого рода, «производстве самого человека», т.е. рождении детей.

Брачные отношения – определённая устойчивая система социальных отношений двух взрослых людей разного пола, сложившихся в процессе их взаимодействия друг с другом по поводу рождения детей в условиях данного общества.

Родственные отношения – определённая устойчивая система социальных отношений, возникающих при образовании брачного союза, либо являющихся следствием кровной связи между людьми (матери, отцы, братья, сёстры, дети и т.д.). Индивиды, образовавшие брачный или супружеский союз, становятся родственниками друг другу.

Под *супружескими отношениями* в данной работе понимается определённая устойчивая система социальных (включая интимные) отношений двух и/или более взрослых людей, сложившихся в результате их взаимодействия друг с другом в процессе совместной жизни в условиях данного общества. Институциональный характер супружества основан на привычных нормативных практиках личностного, интимного, сексуального взаимодействия взрослых людей¹, имеющих или не имеющих репродуктивных намерений². В рамках супружеских отношений институционализируются не только интимные и сексуальные, но и другие привычные практики: хозяйственные, бытовые, досуговые.

Родительство – социальный институт, представляющий собой совокупность норм, определяющих социальные (и биологические) отношения родителей с их ребёнком/детьми: правовые, воспитательные, опекунские – в условиях данного общества.

Материнство и *отцовство* являются субинститутами родительства. Для разграничения понятий «родительство», «материнство» и «отцовство» важно иметь в виду, что понятие «родительство» является надындивидуальным целым, выходящим за рамки индивида, в то время как «материнство» и «отцовство» – касаются и спе-

¹ Следует отметить, что по вопросу институциональности супружества также нет общепринятых определений у исследователей. Так, С.И. Голод практически во всех своих работах подчёркивает неинституциональный характер супружества. Другие же авторы пишут о супружестве, как о субинституте семьи. (См., например, [Исаев, 2008, с.102–104]: «Как в исторически наименее стереотипизированном образовании, в «супружеской семье» есть уникальные возможности для отхода от доминирования одного из членов семьи».)

² При наличии репродуктивных намерений и их «эффективных» исходов такие отношения определяются как брачные.

цифических совокупностей норм того и другого субинститута, и отдельных индивидов (матери и отца) по поводу их личностных отношений с детьми (см., например, [Кон, 1987; Овчарова, 2006]).

Под *семьей* в работе понимается группа людей, связанных прямыми родственными отношениями (брака, супружества, родительства, родства), взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми и за недееспособными родственниками. Семья как социальный институт представляет собой совокупность исторически сложившихся устойчивых социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих отношения между супругами, родителями и детьми, другими родственниками.

У *семьи* круг институциональных функций шире по сравнению с *браком*:

– продолжение человеческого рода – «производство самого человека»: рождение детей и уход за ними (данная функция частично совпадает с функцией брака), материальная поддержка и уход за несамостоятельными родными взрослыми членами семейства (родственниками/свойственниками);

– сохранения и передачи из поколения в поколение правил, норм и ценностей, принятых в данном обществе (первичная социализация);

– организация совместной частной жизни – хозяйственные, бытовые, досуговые, интимные и другие отношения.

Под *семейными отношениями* в данной работе понимается определённая устойчивая система социальных отношений родственников/свойственников как членов малой социальной группы. Семейные отношения частично совпадают с родственными, но чаще характеризуют социальные отношения людей родственников/свойственников, проживающих совместно.

Сфера частной (приватной) жизни – пространство семьи¹, семейных, супружеских, родственных отношений, отношений с детьми² (в противопоставление публичной сфере – институтов

¹ См., например: Тартаковская И.Н. Приватная сфера и гендерные отношения в семье. Лекция 10. С. 189–208. В кн. [Тартаковская, 2005]. Несколько иное понимание встречается в статьях А.Г. Левинсона, который большее внимание придает дихотомии «государственное – гражданское», но не «публичное – частное (интимное)» – см. [Левинсон, 2009].

² К сфере частной жизни относится и религиозная жизнь, которая в наше время всё в меньшей степени связана с участием в публичных богослужениях и является делом уединённой молитвы или частных убеждений. Однако этот аспект приватной жизни не входит в исследовательский круг данной работы.

государства, экономики, политики, СМИ, пространства общественных мест: парков, школ, кафе и пр.¹). Следует отметить, что сторонники феминистских теорий широко используют категорию «приватная сфера»; они считают, что разделение реальности на приватную и публичную сферы, типичное для современной повседневной жизни, является структурным основанием гендерных отношений (см., например, [Эльштайн, 2000, с. 64–68]).

Очевидно, что приведённые определения основных понятий имеют дискуссионный характер, но при их формулировании была предпринята попытка кратко, более или менее полно и точно отразить их соответствие сегодняшней реальности, подчёркивая тем самым динамичность их форм, социальную обусловленность, эволюционный характер перемен.

Теоретическим объектом нашего исследования являются современные трансформационные процессы в социальных институтах сферы частной жизни: брака, семьи, супружества, родительства.

Предмет исследования – социальный механизм взаимодействия процессов трансформации институтов сферы частной (приватной) жизни и демографического развития общества.

Цель исследования – разработка теоретико-методологических основ интегрального подхода к изучению современных процессов в социальном пространстве брака, семьи, частной жизни и проверка истинности этих теоретических положений (их верификация) на историческом и современном статистическом и социологическом материалах.

Свойство «интегральности» в данном случае отражает две вещи (имеет двойной смысл):

– во-первых – это трансдисциплинарность исследования в смысле Н. Лумана² плюс метапарадигмальность в смысле П. Бур-

¹ См., например, [Сеннет, 2002].

² Н. Луман в статье о понятии риска пишет, что «есть области исследования, которые можно обозначить как «трансдисциплинарные» отрасли знания (например, кибернетика, теория систем)». Исследования риска он рассматривал ещё одной такой областью [Луман, 1994, с. 138]. По-видимому, исследования брака и семьи также можно считать «трансдисциплинарной» отраслью знания: эти институты являются объектом изучения социологии семьи, социологии молодёжи, экономической социологии, демографии, экономики, психологии, психиатрии, сексологии, медицины, педагогики и других наук.

дьё, Э. Гидденса, Дж. Ритцера¹, Р. Коннелла [Коннелл, 2000], В. Ядова [Ядов, 2006] и др.;

– во-вторых – это возможность перемирия в войне «парадигм», т.е. стремление если и не преодолеть теоретические расхождения исследовательских концепций в отечественной социологии семьи, то хотя бы попытаться изучить свой объект с учётом разных позиций и показать их непротиворечивость, не альтернативность, но онтологическую² общность.

Важнейшее понятие в работе – «социальный механизм». Эта категория (социальный механизм того или иного общественного процесса) рассматривается практически во всех современных социальных исследованиях. Т.И. Заславская отмечает, что «изучение социальных механизмов является одним из наиболее актуальных направлений этих исследований» [Заславская, 2004, с. 198]. По определению Т.И. Заславской социальный механизм представляет собой «систему социальных взаимодействий субъектов, включённую в рамки системы ограничений, свойственной данному обществу и, в свою очередь, их изменяющую» [Там же, с.189].

Эта категория (социальный механизм) применительно к современным трансформационным процессам в широком круге социальных сфер российского общества довольно досконально разработана в рамках исследований Новосибирской экономико-социологической школы (см., например, [Россия..., 2003]). Исследовать социальный механизм – значит, представить процесс как некоторую целостность, охватывающую и устойчивые структурные воздействия, и индивидуальные/групповые действия, отношения. Если следовать определению социального механизма Т.И. Заславской [Там же, с. 93–109]³, то изучение социального механизма трансформации брачно-семейных отношений и в целом – социальных процессов в сфере частной жизни – заключается в

¹ Обзор метатеорий в социологии см., например, в работе [Ритцер, 2002, с. 477–482, 562–569].

² Онтологические принципы, на которые опирается социология семьи, определяют, какова сущность описываемой реальности. («Онтология – раздел философии или метафизики, в рамках которого рассматриваются вопросы бытия (existence). Онтологические положения – это сущностные допущения, лежащие в основе теорий о возможности бытия различного рода объектов (entities)» [Аберкромби и др. 2004, с. 305]).

³ Гл. 6. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России. Т.И. Заславская, с. 93–109.

том, чтобы показать, каким образом действия социальных акторов микроуровня (*индивидов, групп* – А. М.) меняют макрохарактеристики институтов брака и семьи в обществе, и как изменение этих характеристик, в свою очередь, воздействует на жизнь и деятельность микроакторов, т.е. индивидов, супружеских пар, семей/домохозяйств.

Следует отметить здесь, что теоретические подходы, а также аналитические схемы и блоки механизма трансформационного процесса, разработанные учёными Новосибирской экономико-социологической школы, были нацелены на исследование трансформационной ситуации, главным образом в экономическом, политическом и других публичных полях, наблюдавшейся в России в последние десятилетия XX века и на рубеже XX и XXI веков [Россия..., 2003, с. 153–164, 193–222]¹. Между тем в сфере частной жизни трансформационные процессы, так же как и модернизация демографической сферы в целом, происходили в России (и в СССР) на протяжении всего XX века. А начались эти трансформации, возможно, ещё и в XIX веке [Демографическая модернизация..., 2006]. Так что использование аналитических схем, разработанных экономсоциологами в поле публичной сферы, при построении теории социальных механизмов трансформации сферы частной жизни возможно лишь в самых общих чертах. Причина здесь не только в значительно более длительном периоде трансформаций в сфере брака, семьи, населения, но и в специфической природе процессов, происходящих в приватной сфере. А именно – то, что происходящие в ней процессы, скорее всего, не всегда и не столь однозначно (по сравнению с процессами в публичной сфере) обусловлены экономическими, политическими и другими факторами.

Основная теоретическая гипотеза нашего исследования состоит в том, что институциональные трансформации в сфере частной жизни (брачных, семейных, детско-родительских отношений, сексуальных/интимных) детерминируются исторически обусловленным состоянием демографической сферы общества (режимом воспроизводства населения). В современных условиях трансформационные процессы в сфере частной жизни и семей-

¹ Гл. 9. Социальный механизм институционализации неправовых практик. Т.И. Заславская, М.А. Шабанова, с. 153–164; гл. 11. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики. З.И. Калугина, с. 193–222 и др.

ных отношений в российском обществе можно охарактеризовать как глобальные и, по-видимому, необратимые.

В связи с этим предполагается рассмотреть следующие задачи, первые две из которых имеют теоретическую направленность, а две последующие нацелены на верификацию теоретических положений исследования:

- Рассмотреть и проанализировать существующие теоретические подходы к изучению современного состояния институтов брака и семьи с позиции возможностей интеграции макро- и микросоциологических дискурсов (а также с точки зрения понимания и интерпретации современных процессов в сфере частной жизни).

- Разработать теоретическое представление о механизме взаимодействия трансформации институтов сферы частной жизни (брака, супружества, семьи, родительства, интимности, домохозяйства) и демографической сферы общества (численности населения, режима его воспроизводства) с позиций преодоления дилемм структуры и действия, макро- и микро, объективистских и субъективистских подходов.

- Рассмотреть и проанализировать историю/генезис формирования социальной структуры¹ демографической сферы общества как объективной предпосылки трансформации институтов сферы частной жизни, опираясь на теории и идеи о соотношении численности населения и социального развития обществ (Конфуция, Ж. Кондорсэ, Т. Мальтуса и др.), а также концепции «оптимума населения» (А. Сови), глобального демографического взрыва/перехода (В.И. Вернадского, «Римского клуба», С.П. Капицы).

- Проанализировать, дать интерпретацию и объяснить современные процессы в сфере семьи, брака, вообще – в сфере частной жизни с использованием методологии разработанного нами подхода в рамках парадигмы генетического структурализма.

¹ «Социальная структура – очень важная социологическая категория, одна из тех, которые часто используются в социологии, но редко обстоятельно обсуждаются... Обычные, устоявшиеся, упорядоченные модели, образцы взаимодействия между индивидами или группами» [Гидденс, 2005, с. 19, 617].

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕМЬИ: ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ МАКРО- И МИКРОДИЛЕММЫ В СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ

2.1. Междисциплинарность изучения семьи – формальная и реальная

Брак, семья, домохозяйство являются феноменами сферы частной жизни общества. Эти институты, а также взаимодействия, взаимоотношения включённых в них индивидов, являются объектом изучения многих социальных дисциплин. Это и философия, и антропология, и этнография, и экономика, и история, – исследующие возникновение этих институтов, системы родства, уклады семейной жизни, семейные обряды, обычаи, ритуалы в различных обществах, странах, а также и их изменения с прошлых времен до наших дней (см., например, [Рассел, 2004; Мэрдок, 2003; Пушкарёва, 1997; Беккер, 1994, 2003; Миронов, 2000; Муравьева, 2001]). Это и семейное право, и экономика домохозяйства, и социальная психология, и социальная педагогика, и социальная работа, изучающие узаконение семейных отношений, деятельность семьи/домохозяйства в сфере производства, потребления, быта, доходных и расходных бюджетов, специфику поведения супругов (взрослых членов семьи), поведения детей и родителей, организацию помощи семьям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях и т.д.

Две дисциплины – социологию семьи и демографию – можно считать первостепенными в исследованиях институциональных трансформаций брака и семьи, поскольку физическое воспроизводство новых поколений и их первичная социализация является институциональной сущностью семьи; состояние и динамика в этих сферах сказывается и на переменах во внутрисемейных структурах-отношениях. Сущностная близость этих дисциплин следует из определения их предметов изучения:

– в рамках демографии изучаются закономерности формирования численности и состава населения – как результатов рождений и смертей, динамика показателей интенсивности этих событий во времени и в разных обществах;

– предметом социологии семьи является социальная обусловленность явлений, происходящих в сфере семьи, брака – на ин-

ституциональном ли уровне или на уровне индивидуальной брачной, супружеской, семейной жизни людей.

Социология семьи изучает социальную обусловленность таких событий в жизни людей, как образование супружеской или брачной пары, рождения у неё детей, отношение к детям, уход за ними, внимание и забота о здоровье своём и членов семьи, сохранения здоровья и жизни (своих и детей), и вообще – сохранения своей семьи. Вместе с тем числа событий – браков, рождений, разводов, смертей как результаты (демографического) поведения людей в частной сфере – в конце концов, оказываются теми статистическими (макроуровневыми) показателями, которые характеризуют состояния демографической сферы общества (демографическую ситуацию): численность населения, его состав по полу, возрасту, состоянию в браке, семейному и брачному положению, показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости и др. Но именно эти характеристики и закономерности их формирования (роста, снижения) являются предметом изучения демографии¹.

Изменения, происходящие в институтах брака, семьи, были объектом социологического изучения практически на протяжении всего XX века зарубежной и отечественной науки.

Обширный обзор социологических исследований семьи зарубежными и российскими учёными содержатся в работах В.Б. Голофаства, А.Г. Харчева, З.А. Янковой, Н.М. Римашевской, М.С. Мацковского, А.Г. Антонова, С.И. Голода, Т.А. Гурко и др. [Голофаст, 1974, 2006; Харчев, 2003; Янкова, 1979; Окно..., 1999; Мацковский, 1989; Антонов, 1980; Голод, 1984, 1998; Гурко, 2008]. И практически в каждой обзорно-аналитической работе, в выводах эмпирических исследований констатируется, что с семьёй, как социальным феноменом, происходят кардинальные изменения, в основании которых лежит трансформация брачных, семейных ценностей, ценностей детей/ребёнка, а также – социальных норм, ориентаций, представлений.

В работах демографов А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, Г.А. Бондарской, Л.Е. Дарского, С.В. Захарова, М.С.Тольца, А.А. Авдеева, О.Д. Захаровой, В.А. Борисова и А.Б. Синельникова также исследуются и объясняются закономерности социально

¹ Предмет демографии (в его узком и широком понимании) как одной из социальных наук обсуждается многими исследователями (см., например, [Волков, Вишневский, 1983; Корель, 2005]).

демографических изменений в обществе [Вишневецкий, 2005(б); Волков, 1999(б); Бондарская, 1999, Дарский, 1972, 1995; Захаров, 2007; Тольц, 1986; Авдеев, 1998; Захарова, 1999; Борисов, Синельников, 1995]. При этом исследователи-демографы также апеллируют к процессам трансформации в сфере брака и семьи и объясняют демографические тренды изменениями брачных, репродуктивных норм, ценностей, ориентаций.

Как видно, практически во всех исследованиях, перечисленных выше, а также и в работах в рамках многих других научных дисциплин, изучающих семью XX – начала XXI века, источником (главной идеей) теоретических схем, объясняющих изменения семейных укладов, семейных отношений, функций семьи, числа детей, форм семьи служат довольно схожие утверждения-констатации о том, что эти изменения происходят в результате неких перемен-трансформаций ценностно-нормативной системы общества/группы/личности. Вот в этом сходстве объяснительных схем (и их концептуальных составных частей) в разных науках о семье, по-видимому, и проявляется междисциплинарность¹ исследований семьи. Но такая – результирующая – междисциплинарность имеет формальный характер, поскольку в интегральном, целостном знании о семье, её трансформациях и их причинах обобщаются те результаты и выводы, которые были ранее получены и накоплены в разных (отдельных) научных дисциплинах о семье.

Проблему (онтологическую) интеграции именно социологического и демографического подходов, как глубоко сущностных в исследованиях семьи, поставил К. Дэвис в статье «Социология демографического поведения». В этой работе отмечалась необходимость расширения специализации научных исследований, охватывающих весьма близкие предметные области. К. Дэвис выделяет четыре направления исследований, сочетающие демографический и социологический подходы [Дэвис, 1965, с. 349]:

- 1) изучение рождаемости во взаимосвязи с установками и социальными институтами (в индустриальных и развивающихся обществах);
- 2) анализ изменений численности населения в зависимости от социальных и экономических изменений;

¹ Наиболее общее определение междисциплинарности: под междисциплинарным подходом к изучению определённого объекта понимается взаимодействие нескольких научных дисциплин при изучении данного объекта (см., например, [Мирский, 1980]).

- 3) изучение соотношения контингента рабочей силы с составом населения и социальной организацией общества;
- 4) исследование семьи с точки зрения демографии.

Выделение этих четырёх областей автор объясняет рядом общих черт, но наиболее важными он считает, во-первых, то, что эти направления исследований «включают в себя сравнительный анализ различных обществ – в историческом плане, на современном этапе или же комбинированно. Все они имеют дело с двусторонним отношением между населением и социальной структурой; все они принимают во внимание мотивации и установки и, тем не менее, допускают использование демографических методов как одной из важнейших составных частей научного анализа» [Дэвис, 1965]. Так что тогда уже (в 1950-е годы) было понятно, что изучение вопросов рождаемости, как предмет демографии, более успешно может сочетаться с социологическим изучением мнений, ориентаций, установок относительно числа детей, и других аспектов жизнедеятельности семьи. И наоборот, социологи, разрабатывающие теорию семьи, могли бы успешно пользоваться материалами, предоставленными в их распоряжение демографией и статистикой [Там же, с. 371]¹.

В последующие годы – 1960-е, 1970-е, 1980-е и до настоящего времени – именно в этих направлениях шли демографо-социологические исследования репродуктивного поведения женщин. Основной целью этих исследований было и есть изучение детерминации рождаемости, которая проявляла устойчивую тенденцию к снижению. Кроме того, у демографов были и специфические цели – выяснение будущих тенденций рождаемости для проведения перспективных (прогнозных) расчётов численности населения.

Схожие тенденции во многих странах (СССР², США, европейских, а затем и азиатских) стимулировали демографов на про-

¹ Отметим, что далее в тексте автор делает критические замечания в адрес Т. Парсонса и П. Глика (демографа). Первый при разработке теории устойчивой семьи и распределении ролей между полами не воспользовался демографическими данными (о высокой экономической занятости женщин уже в то время), а второй – «даже не упоминает в своей работе «Американская семья» о Парсонсе. Как будто оба эти автора не принадлежат к одной и той же профессиональной группе и не имеют дело с одним и тем же социальным явлением – американской семьёй!».

² Обзор советских обследований репродуктивного поведения женщин см. Захарова О.Д. Исследования демографических процессов и детерминации рождаемости (Глава 20) в кн. [Социология..., 1998, с. 392–414]; а также [Сколько детей..., 1977].

ведение крупномасштабных обследований, нацеленных на выявление «мнений о величине семьи (числе детей)»¹. И социологи в своих работах по проблемам брака, семьи, разводов² также приводят многочисленные демографические данные, свидетельствующие о снижении числа детей в семье и числа вступающих в брак, о повышении возрастов вступающих в брак, а также о повышении числа разводов и росте окончательного безбрачия.

Как видно, дилемма специализации двух наук – социологии семьи и демографии, о которой писал К. Дэвис, нашла своё разрешение в современных исследованиях. Однако, как мне представляется, междисциплинарность большинства таких работ имеет по-прежнему *формальный* характер, поскольку в них предполагается использование материалов/результатов смежных наук, «накладывание» их на изучаемые структуры – население или институции брака, семьи, родительства и др.

Если же говорить о *реальной* междисциплинарности, то она предполагает изучение целостного гомогенного (однородного) объекта – отношения людей в сфере частной жизни – на предмет его онтологической (сущностной) взаимосвязи с процессами в демографической сфере общества.

Необходимость выделения целостного объекта обусловлена тем, что брак и семья по сути своей исторически являются институтами возобновления поколений. Цель настоящей работы как раз и состоит в попытке построения такого целостного представления, конструировании исходной теоретической модели этого взаимодействия. Формирование структуры такого взаимодействия в идеале не ограничивается просто использованием или «накладыванием» на знания одной науки (социологии семьи) демографических или других материалов, полученных в ходе «параллельных» изучений в смежных науках, а заключается в построении и анализе гомогенного объекта исследования, который интегрирует рамки социологических и демографических знаний. Изучение этого объекта ориентировано на получение знания в интересах предметного развития социологической науки, так как

¹ Обзор зарубежных исследований демографо-социологических исследований (репродуктивной мотивации) см., например: [Изучение..., 1971; Антонов. 1980; Как изучают рождаемость..., 1983].

² Систематизированный обзор социологических исследований советской семьи см, например: [Мацковский, 1989].

речь идет не о демографических закономерностях, а именно о трансформациях в одной из важнейших социальных структур – сфере частной жизни. Но поскольку в частной жизни происходят события, которые изменяют состояние демографической сферы общества, то имеет смысл рассмотреть социологические подходы к изучению населения.

2.2. О социальной морфологии (к истории взаимосвязи социологического и демографического анализа)

Вопрос о возможности, целесообразности и необходимости взаимосвязанного социологического и демографического анализа неоднократно поднимался обществоведами как одной, так и другой специализации, т.е. и социологами, и демографами. Обращения к численности населения, к событиям, которые формируют эту численность (рождениям и смертям), к семье – были известны и в древней Греции – у Платона и Аристотеля, и у других античных и средневековых философов, т.е. задолго до появления научной социологии – изучения социальных явлений на основе полученных, проанализированных, интерпретированных количественных (или качественных) данных (см., например, [Батыгин, 1986; Шляпентох, 1970]).

Первой количественной информацией были данные о населении: основатель демографии Дж. Граунт провёл, по-видимому, первый эмпирический социологический анализ, результаты которого были опубликованы в 1662 г. под названием «Естественные и политические наблюдения по поводу данных о смертности» [Шелестов, 1983]. Дж. Граунт и его друг В. Петти использовали статистику для разнообразных расчётов, характеризующих социальную жизнь: социальный состав населения (по количеству дымовых труб в доме как показателю благосостояния), гибель 616 тыс. человек во время ирландского восстания (1641–1652 гг.) рост населения Лондона и др.¹

¹ В истории науки эта эпоха получила название «социальной физики», поскольку анализом социальных явлений занимались учёные-естествоиспытатели. Так, английский астроном Халли Галлей развил опыт Дж.Граунта для построения таблиц смертности – ввёл понятие вероятной продолжительности жизни гипотезу «стационарного населения».

Как социальный статистик известен и бельгиец А. Кетле, под руководством которого была проведена перепись населения в Бельгии в 1846 г., ставшая как бы поворотным пунктом в переходе к переписям населения в их современном понимании¹. С начала XIX века в Западной Европе стали проводиться регулярные переписи населения; они учитывали не только общедемографические характеристики, но и грамотность, образование, миграции (особенно иммиграции в США), а также такие социально-экономические характеристики, как занятие, профессия и др. На основе этих данных зарождался эмпирический социологический анализ.

Основоположники социологии (позитивисты) О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм обращались к демографическим аспектам развития общества, придавая большое значение росту численности и плотности населения в социальном прогрессе². В XIX веке в определённой степени этому способствовало широкое распространение теории населения Мальтуса и дискуссии, которые она вызвала. Ранние позитивисты считали демографический фактор вторичным, внешним по отношению к главному, первичному — развитию общества: это «человеческий дух» (по О. Конту), борьба за существование (по Г. Спенсеру), разделение общественного труда (по Э. Дюркгейму).

В XX веке отношение обществоведов-социологов к фактору населения стало ещё более внимательным. Одна из самых заметных социологических мастерски выполненных работ «Новые общественные тенденции» (1933 г.) [Recent..., 1933], автором которой были многие лучшие американские социологи, начинается со слов, написанных демографами Томпсоном и Уилптоном: «Люди (человеческие существа) представляют собой главнейший фактор социальных изменений. Темпы роста населения, его географическое распределение и количественные соотношения между городскими и сельскими поселениями, а также расовые и национальные корни, из которых оно происходит, тенденции в соотношении-

¹ Первая перепись населения была проведена во Франции в конце XVII века (1687 г.).

² В этом разделе рассматривается внимание именно социологов к демографическим аспектам социальной жизни. А поскольку становление социологии как науки относится к XIX веку, то и рассмотрение временного исторического интервала здесь начинается с этого времени. Более подробно продолжительная история философских, экономических взглядов на соотношение развития общества и его населения (демографической сферы) будет рассмотрена ниже.

ях возрастных категорий, соотношения численностей полов и состояние брачных отношений – всё это позволяет определить скорость и направления прошлых и будущих изменений. Исследования последних социальных изменений в США целесообразно начинать с основных факторов рождений, смертей и числа живущих. Располагая этими данными, мы можем лучше понять изменения в способах зарабатывания на жизнь, ценности, которых они придерживаются, критику в свой адрес, их страхи и надежды относительно будущего» [Там же]. Здесь ясно просматривается усиление внимания к демографической сфере в обществе, переживающем экономический кризис.

Население, его численность и состав, или как теперь говорят – демографическая ситуация, стали непеременимыми «начальными» условиями практически всех социальных исследований. В начале XX века (1909 г.) Э. Дюркгейм, рассуждая о двух важнейших разновидностях «социальных фактов», выделяет «социально-морфологические факты» и «коллективные представления».

Рассматривая *социально-морфологические факты*, он пишет: «Прежде всего, уместно исследовать общество в его внешнем аспекте. Под этим углом зрения оно выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определённым образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т.д. Это территория, её размеры, конфигурация, состав передвигающегося по ней населения – все это, естественно, важные факторы социальной жизни...» [Дюркгейм, 1995]. «Социальные факты» такого рода – объективная надындивидуальная макроуровневая реальность, т.е. общество, существующее вне индивидов.

Таким образом, Э. Дюркгейм, называя эти явления социально-морфологическими фактами, относит к ним весь комплекс структурно-вещественных (материальных) компонент социальной жизни: демографические параметры (рождаемость, смертность, половозрастная структура), миграционные потоки, процессы урбанизации и их последствия, территориальное распределение людских и материальных ресурсов, частота социальных контактов [Дюркгейм, 1995, с. 275]. Методологически это означает, что те «социальные факты», которые отражены в материалах демографической статистики, в данных переписей населения, можно «рассматривать как вещи», изучать и анализировать математическими методами, выявлять устойчивые причинно-следственные связи и закономерности их изменений.

Э. Дюркгейм считает, что социальная морфология как наука не должна ограничиваться описательным анализом, «она должна заниматься также и объяснением». В своей работе «Самоубийство» он досконально анализирует взаимосвязи поведения (девиантного) людей с их социальным статусом – полом, возрастом, брачным и семейным положением; причём анализ ведётся на основе данных региональной и городской статистики.

К другой разновидности социальных фактов Дюркгейм относит «коллективные представления», т.е. факты особого рода, как бы «духовное» измерение общества, которое складывается из ментально-психологических фактов. Он пишет, что в любом обществе «существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т.п. Все эти явления психологического порядка, но они не относятся к индивидуальной психологии, поскольку выходят далеко за пределы индивида» [Дюркгейм, 1995, с. 190].

Для целей нашего исследования важно подчеркнуть положение Дюркгейма о том, что люди, хотя и имеют определённые убеждения, некие жизненные позиции, суждения и т.п., но они не сами «творят» эти культурные формы и убеждения, а в своих индивидуальных поступках являются исполнителями «могущественной, онтологически суверенной общественной воли» [Батыгин, Подвойский, 2007, с. 178]. Эта идея, по существу, впоследствии станет ключевой для структурализма как междисциплинарной исследовательской ориентации.

Междисциплинарный социолого-демографический анализ содержится и в трудах ученика и последователя Э. Дюркгейма Мориса Хальбвакса (1877–1945). Он, так же как и другие представители французской социологической школы, в своих исследованиях социальной реальности придавал «особое значение тому, что в обществе приобретает физический характер: площадь, численность населения, плотность, движение, количественные аспекты, т.е. то, что можно измерить и сосчитать» (цит. по: [Stoetzel, 2006]).

В статье «Браки во Франции во время и после войны» (1935 г.) М. Хальбвакс на основе статистических материалов проанализировал особенности формирования брачных пар в условиях нарушения пропорций населения по полу и возрастным груп-

пам. Но, как социолог, говоря об объективных причинах изменений вероятностей вступления в брак, он пишет о субъективном факторе «стремление к браку», понимая его как некоторую социально-психологическую константу: «Именно социальному организму свойственно делать более прочными изменения, которые приняли истинно коллективную форму. Так, поверх индивидуальных усилий и стремлений существует как бы коллективный брачный марш, смысл и ритм которого регулируется развитием общества» [Хальбвакс, 2000(а)]. Эта его статья и ряд других¹ указывают на актуальность для него использования статистических материалов в социологии как основания объективности социального факта. Вместе с тем М. Хальбвакс подчёркивает, что для установления значимых социальных отношений и их интерпретации недостаточно суммы индивидуальных случаев. Он предлагает следующую последовательность шагов для социологического синтеза единичных фактов:

- 1) фиксация единичных фактов путём непрерывного наблюдения;
- 2) помещение их в социальные единства (институты, группы, представления, склонности);
- 3) помещение этих единств в более обширные единства (общества).

В результате, статистический материал может объяснить/описать социально-значимые отношения, т.е. интерпретировать индивидуальные или групповые явления (феномены), в основе которых может быть субъективность. Этот логический поворот отражает глубокую сущность «социологического метода» М. Хальбвакса, предпринявшего очевидную попытку преодоления макро-, микродилеммы в социологии, а также объективности и субъективности социальной реальности [Хальбвакс, 2000(в), с. 155–180]. «Общественно значимое действие невозможно объяснить самим фактом существования общества или единым принципом его функционирования: объяснение достижимо только в ходе исследования механизмов, связывающих индивидуальные мотивы и социальное принуждение» [Бикбов, 2000, с. 484] Именно эта идея «социального принуждения» и тот, выше приведённый тезис Дюгкгейма о том, что люди не сами «творят» культуру

¹ Например, «Статистика в социологии», «Методология Франсуа Симиана Рационалистический эмпиризм», «Закон в социологии».

турные формы, нормы и убеждения, а в своих индивидуальных поступках являются исполнителями «могущественной, онтологически суверенной общественной воли», являются едва ли не ключевыми для понимания процессов трансформации сферы частной жизни.

Другим тезисом М. Хальбвакса, важным для целей нашего исследования, является то, что «каждый из порядков: физический, органический, психический, социальный – обладает относительной автономией и собственными закономерностями» [Бикбов, 2000, с. 485]. Поэтому искать объяснения изменений, происходящих в каждой из этих сфер, «следует не в экономической истории, а в ней самой» [Там же, с. 486]. Кроме того, М. Хальбвакс придерживался методического императива необходимости выявления множества причин (а не какой-то одной), которые определяют сложную социальную реальность современного общества. Эти идеи и ряд методических приёмов, разработанные М. Хальбваксом в первой половине XX века, были использованы, развиты группой социологов во главе с П. Бурдьё в 1970–1990-х годах.

Таким образом, изучение и анализ объективных физических «социальных фактов», характеризующих население, Э. Дюркгейм, а потом и М. Хальбвакс относили к предмету науки социальной морфологии. При этом подчёркивали специфичность исследовательских методов, практически альтернативных демографическим, но и отличным от социологических.

В дальнейшем состояние и характеристики населения рассматриваются социологами относительно изолированно от социологических проблем.

Например, Ян Щепаньский называет такие явления, как рождаемость, естественный прирост, возрастание плотности населения, возрастной состав населения «демографическими основами» общественной жизни, наряду с биологическими, географическими, экономическими основами [Щепаньский, 1967, с. 95–96].

Э. Гидденс пишет о народонаселении, о росте его численности как об одном из глобальных процессов, обуславливающих такие риски, как экологический кризис (состояние окружающей среды, глобальное потепление), нехватка продовольствия, ресурсов [Гидденс, 2005, с. 522–547]. При этом Э. Гидденс уделяет внимание теме демографического перехода, называя его «изменениями в отношении рождений к смертям в индустриальных странах с XIX в.» [Там же, с. 525], но не углубляется в сущностные

социальные (социологические) аспекты этой теории и не называет демографический переход глобальным явлением.

Здесь важно подчеркнуть, что Гидденс, рассматривает гендерные отношения, институты семьи, брака в предшествующих главах своей книги, но не связывает изменения/трансформации в этих социальных феноменах (их институциях, практиках, нормативности, ориентациях, предпочтениях, предрасположенностях и т.д.) с теми процессами, которые происходят в демографической сфере общества, в населении. То есть для этого автора, по-видимому, остаются без внимания идеи К. Дэвиса о целесообразности взаимосвязанного (социологического и демографического) рассмотрения тех сфер социальной реальности, в которых проявляются социально-морфологические факты (по Дюркгейму и др.) и соответствующие и обуславливающие их индивидуальные действия, поведение людей в приватной сфере и виды отношений (по Веберу и др.).

2.3. Демографические переходы как основание трансформации отношений в сфере частной жизни

Современными примерами применения интегрального подхода могут служить работы Р. Инглхарта, З. Баумана, У. Бек [Инглхарт, 1997; Бауман, 2005; Бек, 2000], в которых взаимосвязанно рассматриваются «размывание»/переопределение гендерных ролей, сексуальных норм, ценностей как результаты/эффекты модернизации демографической сферы общества (демографического перехода), происходящей параллельно процессам индустриализации, урбанизации, цивилизационного развития в целом.

Например, У. Бек, говоря о причинах изменения гендерных ролей, на первое место ставит демографический феномен: «Прежде всего благодаря увеличению ожидаемой продолжительности жизни (курсив У. Бека – А.М.) произошёл сдвиг в биографической структуре, в протяжённости жизненных фаз... Это способствовало «демографическому освобождению женщин». «Жизнь ради детей стала для женщин *проходным* жизненным этапом. За ним следуют в среднем ещё *три десятилетия* «опустевшего гнезда» – вне традиционного средоточия женской жизни» [Бек, 2000, с. 166–167].

Наиболее чётко демографическая обусловленность социальных трансформаций, причём уже конкретно – трансформаций от

ношений в семье, в сфере частной жизни – анализируется демографами У. Томпсоном, А.П. Хоменко, А. Ландри, А.Г. Вишневским, Д. Ван де Каа, Р. Лестегом [Thompson, 1929; Хоменко, 1980; Landry, 2005; Вишневский, 2005(a); Van de Kaa, 1987; Lestaeghe, 1992] и другими исследователями, изучающими феномен демографической революции или демографического перехода (первого и второго), его предпосылки и последствия. И то, как изучаются эти демографические феномены и их социальные последствия (методы, объём эмпирических материалов, интерпретации) вполне можно охарактеризовать как объективный, макроуровневый подход. Но социальный механизм этих глобальных изменений (демографических переходов) по-прежнему остаётся неясным, т.е. в рамках теории демографического перехода описываются общие черты демографических изменений и делается вывод о том, что социальные последствия этих изменений состоят в трансформации ценностно-нормативной системы, касающейся сферы частной жизни. Хотя общее социально-демографическое теоретизирование создаёт впечатление надёжности и справедливости объяснительных схем.

Различия в нормативных системах и отношениях во времена первого (примерно конец XVIII – начало XX века) и второго (вторая половина XX века – настоящее время) демографических переходов ясно показывают два ключевых слова: *альтруизм и индивидуализм*¹.

♦ Для нормативной культуры первого перехода (к малодетной модели семьи через ограничение рождаемости) центральным моментом было внимание к семье и ребёнку, важность их для взрослых людей. Глубокие изменения произошли в отношении к детству – эпоха внутрисемейных отношений с одним-двумя детьми характеризуется как детоцентризм.

♦ Содержанием второго перехода стал процесс акцентуации на правах и самовыражении личностей взрослых индивидов.

Косвенными детерминантами первого перехода были урбанизация, индустриализация и секуляризация. Последняя отражала снижение влияния церкви, что повышало готовность супругов к ограничению рождений. Косвенные детерминанты второго перехода сложнее установить. Исследователи – демографы и социологи семьи – пока не пришли к согласию о них, хотя

¹ Речь идёт об индустриально развитых странах Европы, Америки, Азии (Японии), России.

многие считают, что они обусловлены воздействием индивидуализма в быстро меняющихся постиндустриальных обществах. В этих обществах стандарт жизни индивида определён, главным образом, его уровнем образования, степенью поддержки социальных целей, мотивацией персонального развития и использования своего таланта, способностей. Это относится и к мужчинам, и к женщинам, которые одинаково стремятся к получению собственного персонального дохода, экономической и социальной независимости. Между тем такие события в жизни людей, как вступление в брак и/или рождение ребёнка/детей, может существенно усложнить реализацию карьерных возможностей, чаще всего для женщин.

По-видимому, главная черта второго перехода, проявляющаяся в демографических, статистических показателях – изменение общепринятой последовательности событий формирования семьи как последствий автономизации сексуальных, брачных, репродуктивных практик [Van de Kaa, 1987].

Как видно, эти специфические (постмодернистские) характеристики этапа, следующего за первым демографическим переходом, в значительной степени отражают индивидуальные или групповые действия, практики, типы поведения людей в сфере частной жизни. Если «допереходные» – традиционные нормы брачного, сексуального (в браке), репродуктивного, семейного поведения требовали от женщины максимального удлинения репродуктивного периода, и дети, рождавшиеся в браке рассматривались как подтверждение выполнения этих норм, то ослабление демографического давления (снижение смертности на первом этапе демографического перехода) вызвало нарушение слитности всех видов демографического поведения: брачного, сексуального, репродуктивного и семейного в целом. Постепенно, на протяжении последних двух-трёх веков происходило относительное разделение (автономизация) этих видов поведения и соответствующих семейных отношений. Демографы А.Г. Вишневский, С.В. Захаров, Е.И. Иванова и другие исследователи изучают в своих работах эти процессы как всё более расходящиеся и предполагающие неоднозначность, гибкость, ненавязчивость нормативной основы семейного поведения людей, их действий в сфере частной жизни, касающихся сексуальности, брачности, репродуктивности, родительства [Демографическая модернизация... 2006, с. 96–246].

Вообще, теория демографических переходов основывается на весьма важном принципе для целей нашего исследования – историчности (сменяющихся в ходе истории) типов/режимов воспроизводства населения А. Ландри: примитивного, переходного и современного (цит. по: [Вишневский, 1992, с. 45]). А.Г. Вишневский в своих работах развивает эту идею, называя эти режимы архетипом, традиционным и современным (рациональным).

На этой основе – историчности изменений всех видов поведения в сфере частной жизни и исходя из институтирующей семью воспроизводственной функции С.И. Голод построил свою теорию исторических типов семейных отношений: патриархатного (традиционного), детоцентристского (современного) и супружеского (постсовременного) [Голод, 1998].

Суть этой теории состоит в том, что основное внимание уделяется структуре и характеру внутрисемейных отношений: родственных, детско-родительских, супружеских – в их исторической динамике. С.И. Голод так же, как и вышеупомянутые демографы, пишет о гибкости нормативной системы брачного и семейного поведения современных людей: «Действительно, предпочтительно, но не обязательно вступление в брак; желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием, т.е. современная нормативность, будучи социальным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная» [Голод, 1984, с. 8]. И здесь уже проявляется попытка интеграции макро- и микроподходов в социологии семьи: трансформация внутрисемейных отношений связывается с изменением брачного, сексуального, родительского – в целом демографического поведения – с позиции их исторической трансформации. Однако и в этой концепции остаётся вне объяснения социальный механизм переходов (исторических) от одних типов семейных отношений к другим.

Глава 3
МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА ТРАНСФОРМАЦИИ
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ «МАКРО – МИКРО»,
«ДЕЙСТВИЕ – СТРУКТУРА» ДИЛЕММ
В СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ

**3.1. О некоторых специфических чертах теоретизирования
в рамках социологии семьи**

Проблемы преодоления «макро – микро», «действия – структуры»¹ дилемм, а также вопросы мультипарадигмальности в общей социологической теории рассматриваются во многих работах российских и зарубежных теоретиков (см., например [Ритцер, 2002; История..., 2002; Ядов, 2006]). Дж. Ритцер пишет об этих дискуссиях как о теоретическом экстремизме: «Со стороны «макроэкстремизма» выступали теория конфликта, структурный функционализм и некоторые разновидности неомарксистской теории (особенно экономический детерминизм). С «микроэкстремистской» – символический интеракционизм, этнометодология, теории обмена и рационального выбора» [Ритцер, 2002]. Но, как он справедливо отмечает (вслед за С. Московичи²), даже те классики, идеи которых принято считать выражением полярных взглядов: микропозиций (М. Вебер, Г. Зиммель) или макропозиций (К. Маркс, Э. Дюркгейм) – были озабочены соединением микро- и макроуровней: «отчуждение» у Маркса, индивид в железных тисках рационального общества у Вебера, отношение между объективной и субъективной куль-

¹ Подчеркнём ещё раз, что «структура» в данной работе – категория структурализма, т.е. термин «структура» используется нами в отношении к глубинным, внутренне неявным моделям мира, выделяемым структуралистами. Это понятие близко к определению его в рамках структурного функционализма, где в качестве социальных структур рассматриваются любые устойчивые образцы (модели) взаимодействия людей или групп в определённой сфере. Вклад каждой социальной структуры в воспроизводство социального порядка – это функция данной структуры. Термин «структура» не является синонимом терминов «субъект» и «общество».

² Moscovici, S. *The Invention of Society*. Cambridge, Mass.: Polity, 1993. Цит. по: [Ритцер, 2002, с. 643].

турой – у Зиммеля, влияние социальных фактов на индивидуальное поведение (например самоубийство) – у Дюркгейма [Ритцер, 2002, с. 417].

В социологии семьи как теории среднего уровня (по Р. Мертону [Мертон, 1996]) проблема интеграции «макро – микро» и «действия – структуры» специально практически не обсуждается; просто при постановке проблемы исследования приводятся определения семьи как социального института (структуры) и как малой социальной группы (действия), а затем обосновывается выбор того или иного подхода, соответствующего целям конкретного исследования. И чаще всего – этот выбор останавливается на изучении взаимоотношений членов семьи, как малой группы (микropозиции, действия), но интерпретируемых в контекстах институциональных ограничений: функций, ролей, статусов¹ (макропозиции, структуры).

Проблему преодоления дилемм можно трактовать и по-иному: практически во всех работах, и особенно в отечественных исследованиях, как уже отмечалось ранее, анализу проблем индивидуальных семейных отношений (микropозиций, действия) всегда предшествует описание «демографического фона» – динамики числа, величины и состава семей, уровни показателей рождаемости, брачности, разводимости, интерпретируемых чаще всего как институциональные дисфункции, деинституализация – в смысле макropозиций, структуры.

Следует отметить, что в «большой» теоретической социологии вообще-то было бы ошибкой приводить эти термины через запятую – соединять написанные в скобках «микropозиции и действия» и «макропозиции и структуры». Потому что некоторые действия могут совершаться макросубъектами, например социальными классами или государствами. И наоборот, структуры также могут «срабатывать» на микроуровне, будучи включёнными во взаимодействие людей. Т.е. вообще в социологии, как отмечает Дж. Ритцер, «“микро“ может относиться или не относиться к индивидам, “агентам“, а “макро“ может иметь или не иметь отношение к “структурам“» [Ритцер, 2002, с. 447]. Однако в нашем случае, когда исследование ведётся в рамках социологии семьи, то здесь – при изучении внутрисемейных отношений – конкретными субъектами действий являются индивиды или их неболь-

¹ См., например: [Окно..., 1999; Черкашина, 2005].

шие группы-семьи (микроуровень). «Структуру» же для исследования в этой социальной сфере можно пока представить как некий уровень/этап демографического развития общества (макроуровень). Так что, по-видимому, при теоретизировании в рамках социологии семьи вполне возможно совместить рассмотрение проблемы преодоления дилемм «макро – микро» и «действие – структура».

Важным моментом, который следует акцентировать, является то, что в дискурсе знания социологии семьи, если и рассматривается «макроуровень», как система, влияющая на изменения семейных, гендерных и других отношений, то в этом качестве предстаёт «общество» (см., например [Харчев, 2003; Гурко, 2008; Мацковский, 1989; Здравомыслова, 2003; Карцева, 2001]). Так А.И. Антонов, вслед за А.Г. Харчевым и М.С. Мацковским, считает, что основная социальная функция семьи – быть «посредником», «промежуточным звеном» между обществом и индивидом [Социология..., 2007]. Л.В. Карцева обозначает свой подход как «субъектно-центрический», но главным фактором происходящих в семье изменений считает социально-экономическое состояние общества (реформы, экономические кризисы) [Карцева, 2002, с. 19]. Несомненно – и «общество», и его экономические, социальные, политические, военные (войны) состояния в определённые периоды сказываются на том, что происходит (или не происходит) в частных, семейных отношениях: сексуальных, брачных, детско-родительских, супружеских, партнёрских и т.п. Но на наш взгляд, детерминирующее влияние на векторы трансформации этих отношений оказывает не состояние общества вообще, а состояние той специфической сферы общественных отношений, которую назовём приватно-демографическим полем.

3.2. Приватно-демографическое поле и приватно-демографический хабитус – основополагающие компоненты механизма трансформации семейных отношений

Действительно, практически во всех исследованиях семьи семейных отношений упоминается как методологический посыл фраза, ставшая крылатой: «какое общество, такая и семья». Но более обоснованно было бы соотносить трансформации семей

ных отношений и институциональные изменения в сфере частной жизни не с состоянием общества или с её (семьи) местом среди других институтов, а именно с состоянием той сферы общественных отношений, в которой происходит возобновление поколений.

Весомым обоснованием такого подхода служит знание о том, что, во-первых, на протяжении всего XX века наблюдались весьма сходные социальные процессы в сфере частной жизни в западноевропейских странах, в России и в европейских республиках СССР при кардинально различных условиях социально-политического и экономического устройства этих обществ. Это и свидетельствует об относительной независимости отношений в сфере частной жизни от контекстуальных/конъюнктурных социальных, экономических и других условий. Во-вторых, многие виды последствий отношений людей в сфере частной жизни – сексуальных, брачных, семейных, витальных и др. – являются предметом демографической науки (процесс формирования численности населения). И в этой научной области есть знания о многих закономерностях этого процесса – прежде всего то, что в урбанизированных, индустриально развитых странах модернизация демографической сферы происходит в русле общего (глобального) закона – смены прежнего («традиционного») режима/типа воспроизводства населения другим («современным»)¹.

Конечно, неверно настаивать на том, что состояние дел и трансформационные процессы в приватно-демографической сфере (интегрированного объекта изучения), совсем не зависят от уровня развития общества в целом. Известно, что есть огромные различия, как в семейных отношениях, так и в режимах демографического воспроизводства между индустриальными и аграрными обществами или, как теперь принято их классифицировать – «развитых», «развивающихся» и «отсталых» странах. Речь идет не об абсолютной, а об относительной автономности приватно-демографической сферы общества. Более того, в процессе «значительного экономического роста, цивилизационного развития и

¹ Многие исследователи-демографы указывают на общие характеристики (этапы) развития обществ, в которых выявлены сходные закономерности как в брачно-семейных отношениях, так и в режимах/типах возобновления поколений (см., например: [Демографическая модернизация..., 2006; Lesthaege, 1992; Van de Kaa, 1988; Капица, 2010]).

особенно на его модернизационном этапе» (цит. по: [Глинчикова, 2007]) в обществе проявляются такие характерные черты, как всё большее «разделение на частное и публичное и развитие публичной сферы в обществе» [Там же, с. 40].

Вообще говоря, относительная автономность присуща не только приватно-демографической, но и практически всем другим сферам общества: экономической, политической, юридической, образовательной, религиозной, научной, литературной и др. Эти и некоторые другие социальные сферы изучал П. Бурдьё, подчеркивая их относительную автономность («полуавтономность»), называя их социальными полями/подпространствами. Он как раз и исследовал механизмы, позволяющие преодолеть оппозицию структуры/действия, объективизма/субъективизма [Бурдьё, 2007(г)].

По теории П. Бурдьё (генетического структурализма или «структуралистского конструктивизма») противопоставление объективизма и субъективизма, структурной необходимости и индивидуальных действий является ложным; как он писал, «абсурдной враждой между индивидом и обществом» (цит. по: [Ритцер, 2002, с. 456]). Одним из важнейших принципов социологии П. Бурдьё является положение о том, что в социальном мире существует ряд полуавтономных полей /подпространств, «каждое из которых обладает своей собственной особой логикой, функционирует и развивается по своим собственным законам и формирует у акторов мнение относительно того, что в определённом поле имеет значение» [Там же, с. 462]. Если относительно автономная социальная сфера имеет цель и движущие силы, то она представляет собой поле [Бурдьё, 2007(в), с. 185].

При разработке теоретической модели трансформации семьи мы также исходим из этих методологических предпосылок, а именно из того, что область нашего исследования – приватно-демографическая сфера – является одной из таких «полуавтономных» социальных сфер и назовем её «приватно-демографическим полем». Его цель – возобновление новых поколений и их первичная социализация.

Говоря о приватности, мы подчёркиваем относительное отделение этого поля от публичных полей: экономического, юридического, политического, образовательного, научного, художественного и др. Это поле действительно представляет собой относительно замкнутую совокупность специфических социальных от-

ношений, отличающих его от любого другого поля и вообще — от пространства публичной сферы общества¹.

Структурными элементами приватно-демографического поля являются следующие виды отношений людей в сфере частной жизни:

- сексуальные (как интимные, супружеские);
- брачные (как изменение брачного статуса);
- сексуальные и репродуктивные (как производство жизни);
- отношения с детьми (как родительство, отношение к детству);
- отношение к жизни, здоровью (сохранение/разрушение);
- гендерные отношения (в приватно-демографическом поле).

Все они представляют собой сложные социальные отношения, которые происходят не всегда и не только в рамках брака и семьи. Поэтому в целом приватно-демографическое поле шире, чем семья и брак в их обычном понимании.

Называя это поле демографическим, мы тем самым подчёркиваем его детерминированность исторически меняющимися демографическими условиями — режимами воспроизводства населения. Подчеркнём, что это не просто «демографический контекст» («здесь и сейчас») общества или «демографическая ситуация», а исторически сложившаяся некая социальная *структура*, которая детерминирует действия, поведение людей в сфере интимной жизни: чувственности, любви, секса, брака, легитимизации этих отношений, рождения или предотвращения рождений потомства, действия по сохранению здоровья, жизни своей и детей, их социализации (научению жить в обществе), отношения к сохранению здоровья и жизни родителей, прародителей, других родственников и пр.

Таким образом, приватно-демографическое поле существует лишь потому, что в нём находятся «агенты» — взрослые индивиды (мужчины, женщины), семьи с детьми или без детей, супружеские пары и пр., между которыми и внутри которых устанавлива-

¹ В задачи данной работы не входит воспроизводство всех тонкостей теории П. Бурдьё применительно к области нашего исследования — социальным отношениям в сфере частной жизни. Но поскольку использование категорий этой теории, на наш взгляд, действительно даёт основания для построения интегральной модели трансформации (и преодоления методологических дилемм в социологии семьи), мы опираемся на некоторые теоретические принципы и понятия этой теории.

ются специфические отношения, перечисленные выше, и реализующиеся в их действиях, практиках¹.

«Практики» – это проявление диалектической взаимосвязи между детерминирующей их структурой и действием. Эта диалектическая взаимосвязь отражает принцип двойного структурирования социальной реальности, который является теоретической основой социологии П. Бурдьё – комплекс представлений о генезисе² и структуре социальной реальности. Применительно к нашему исследованию это означает, что в приватно-демографическом поле существуют *объективные структуры*, не зависящие от воли и сознания людей, которые могут ограничивать, подавлять или стимулировать интимные, сексуальные, брачные, репродуктивные, супружеские, гендерные, родительские и другие практики и представления агентов (индивидов, семей, партнёрских союзов) в этом поле. В то же время (с другой стороны) индивиды, семьи, союзы производя указанные практики, воспроизводят или преобразуют структуры приватно-демографического поля: например, происходят изменения гендерных отношений, переопределяются семейные роли, появляются и распространяются запрещённые, или неодобряемые, или неизвестные в прошлом (например виртуальные) формы интимных и других приватных отношений в этом поле.

Но рассмотренные две стороны генезиса (поле – практики – поле) приватно-демографической реальности, хотя и находятся в «диалектическом единстве», но не равнозначны. Они имеют, по Бурдьё, свою иерархию: «субъективное структурирование социальной реальности есть подчинённый момент структурирования объективного» [Шматко, 2007, с. 568]. В нашем случае – приватно-демографического поля – это объясняет то, что индивиды и семьи могут осуществлять свои практики только «внутри» уже существующих, *исторически сформировавшихся* «приватно-демографических отношений», но тем самым агенты (индивиды, семьи, союзы/группы) могут лишь воспроизводить или трансформировать их. Так что приватно-демографическое поле – это специфическая система объективных отношений между различными *позициями*, определяемыми этапом демографического раз-

¹ Практики по Бурдьё – это «всё, что делает агент», т.е. не то же самое, что деятельность или активность (см.: [Шматко, 2002, с. 388]).

² П. Бурдьё пишет о генезисе как о происхождении, установлении причинно-следственных связей между социальными явлениями [Бурдьё, 2007(6), с. 135].

вития общества и в большой степени независимыми от индивидов, которые эти позиции занимают (или не занимают). Воспроизводство/трансформация отношений в этом поле возможны только как реализация «практических схем, схем восприятия, мышления, диспозиций», являющимися результатом/продуктом интериоризации *объективных социальных структур*» [Бурдьё, 1994(а), с. 181–182] и составными частями того, что, следуя теории Бурдьё, назовём приватно-демографическим *хабитусом*¹.

Специфичность приватно-демографического поля заключается в нескольких моментах: это и его «закрытость» (от посторонних глаз, в том числе и исследовательских), и обусловленное этим его свойством качество информации о происходящем в частной жизни, зачастую – недостоверность данных, включая данные государственной статистики. Эта специфика приватно-демографического поля создаёт известные сложности в изучении происходящих в нём процессов. Но не меньшую сложность в познании этого поля представляет и исследовательский «автоморфизм» – отражение (личных) представлений, взглядов, идеологии исследователей при интерпретациях, объяснениях действий агентов в приватно-демографическом поле как совмещение несовместимого: «осуществляется перенос с учёного субъекта, обладающего прекрасными знаниями относительно причин и шансов, на действующего агента, который, как полагается, рациональным образом склонен ставить перед собой цели, соответствующие шансам, определяемым действием причин», – иронизирует П. Бурдьё в адрес сторонников теории рационального действия [Бурдьё, 2007(б), с. 161]. И в гораздо большей степени эта реплика относится к учёным, изучающим семью, брак, рождаемость.

Главная – онтологическая – специфика этого приватно-демографического поля состоит в том, что его современное состояние в европейских обществах, его объективная структура начала трансформироваться всего два-три века назад. В России сроки этой трансформации ещё короче. Но именно эта трансформация послужила «базисом» изменений всего множества отношений в сфере частной жизни. На протяжении же нескольких миллионов лет существования человека и до XVII–XIX веков структуру при-

¹ Термин «хабитус» происходит от лат. *habitus* – свойство, состояние, положение, и обычно никак не переводится. Бурдьё даёт множество определений хабитуса, его свойств, действий, относясь к нему как к субъекту: «хабитус формирует, защищает себя, определяет...» [Современная социальная теория.... 1995. с. 17].

ватно-демографического поля можно охарактеризовать как исторически стабильную. Действовавшие 5–6 миллионов лет¹ в приватно-демографическом поле силы – отношения, позиции, диспозиции (предрасположенности), обычаи, традиции, запреты, табу, нормы, законы, практики – были направлены на выживание человека как биологического вида.

Тогда, в те доисторические времена, в тех условиях существования/выживания и появилась система прочных, приобретённых предрасположенностей, или тот самый приватно-демографический хабитус, предназначенный для функционирования в качестве принципов, норм, запретов, регулирующих сексуальные, брачные, репродуктивные практики. Главный смысл того («бывшего») исторически сложившегося, «миллионлетнего» приватно-демографического хабитуса (или просто биологического [Коновалов, 2010]), и сейчас ещё действующего во многих обществах (африканских, азиатских) состоял в максимизации рождений здоровых потомков. Поэтому параллельно в многовековой истории человечества были выработаны и утвердились табу на сексуальные связи, ведущие к рождению нежизнеспособного потомства. Эти табу были направлены именно на выживаемость (биологическую) человеческого рода, поскольку «разумные особи» замечали меньшую жизнеспособность потомства в результате таких связей [Энгельс, 1978]. Эти запреты относились на такие сексуальные связи, как:

- между родителями и детьми (первичный инцест²),
- между кровными братьями и сёстрами (первичный инцест),
- между родственниками по супружеской линии (вторичный инцест).

Вершиной структурирующих действий того исторического (первобытного, древнего, но и «традиционного») хабитуса и структурированных им практик древних людей было появление

¹См., например: Янковский Н.К. Лекция «Генетика и геномика» в рамках проекта «Academia» // www.rusnanonet.ru/academia060510/ (дата обращения к документу: 18.11.2010).

²Инцест – кровосмешение (лат.): брачно-половые отношения между ближайшими родственниками; был характерен для так называемого первобытного стада, исключён правилами экзогамии (Но, например, для египетских фараонов считался предпочтительным брак с родной сестрой.) В развитых обществах считается аморальным. Кровосмесительные браки весьма неблагоприятны в генетическом отношении и запрещены законом в большинстве стран мира [Козлов, 1994].

важнейшей структуры приватно-демографического поля – преимущественно моногамного брака, единобрачной семьи. По-видимому, именно ради этого выживания биологического вида *homo sapiens* произошло то, что Ф. Энгельс назвал «поражением женского пола» [Энгельс, 1978, с. 72], т.е. возникновение жёсткого/жестокое запрета-табу на женскую сексуальную практику вне брака (и вообще – женского сексуального удовольствия¹) в целях определения социально-биологической однозначности происхождения потомства.

Именно приватно-демографический хабитус, будучи продуктом объективной необходимости того – доисторического, исторического, средневекового времени – выживания человека как биологического вида – порождал «резонные», «общепринятые», безинтенциональные способы поведения, практики, отношения в приватно-демографическом поле. Только такие практики были возможны в повседневности частной жизни, поскольку именно они положительно санкционировались, потому что были максимально приспособлены к объективным целям приватно-демографического поля – воспроизводству новых поколений. Но и тот архитипический «исторический» хабитус и производимые им модели мышления, действия, практические схемы были довольно эффективны – *Homo Sapiens* выжил и расселился по всему миру.

Важнейшим требованием архитипического, а затем и «традиционного» хабитуса (вплоть до недавних XVII–XVIII веков) была жёсткая сцепленность (слитность, нерасчленённость) сексуальных, брачных и репродуктивных отношений [Вишневский, 1982, с. 172–176]² внутри моногамной семьи – как требование объективных структур приватно-демографического поля в условиях низкой продолжительности жизни – 20–25 лет (сохранения социально-биологического вида в течение многомиллионной истории человечества). Объективно приватно-демографический хабитус является законом приватно-демографического поля, он задает «рамки», в которых агент поступает, «как полагается» поступать в этом поле.

Между тем, как следует из концепции хабитуса, «без «насилия или спора из практик исключаются (хабитусом) все «крайности, т.е. все те поступки, которые санкционировались бы негатив-

¹ См, например, [Голод, 2008, с. 40–49].

² Заметим, однако, что здесь ещё не присутствуют родительско-детские отношения как вид семейно-социальных, а не только демографических отношений.

но, поскольку они несовместимы с объективными условиями» [Бурдьё, 1995, с. 21]. В приватно-демографическом поле архетипического и традиционного (феодалного/аграрного) обществ такими «крайностями» считались и считаются воздержание от брака, его откладывание, отсутствие детей в браке, рождение детей вне брака, развод, нарушение гендерного режима – патриархатности – и др.

Даже если такие события и происходили, то они были крайне редкими в реальной действительности, поскольку, в соответствии с концепцией хабитуса (его функция – ограничение, принуждение субъективных устремлений агента) нарушения подвергались социальному контролю, санкционировалось наказание участвующих в них агентов. Агенты (индивиды и семьи) приватно-демографического поля «никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего хабитуса, т.е. объективным структурам, продуктом которых является сам хабитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха»¹.

Модели мышления, практические схемы, практики, основанные на архетипическом и «традиционном» хабитусах (по существу, представляющих одинаковые ансамбли табу, «связок» и пр.), производились и воспроизводились на протяжении нескольких миллионов лет. И только два-три века назад (в XVII–XVIII веках) начались едва заметные изменения сначала в структуре приватно-демографического поля западно-европейских обществ [Хаджнал, 1979], а в XIX веке – и российского общества [Тольц, 1977 с. 138–153; Вишнеvский и др., 2006; с. 67–254]:

– становится возможным откладывание брака, воздержание от сексуальных отношений (пуританство) или, хотя бы, не нормативно контролируемым, не осуждаемым;

– затем появляются и распространяются практики внутрисемейного ограничения числа детей у брачных пар, постепенно меняется отношение к детству (или, наоборот, – сначала дети становятся объектом любви, нежности, интимности – происходит «открытие детства» [Арьес, 1999], а потом – ограничение их числа в семье);

¹ Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. – P., 1994 (цит. по: [Шматко, 2002, с. 399]).

– появляется психология детоцентризма¹, романтическая любовь, возможность «брака по любви», возможность развода, равноправие партнёров в сексуальных отношениях, в интимной сфере, самооценność партнёрства без репродуктивных намерений (см., например, [Гидденс, 2004]) и пр.

Такое переопределение приватно-демографического хабитуса и, соответственно, структуры приватно-демографического поля исторически постепенно происходило в процессе демографического перехода. Объективными основами-импульсами к нему были (и есть) эпидемиологический переход и обусловленный им демографический взрыв, который начался в XVII веке в европейских обществах и продолжается в настоящее время как глобальный феномен [Капица, 2010]². Новые, объективные условия приватно-демографического поля, возникшие в результате «эпидемиологического перехода»³, постепенно переструктурировали его хабитус – появился новый интериоризированный (инкорпорированный) набор/ансамбль приватно-демографических отношений, норм, представлений, диспозиций.

Таким образом, в соответствии с новыми объективными условиями – перенаселением/демографическим взрывом – происходит и ослабление жёстких (жестоких) требований соблюдения законов/норм прежнего приватно-демографического поля: традиционных семейных (моногамных) устоев, обеспечивающих жёсткую слитность брачной, сексуальной и репродуктивной практик. То есть сначала происходит (в общественном сознании) ослабление контроля за соблюдением старых норм, а затем и пересмотр необходимости их «общей» направленности на «естественную», т.е. максимальную плодовитость. Эти практики под воздействием «переопределённого интериоризированного хабитуса» распространяются сначала в высших, наиболее образованных, богатых, зажиточных слоях европейских обществ. Экстериоризация хаби-

¹ О рефлексии и рационализации детоцентризма (одно-двухдетной модели семьи) на основе теорий «ценности детей» и «полезности детей» (в категориях экономической «теории помех») – см. например, [Антонов, 1980; Дарский, 1979; Вишневецкий, 1979].

² Исторический генезис приватно-демографического хабитуса рассматривается в следующей главе.

³ В концепции эпидемиологического перехода выделяются исторические закономерности и детерминанты причин смерти как определяющего феномена в зарождении демографического перехода.

тусов этих социальных групп постепенно становится объективной реальностью приватно-демографического поля европейских обществ (Франции, Англии, Германии).

К началу XX века эти трансформации (структуры приватно-демографического поля и приватно-демографического хабитуса) охватывают всё большее число обществ, в том числе и Россию, где происходят те самые явления в приватно-демографическом поле, которые П. Сорокин в 1916 г. назвал «кризисом современной семьи» (цит. по: [Голод, 1998]). Эти трансформации продолжаются на протяжении всего XX века и, по-видимому, имеют необратимый характер. Такой вывод следует из того, что согласно концепции приватно-демографического хабитуса как закона соответствующего поля (продукта истории) он переопределяется в соответствии с объективными условиями/требованиями именно этого поля. Поскольку хабитус является необходимым субъективным условием практик агентов в приватной сфере, то именно этим приватно-демографический хабитус делает возможным экстерниоризацию интериоризированного. Иными словами, этот хабитус воспроизводит внешние структуры приватно-демографического поля как бы под видом внутренних структур и диспозиций агентов.

Если внешняя структура характеризуется *демографическим взрывом, перенаселением*, то структурирование диспозиций, представлений и практик агентов происходит так, что они оказываются адекватными, адаптированными к этой ситуации взрывного роста численности населения. И тогда в практиках агентов приватно-демографического поля появляются такие «новые элементы», как откладывание вступлений в брак, воздержание от сексуальных связей (целомудрие, пуританство), внутрисемейное ограничение числа детей, внебрачные рождения, разводы, повторные союзы, сожителства (без детей), однополые союзы и прочие формы частной жизни. Важно подчеркнуть, что такие формы/практики не ведут к обязательным, как прежде, многочисленным рождениям, и вообще – к зачатиям и рождениям. Такие практики были известны и в античной истории, и именно в те времена, когда перенаселение воспринималось как угроза государственного благополучия¹.

Для того чтобы представить модель трансформации семейных отношений во взаимосвязи с состоянием приватно-демографи-

¹ Например, в Древней Греции (см. [Фуко, 2004, с. 315–421]).

ческого поля и хабитуса, надо иметь в виду, что хабитус имеет несколько свойств (интериоризированных «персонифицированных» схем), которые весьма важны с точки зрения методических основ анализа отношений, реализующихся в рамках поля.

- Прежде всего, это то, что хабитус – продукт истории, но и продукт объективных условий, сходных с теми, в которых он исторически возник. Так что хабитус, по определению Бурдьё, «есть история, ставшая природой»: диспозиции, составляющие габитус, неосознанны (цит. по: [Шматко, 2002]). Это «коллективное бессознательное», которое производит сама история, воспроизводя приватно-демографические отношения в псевдоприроде, каковым и является приватно-демографический хабитус. Так, Морис Хальбвакс писал о тенденциях повышения возраста вступления в брак во Франции в начале XX века, как о некоем «коллективном бессознательном брачном марше» [Хальбвакс, 2000(а)].

- Другое свойство хабитуса основано на том, что его формирование в процессе интериоризации приватно-демографических отношений происходит в несколько этапов. Первичный хабитус складывается в семье под воздействием родительских диспозиций, статусов, характеров, личностных характеристик (здоровья, внешности и пр.). Этот *первичный* приватно-демографический хабитус является основой для восприятия и усвоения/интериоризации школьного-внешкольного образования – *вторичный* хабитус. Он, в свою очередь, выступает условием восприятия и оценки адекватности реальной действительности и сообщений СМИ, политических деклараций и т.д., т.е. институтов публичной сферы и продуктов их деятельности.

- Следующей характерной чертой хабитуса является его гомологичность – схожесть приватно-демографических условий формирования хабитуса. В нашем случае это свойство может быть положено в основу конструирования «групп по приватно-демографическим траекториям», т.е. агентов/семей с большой вероятностью совпадения ситуаций в сфере частной жизни по сравнению с агентами из разных других групп. Основанием этой гомологии хабитуса могут быть диспозиции в отношениях брачного супружества, внебрачного супружества, родительства в «целой» семье, послеразводного родительства, внебрачного материнства и т.д. Практики агентов, относящихся к одной группе, приватно-демографический хабитус делает «разумными», связанными просто потому, что в схожих приватно-демографических условиях

«работают» схожие практические схемы. Более того, Н.А. Шматко считает, что в этом случае «хабитус представляет собой, во-первых, условие согласования практик агентов, относящихся к одной группе, и, во-вторых, является самой практикой согласования» [Шматко, 2002, с. 401].

• Ещё одно свойство хабитуса – эффект инертности, запаздывания или гистерезиса: какое-то время после того, как социальные условия изменились (в нашем случае – общество пережило демографический взрыв и перешло на новый демографический режим), часть агентов продолжают воспроизводить старые социальные отношения, продуктом которых является его хабитус (в браке, в семье, в родительстве и др.)¹. Именно благодаря эффекту гистерезиса можно объяснить столь долговременную и столь сильную дифференциацию типов семейных, брачных, репродуктивных, гендерных отношений в разных обществах, отражённых в их культурах. Хотя, если сравнить продолжительность в несколько миллионов лет реализации этих отношений, практик, позиций, диспозиций в рамках традиционного приватно-демографического хабитуса и одно-два столетия – в рамках современного, то кажется, что эта переструктуризация поля происходит не так уж медленно.

В результате изменений социальных и приватно-демографических отношений, диспозиций агенты (индивиды, семьи, «группы по траекториям») осуществляют свои практики в частной жизни в соответствии с интериоризированным приватно-демографическим хабитусом, но, так или иначе, подчиняясь законам приватно-демографического поля и не ощущая при этом принуждения со стороны макроструктуры. Сущность этих законов, как и приватно-демографического хабитуса, состоит в разумном ограничении числа рождений. В рамках этих законов объективной структуры приватно-демографического поля происходит и будет происходить конструирование агентами общих ситуаций, схожих, типовых моделей действий, практик, что обуславливает их институционализацию – и это уже не только институты семьи и брака в их традиционном понимании, но иные, инновационные агенты приватно-демографического поля – институты и структуры.

¹ Когда П. Бурдьё пишет о гистерезисе, он упоминает любимый пример Маркса – Дона Кихота [Бурдьё, 1995, с. 28–29].

Выводы к части I

Изучение трансформационных процессов, происходящих в сфере частной жизни – брачные, интимные, супружеские, родительско-детские, гендерные и другие приватные отношения – наиболее продуктивно на основе реальной междисциплинарности, которая заключается в построении гомогенного объекта исследования, интегрирующего рамки социологического и демографического знания с ориентацией на получение знания в предметном поле социологической науки – социологии семьи. В монографии разработан такой гомогенный объект исследования – приватно-демографическое поле и приватно-демографический хабитус как его продукт.

Изучаемая социальная сфера, определяемая в работе как «приватно-демографическое поле», характеризуется относительной автономностью от других полей социального пространства. Эта относительная автономность обусловлена: а) специфичностью целей функционирования приватно-демографического поля: возобновление поколений и их первичная социализация, организация форм частной жизни, обеспечение психологически комфортного для человека приватного микромира, способствующего раскрытию его индивидуального потенциала; б) особенностью движущих сил данного поля – специфическими социальными отношениями в приватно-демографической сфере, детерминируемыми чувственностью, эмоциональностью, интимностью, сексуальностью – по сравнению с отношениями в публичных полях социального пространства.

Другой важной характеристикой приватно-демографического поля является относительная устойчивость закономерностей его функционирования в тех обществах, где произошёл демографический переход. Эти закономерности проявляются в распространении принципов, моделей, практик ограничения числа рождений и представляют собой результат экстерниоризации таких повседневных обыденных диспозиций /действий /практик в сфере изучаемой совокупности отношений, которые являются структурными компонентами – движущими силами приватно-демографического поля. В свою очередь это поле производит приватно-демографический хабитус как продукт демографической истории, проявляющийся в индивидуальных и коллективных практиках как нерелексированных бессознательных принципах, образцах, моделях.

Часть II
**ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ
И СОВРЕМЕННЫХ ЭМПИРИЙ**

Глава 4
**ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС
ПРИВАТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛЯ
И ЕГО ХАБИТУСА**

В ходе исследований исторического общественного развития той или иной группе факторов (условий) придаётся большее, определяющее значение. В таких подходах к анализу исторического процесса, как экономический детерминизм, демографический детерминизм, технологический детерминизм, социальный детерминизм, экологический детерминизм, придаётся определяющее значение соответствующей группе факторов.

Исторически демографической группе факторов принадлежит особое место среди многих социальных факторов. Потому что, во-первых, он относится к объективным факторам, проявляющим себя в материальной основе жизни и развития общества – таких, как численность и состав населения по полу и возрасту, число семей, домохозяйств и их состав. Во-вторых, этот фактор включает в рассмотрение изменения в приватно-демографическом поле, влекущие за собой трансформацию всех отношений в сфере частной жизни общества. Если говорится о «демографическом» факторе как главном условии цивилизационного развития, то подразумевается воспроизводящаяся количественная характеристика совокупности людей – населения того или иного общества/государства и статистические характеристики его воспроизводства, т.е. объективные свойства *структуры* приватно-демографического поля как социальные факты этого поля общественного пространства: рождаемость, брачность, разводимость, смертность, семья.

Эти характеристики, по сути, являются компонентами практически всех перечисленных выше подходов. Так, если речь идёт о «демографо-региональном» факторе, то это – демографические характеристики, отношения в приватно-демографическом поле,

но относящиеся к социальному пространству того или иного региона. «Демографо-экономический» фактор – это тот весьма важный случай с точки зрения экономического детерминизма, когда население рассматривается в качестве трудовых ресурсов или потребителей – в совокупности со всеми структурами, соответствующими «полю экономики» [Бурдьё, 2007(б)]. Причём, важно подчеркнуть, что экономическое поле и его агенты (в том числе трудовые ресурсы и потребители) сохраняют специфические закономерности этого поля, принципиально отличающиеся как от законов приватно-демографического поля и других полей, так и от практик агентов в них.

В данной главе рассматривается история идей демографического детерминизма в совокупности с многовековой динамикой численности мирового населения в целом, а также населения того или иного региона, государства.

4.1. История взглядов и идей о взаимосвязи развития общества и численности его населения

Проблема взаимосвязи цивилизационного, социального, экономического развития общества и численности и состава его населения имеет глубокие исторические корни и объясняется осознанием значения демографического фактора в развитии общества. История человечества на Земле насчитывает около 5–6 млн лет; время социальной, цивилизационной истории оценивается в 20–30 тыс. лет¹. Существуют различные оценки численности населения Земли на отдельных этапах его исторического развития, но главное – это то, что эта численность неуклонно возрастала. Причём рост этот, если говорить о человечестве в целом, можно представить в виде круто поднимающейся экспоненты в последние 50–60 лет.

Около 10 тыс. лет назад (начало неолита) численность мирового населения составляла примерно 5 млн человек. Темпы роста

¹ О времени появления на Земле вида «человек разумный» (*Homo Sapiens*), его эволюции, цивилизационного развития см., например: Янковский Н.К. Лекция «Генетика и геномика» в рамках проекта «Academia» www.rusnanonet.ru/academia060510/ (дата обращения к документу: 18.11.2010).

населения в те времена были около 10–20% за тысячелетие. Столь низкие темпы роста были обусловлены высокой смертностью – общий коэффициент смертности 50% и выше. Средняя продолжительность жизни обычно не превышала 20–25 лет. Люди умирали от голода, болезней, в столкновениях с другими племенами и т.п. Высокая рождаемость, в среднем немного превышающая смертность, сохраняла вид *Homo Sapiens* от вымирания. К началу Новой эры население Земли насчитывало около 300 млн человек. Число жителей увеличилось в районах Средиземноморья, объединённых под властью Рима – свыше 50 млн человек. Страны Европы были заселены слабо: на территории современной Великобритании и Ирландии проживало менее 1 млн человек.

В умах мыслителей доиндустриальных эпох демографический детерминизм был основной идеей в трактовке развития общества. Основной проблемой было соотношение численности населения и ресурсов для его жизнеобеспечения. При этом предполагалось, что возможно как перенаселение, так и недонаселение, т.е. то, что теперь называют дефицитом трудовых ресурсов, воинских контингентов и пр.

В V в. до н.э. древнекитайский философ Конфуций (551–479 гг. до н.э.) впервые поставил вопрос об оптимальной численности населения в контексте «существования» некоего идеального соотношения между количеством земли и населением¹. Вообще, китайские мыслители подчёркивали, что увеличение численности населения затрудняет управление государством, так как народ испытывает недостаток в припасах, поэтому в народе идёт борьба за ресурсы, пропитание, землю.

Древнеиндийские мыслители тоже рассуждали о приросте населения, но они, наоборот, считали, что малая численность населения – бедствие для государства. «Сила государства состоит в людях» (IV в. до н.э., Каутилья). При этом в Индии тогда было около 100 млн человек. Для возделывания земли, ирригационных работ требовалось большое число рабочих рук; эпидемии же и войны уносили огромное число жертв – продолжительность жизни была очень низкой – около 20 лет. Политика государства была направлена на поощрение рождаемости [Коростелев, Краев, 1981, с. 25–26].

¹ В этом разделе используются материалы: Ананьева Н.Н., Судоплатов А.П. гл. 21. Демографические процессы и социально-экономическое развитие // Введение в демографию / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: ТЕИС – С. 488–518.

Примерно в то же время в Древней Греции была противоположная ситуация. Античные государства допускали существование ограниченной численности свободных граждан. Платон и Аристотель рассматривали проблему перенаселения Греции как острейшую социальную проблему, ставя ее в зависимость от обеспеченности земельными ресурсами: «Для сохранения цивилизации граждане должны быть немногочисленными». Платон и Аристотель призывали правителей вести политику на ограниченные рождаемости. По расчётам Платона для Греции его времени «оптимальное», т.е. соответствующее возможностям добывания еды, число семей должно было быть не больше 5040. Аристотель уже тогда допускал в качестве мер ограничения роста населения вытравливание плода, и даже убийство детей. Античные мыслители считали, что государство должно строго регламентировать брачные отношения, и что брак – это государственное дело. Предпринимаемые попытки понять роль численности населения в развитии общества и привело к зарождению демографического детерминизма.

В начальный период феодальной эпохи (X–XVI века) прирост населения отличался крайней неравномерностью: была высокая смертность, но и высокая рождаемость. По расчётам Б. Урланиса прирост населения составлял всего 0,1%. Численность мирового населения в это время составляла 340–450 млн человек. И феодалы, и монархи, и церковь были заинтересованы в росте населения, поскольку, богатство феодалов определялось численностью их подданных. Поэтому в феодальную эпоху (Раннее Средневековье) центральной и широко обсуждаемой была проблема соотношения населения и ресурсов. По оценкам численность населения мира к началу XVII века возросла до 500 млн человек. В Китае проживало уже свыше 100 млн человек, а в Японии – 15 млн человек. На территории современной России насчитывалось около 7 млн человек, главным образом в центральной и западной областях европейской части страны.

Мыслители того времени: Т. Мор, Т. Компанелла, Ф. Аквинский, П. Гольбах – рассматривали возможность как положительных, так и отрицательных последствий быстрого роста населения. Они выдвигали тезис об общественной полезности роста численности населения. Но развивались и идеи аскетизма: П. Гольбах в «Карманном богословии» писал, что у христи-

анских народов «должно было бы царить всеобщее безбрачие, ... чем больше население страны, тем больше в ней отверженных...».

Идеи демографического детерминизма получили развитие в работах философов эпохи первоначального накопления капитала (Т. Мен, А. Сера, С. Фортрей). Их идея состояла в том, что многочисленное население, в том числе трудовое население, является основой мощи и богатства государства. Но одновременно существовала и другая точка зрения: чрезмерный рост населения может создать реальную угрозу «перенаселения», что обострит проблему нехватки ресурсов (Д. Таусенд, Р. Уоллес).

В эпоху Просвещения Ж.Ж. Руссо одним из первых высказал идею демографической детерминированности социальных процессов: жителей должно быть столько, сколько земля может их прокормить. «Чрезмерная численность населения – необходимая и отдалённая причина порчи нравов», а это, как считал Руссо, ведёт к различию интересов между социальными группами и возникает «зародыш деспотизма» (цит. по: [Коростелев, Краев, 1981, с. 35]).

На рубеже XVIII–XIX веков (начало индустриализации, зарождение социологии) в общественной мысли установился политико-экономический подход к оценке соотношения роста населения и развития общества. Численность мирового населения в те времена резко возросла, приблизилась к 800 млн человек. Политэкономы А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс рассматривали население только с экономической точки зрения. В работах экономистов обсуждается проблема соотношения колебаний численности населения и воспроизводства рабочей силы. Именно эта проблема определила содержание закона роста населения и воспроизводства рабочей силы как экономического закона (К. Маркс). Общий вывод, к которому пришли классики политэкономии, заключался в том, что численность населения и темпы его роста складываются как *своеобразная производная* экономических и природно-климатических факторов.

Французский философ Ж. Кондорсэ (1743–1794) в своей теории общественного прогресса отводит населению значительное место, связывая его с демографическим фактором. Мыслитель не обходит и проблему возможного перенаселения в будущем обществе, выдвигая идею разумного ограничения рождаемости: «Люди будут тогда знать, что если они имеют обязанности по отношению

к существам, ещё не родившимся, то они заключаются не в том, чтобы дать им жизнь, а в том, чтобы дать им счастье, что предмет этих обязанностей – это общее благосостояние человеческого рода или общества, в котором они живут, или семьи, с которой они связаны, а отнюдь не ребяческая идея обременять землю бесполезными и несчастными существами» (цит. по: [Коростелев, Краев, 1981, с. 44]).

Численность мирового населения на рубеже XVIII–XIX веков достигла 1 млрд человек и продолжала расти довольно быстрыми темпами. Этот быстрый рост численности населения исследователи впоследствии назовут демографическим взрывом. Он был обусловлен тем, что во второй половине 2-го тысячелетия выявилась важная тенденция демографической истории – *снижение смертности* по мере развития материальной базы общества и связанных с этим улучшением санитарных условий жизни, развитием медицины и здравоохранения. Это, а также рост производства продовольствия обеспечило увеличение средней продолжительности жизни, лишь отчасти притормаживавшейся людскими потерями во время эпидемий и войн. Успехи в снижении смертности отчетливо проявились в европейских странах: если с 1500 г. до 1800 г. общие коэффициенты смертности¹ снизились примерно с 35–40‰ до 30–35‰, то с 1800 г. по 1900 г. – примерно до 20–25‰ [Козлов, 1994, с. 98–101].

Другая закономерность демографической истории – *эволюция рождаемости*. Ограничение числа детей долгое время не получало распространения; к началу XIX века общий коэффициент рождаемости² составлял ещё 40‰, а к началу XX века снизился примерно до 35‰. Всё это создало условия для роста численности населения, хотя временами этот процесс прерывался из-за эпидемий, голода и военных потерь. Темпы роста населения Европы постепенно возрастали, что привело к увеличению доли населения европейских стран во всём мире – к началу XX века почти до 18%. Эта доля была бы ещё выше, если бы в течение XVIII–XIX веков за пределы Европы не эмигрировало около 50 млн человек, главным образом в страны Америки.

В XX веке темпы роста населения Европы стали снижаться вследствие снижения рождаемости, начавшейся с середины XVIII века во Франции. В те времена во Франции практически не

¹ Среднее число умерших на 1000 населения в течение определённого периода (в ‰).

² Среднее число родившихся на 1000 населения в течение определённого периода (в ‰).

произошло демографического взрыва¹, поскольку снижение смертности и рождаемости шло почти параллельно, так что численность населения возросла немногим более чем на 40%. А вот в Великобритании снижение смертности началось тогда же, когда и во Франции, а снижение рождаемости – на 100 лет позже. Вследствие этого в течение XIX века население страны возросло на 26 млн человек, или в 3,4 раза. При этом 10 млн человек эмигрировало. Большинство европейских стран пережили в XIX веке «малый демографический взрыв». Численность населения Европы за столетие почти удвоилась (за предыдущее столетие увеличилась менее чем в полтора раза).

Современник Ж. Кондорсэ английский философ В. Годвин (1756–1836) считал, что в будущем обществе развитие разума приведёт к прекращению роста населения: «Люди, которые будут жить в то время, когда земли станет недостаточно для более многочисленного населения, перестанут плодиться, ибо их к тому ничто более не будет побуждать – ни заблуждения, ни обязанности». Причину этого В. Годвин видит в том, что «ум развитой и сильный имеет склонность делать нас равнодушными к чувственным наслаждениям» (цит. по: [Коростелев, Краев, 1981, с. 45]).

Противоречивость процессов экономического роста и демографической ситуации в Европе (демографический взрыв) в эпоху промышленной революции нашла наиболее полное выражение в теории Т.Р. Мальтуса (1766–1834) – священнослужителя, профессора истории и политэкономии колледжа Остинской компании в Хейлибери (Англия). Эта теория с позиций демографического детерминизма трактовала причины социальных бедствий, политических потрясений и экологических катастроф. Предшественниками Т. Мальтуса были Н. Макиавелли, Д. Ботеро, Э.-Г. Морелли, Г. Мабли, основная идея которых состояла в том, что вина за нищету и пауперизм лежит на самом народе, который слишком быстро и неразумно размножается. Т.Р. Мальтусом эта идея с наибольшей полнотой была развита в его учении. Вокруг его книги «Опыт о законе народонаселения» (1798) разгорелись споры, которые продолжаются до сих пор.

¹ Демографический взрыв – образное обозначение быстрого количественного роста населения. Начало глобального демографического взрыва относят к 1950-м годам [Вишневский. 1994. с.105–107].

Основные идеи, изложенные в работах Мальтуса сводятся к следующему: рост населения – независимая величина, и корректируется только действием социальных факторов, которые классифицируются как а) разрушительные (войны, эпидемии и пр.) и б) предупредительные (безбрачие и воздержание в браке). Основной причиной всех бедствий Мальтус считал рост численности населения. В то время, когда он писал свою книгу, демографическая ситуация в Европе характеризовалась как демографический взрыв, т.е. численность населения росла очень быстрыми темпами. Т. Мальтус считал, что рост численности населения имеет тенденцию опережать увеличение запасов продовольствия, и других имеющихся средств существования. Неизбежным результатом этого является голод, который в сочетании с войнами и эпидемиями действуют как ограничитель роста населения. Мальтус предсказывал, что если человеческие существа не начнут применять то, что он называл «моральным ограничением», они всегда будут жить в условиях нищеты и недоедания. Как и В. Годвин, он считал важнейшим, если не единственным разумным средством против чрезмерного роста численности населения – строгое ограничение частоты половых отношений.

Идеи Мальтуса¹ и его предшественников о перенаселении, его причинах и последствиях, дискуссии вокруг них, вся атмосфера демографического детерминизма, но главное – объективное состояние приватно-демографического поля европейских обществ того времени (демографического взрыва) – породили процесс переопределения прежнего приватно-демографического хабитуса в европейских странах. Если раньше, на протяжении миллионов лет его сущностью была максимизация рождений и жёсткая слитность брачного, сексуального и репродуктивного поведения, то теперь стал проявляться противоположный вектор: ограничение числа рождений, хотя в те времена культурное предписание слитности по-прежнему ещё сохранялось. Но, возможно, что и сами эти идеи у Мальтуса возникли на основе объективных структурных перемен в приватно-демографическом поле; начало

¹ Не будем здесь подробно рассматривать, в рамках какого «детерминизма» – экономического, демографического, социального, биологического – строил свои умозаключения Т.Р. Мальтус. Для цели нашего исследования важно, что они совпали с объективным состоянием приватно-демографического поля тогда в Европе, и, возможно, стали частью того механизма, который «запустил» всю последующую трансформацию отношений/сил/капиталов этого поля.

им было положено в практиках сохранения жизни младенцев и пожилых родственников в богатых, королевских, придворных семьях¹, а потом – и ограничения в них числа рождений.

Сначала последствием этого переструктурирования практик и переопределения приватно-демографического хабитуса было возникновение «европейского» типа брачности – значительное повышение возраста вступления в брак (опять же, начиная с аристократии, богатых, образованных слоёв). В XIX веке в странах Европы распространились практики откладывания вступления в брак, заметно вырос уровень окончательного безбрачия (мужчин 11–20%, женщин 11–29%) [Хаджнал, 1979, с. 16]. То есть действительно, практики в приватно-демографическом поле стали таковы, что отражали воздержание от раннего вступления в брак, или внешнее по отношению к семье ограничение числа зачатий и рождений.

Со временем практики ограничений числа детей переместились во внутрисемейные отношения; постепенно распространялась малодетная модель семьи и детоцентризм как преобладающий тип семейных отношений в западноевропейском, а затем и восточно-европейском обществах [Вишневыский, 2005(в), с. 257–281]. К концу XIX века «малый демографический взрыв» и последовавшее за ним снижение рождаемости стали распространяться на все европейские страны, включая и Россию.

Демографическая история России ведёт свой отсчёт с рубежа XV–XVI веков, когда определился процесс формирования и последующего роста единого централизованного государства во главе с Москвой. Государственно-территориальная целостность, сопоставимая с современной территорией Российской Федерации, в основном сложилась к середине XVIII века и почти полностью сформировалась в XIX веке. Во второй половине XVI века на тогдашней территории России проживало 6,5–7 млн человек (по оценке историка Я.Е. Водарского). К концу XVII века – 10,5 млн человек. В течение XIX века население России выросло с 26,7 до 71 млн человек [Захаров, 1994, с. 397–417], а за XX век – до 148,7 млн человек.

¹ Именно с таких семей начались и стали распространяться практики соблюдения личной гигиены, лечение больных и пр., что впоследствии привело к снижению смертности. Исследователями исторической демографии этот процесс был назван «эпидемиологическим переходом».

Демографический переход в России (сначала снижение смертности – «эпидемиологический переход») начался во второй половине XIX века, т.е. намного позже, чем в индустриальных европейских странах – Франции, Великобритании. В начале XX века в России происходило довольно быстрое снижение рождаемости. Поэтому демографический переход протекал здесь сравнительно быстро и в большинстве регионов современной территории РФ в основном завершился к середине 1960-х годов.

Отличительная черта демографического перехода в России состоит в том, что воспроизводство её населения практически миновало демографический взрыв. Это произошло по двум причинам: 1) вследствие почти одновременного начала снижения уровней смертности и рождаемости, 2) из-за социальных катаклизмов первой половины XX века, которые вызвали демографические пертурбации, невиданные по глубине падения темпов прироста населения, длительности и последствиям. Потери на территории современной России были следующие: в период 1914–1921 гг. – около 12 млн человек (12% предшествующей численности населения); в период голодомора 1933–1934 гг. – 5 млн человек (5%); в период 1941–1946 гг. – 21 млн человек (19%) [Захаров, 1994]. К середине 1960-х годов Россия по характеристикам режима/типа воспроизводства населения сблизилась с экономически развитыми регионами мира.

4.2. Современные теории и подходы к оценке «демографического фактора»

Демографический взрыв в Западной Европе окончился довольно быстро – в начале XX века. Но он оставил заметный след в истории, так как способствовал значительному повышению численности населения этого региона, заселению Нового Света, освоению новых земель в Азии, Африке, Южной Америке. Падение рождаемости в Старом Свете усугубилось продолжавшейся эмиграцией в другие части света, составившей к середине XX века ещё 30 млн человек, а также большим уроном, который нанесли населению Европы две мировые войны.

В XX веке темпы роста численности населения европейских стран существенно замедлились, но ускорился рост численности

населения мира в целом. Во второй половине XX века прирост населения мира выглядит беспрецедентным (на фоне исторической динамики). Потребовалось около 20 тысячелетий, чтобы население Земли достигло 1 млрд. Потом за 120 лет население удвоилось; затем удвоение этой численности произошло уже менее чем за 50 лет. А в сумме за неполный XX век население Земли утроилось и достигло 6 млрд (1999 г.). В 2011 г. родился 7-миллиардный житель Земли. Рост населения мира начал замедляться, что связано, как утверждает в документах ООН, с успешной пропагандой противозачаточных средств и прогрессом в области планирования семьи в тех странах, где совсем недавно рост численности населения был очень высок.

Главной особенностью демографических процессов в мире всё ещё остаётся сохранение двух очень разных типов воспроизводства населения: населения развитых стран и населения развивающихся стран. Более трети прироста приходится всего лишь на две страны – Индию и Китай, ещё на 8 стран приходится четверть мирового прироста (Пакистан, Индонезия, Нигерия, США, Бразилия, Бангладеш, Мексика, Филиппины). По долгосрочным прогнозам, осуществлённым ООН, к 2050 г. численность населения Земли превысит 9 млрд человек, а к концу XXI века население Земли достигнет 10 млрд человек [2008 World..., 2009], это произойдет, в основном, за счёт населения развивающихся стран Азии и Африки.

Свои взгляды по поводу угрозы глобального перенаселения (демографического взрыва) в XX веке высказывали известные зарубежные экономисты П. Эрлих, Дж. Форрестер (цит. по: [Судоплатов, 1974]), Ф. Осборн, Д. Медоус [Медоуз, 1990] и другие члены «Римского клуба»¹, а также демографы А. Сови [Сови, 1977, том 1: гл. 12, 23; том 2: гл. 10, 12, 13, 22], Р. Пресса [Pressat, 1970], Ф. Нотенштейн и др. Э. Гидденс в своей книге «Социология» пишет о возрождении интереса к теории Мальтуса в XX веке в связи с резким скачком численности населения мира и связанных с этим экологических рисках, нехваткой продовольствия и другими проблемами [Гидденс, 2005].

¹ «Римский клуб» – международная организация, занимающаяся исследованием глобальных проблем современности и долгосрочными перспективами развития человечества.

Для целей нашего исследования важным является не то, что эти учёные видят «материальный и моральный кризис человечества в быстром росте населения» [Сови, 1977, том 2, с. 241], а то, что социально-демографическая сущность мальтузианского подхода является сильным методологическим принципом, «сердцевиной проблем и практики научного изучения населения» [Pressat, 1970, с. 8] и, соответственно, всех видов отношений/структуры/сил приватно-демографического поля. Источник нового приватно-демографического хабитуса – объективные условия нашего поля (перенаселение как глобальный демографический взрыв); они производят всё более устойчивые модели демографических, и теперь уже зачастую социальных либо интимных (не демографических) отношений, практик, диспозиций, представлений.

Обсуждение рисков, связанных с перенаселением (в том числе глобальным), в советской, да и в нынешней российской демографии, социологии, экономике, философии было практически невозможно: зарубежные сторонники теории Мальтуса должны были быть строго раскритикованы (вслед за К. Марксом)¹. Эта тема была практически «закрытой» для отечественных обществоведов, и особенно демографов. Однако к этой теме обращались и обращаются не только обществоведы, но и российские естествоиспытатели, мыслители, физики, математики. Одним из таких мыслителей был академик В.И. Вернадский (1863–1945). Его учение о роли человека в биосфере, о высшей стадии развития биосферы и трансформации её в ноосферу в результате разумной человеческой деятельности имеет прямое отношение к теме нашего исследования.

Вернадский отмечал, что беспрецедентный скачкообразный рост населения планеты в XX веке диктует необходимость максимально экономного отношения человека к природным ресурсам, изыскания и использования принципиально новых источников энергии, организации охраны окружающей среды [Вернадский, 1994]. Стратегия выживания, о которой говорил Вернадский, «принимает во внимание предельную заселённость планеты... Демографическая характеристика населения Земли –

¹ Но в результате таких «критических анализов» отечественные исследователи всё-таки получали возможность ознакомиться с результатами зарубежных исследований в области брака, семьи, рождаемости (см., например: [Судоплатов, 1974; Смулевич, 1966; Рубин, 1972; Кириллова, 1970, с. 166–178] и др.).

это не только разрешение старых проблем, но и приумножение новых» [Кальной, 2008]. Категории «разум», *разумность*, присутствующая в работах В.И. Вернадского, как характеристика высшей степени развитости человечества, встречается и в работах античных, средневековых, современных мыслителей. По отношению к предмету нашего исследования эта категория по сути своей довольно близка к тому, что было определено нами как сущность современного приватно-демографического хабитуса. По-видимому, действительно, *разумность* людей в сфере приватной жизни является тем фактором, под воздействием которого могут быть преодолены глобальные демографические проблемы современности.

Другим естествоиспытателем, который занимался изучением проблем и последствий глобального перенаселения (демографического взрыва), был наш современник физик С.П. Капица. Идеи, лежащие в основе его теории и математических расчётов истории и прогноза численности мирового населения (весьма обоснованных), можно без сомнения назвать мальтузианскими. И С.П. Капица не скрывал этого [Капица, 2010]. Его расчёты показывают, что исторический и современный процессы роста численности населения описываются гиперболической кривой, и примерно в 2025 г. численность Земли может резко возрасти. Соотнеся рост численности населения Земли с проблемами, с которыми оно (население) столкнётся – продовольственные, здравоохранения, образования, энергетики, экологические – С.П. Капица также апеллирует к *потенциалу разума* человечества – «как на индивидуальном уровне, так и на социальном, который выражен в общественном сознании, в культуре» [Там же].

На этой оптимистической предпосылке строятся и прогнозы демографов о том, что численность населения Земли всё-таки стабилизируется на уровне 9–11 млрд, т.е. даже не удвоится по сравнению с тем, что есть сейчас. Важная роль в такой стабилизации принадлежит тем объективным законам приватно-демографического поля, которые характерны для обществ, переживших демографический переход (вслед за демографическим взрывом), а также – приватно-демографическому хабитусу, благодаря которому агенты (индивиды, семьи, партнёрские союзы) воспроизводят практики, адаптированные к объективным условиям поля, т.е. практики, направленные на ограничение числа рождений. Практические схемы, составляющие такой хабитус, пронизывают все социальные отношения – движущие силы, прису-

щие полю нашего исследования: сексуальные, интимные, супружеские, брачные, репродуктивные, отношения с детьми, гендерные отношения (в приватно-демографическом поле) и др.

В российском приватно-демографическом поле векторы трансформации этих многообразных отношений исторически утвердились на протяжении всего XX века, и история эта довольно непростая. В последние десятилетия XX и в начале XXI века в приватно-демографическом поле российского общества стали повсеместно распространяться явления, свойственные второму демографическому переходу. Но сущность приватно-демографического хабитуса осталась прежней – непреднамеренное (не интенциональное), не нуждающееся в осознанной адаптации ограничение числа детей в семье. Поэтому при формулировании целей, касающихся населения, очень важно учитывать исторически сложившиеся особенности и современное состояние этой весьма сложной сферы социального пространства.

Вывод, который можно сделать в результате исторического взгляда на процессы демографического перехода и трансформации сил/капиталов/отношений в европейском и российском приватно-демографических полях состоит в том, что они (эти поля) имеют весьма сходные приватно-демографические хабитусы (как *структурирующие структуры*), в основе которых лежит социальная память о былом демографическом взрыве, «перенаселении». По-видимому, здесь «срабатывает» то, что содержится у М. Хальбвакса в нескольких тезисах:

1) об относительно независимом развитии комплекса представлений (приватно-демографических – *А.М.*) от его объективных «сегодняшних» условий [Хальбвакс, 2000(г), с. 111–130] – демографических ситуаций в европейских странах и в России;

2) о сохраняющейся во времени социальной обусловленности индивидуального действия/практик, отражённое в метафоре «отпечаток общества» [Хальбвакс, 2000(в), с. 155–168];

3) о формуле сознания как одновременного представления социального прошлого и будущего [Хальбвакс, 2000(б), с. 331–335] (приватно-демографического поля – *А.М.*).

Эти положения Хальбвакса принципиально важны в рамках нашей концепции (на основе теории П. Бурдьё) об относительно автономном воспроизводстве демографической истории в приватно-демографическом хабитусе [Бурдьё, 1993] и двойного структурирования социальной реальности [Бурдьё, 1994] в сфере частной жизни.

Глава 5

МАКРОСТРУКТУРА ПРИВАТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛЯ РОССИИ И СИБИРИ ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: ПРОЦЕССЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Трансформационные процессы, происходящие в сфере приватной жизни российского общества – в сфере семьи и брака – порождают проблемы и в демографической подсистеме общества, и в экономической, и в целом – в социальной, поскольку речь идёт о распространении таких феноменов, как одиночество, отчуждение, сиротство и др.

На современном этапе развития российского общества – идеологии, политики, экономической науки – считается, что трансформация демографической сферы, институтов брака и семьи происходит в России под определяющим влиянием социально-экономической ситуации, экономических факторов. Поэтому, с одной стороны, динамика процессов брачности, рождаемости интерпретируется как следствие экономических проблем общества в целом и его отдельных территорий. С другой стороны, человеческий капитал, особенно его «экономическая» часть, считается (по традиции же) важным фактором экономического развития страны, региона.

В экономическом смысле современные процессы воспроизводства населения в России в целом и в Сибири, можно охарактеризовать как остропроблемные – отрицательный естественный прирост в результате высоких показателей смертности и низких показателей рождаемости, постарение возрастной структуры. Поскольку в последние 20 лет эти процессы происходили и происходят на фоне общих глубоких и зачастую болезненных экономических и социальных трансформаций, то и неудивительно, что их, как правило, принимают за прямое следствие этих перемен.

В данной главе ставится задача выявления современных макроуровневых закономерностей и особенностей трансформационных процессов в приватно-демографической сфере общества.

5.1. Методологические основы анализа макроструктуры приватно-демографического поля: теория демографических переходов

Демографическая и экономическая компоненты развития любого общества проявляют относительную согласованность. Но в то же время они и относительно автономны в процессе исторического развития. С одной стороны, это – социально-экономическое устройство общества (экономические, политические, юридические, идеологические и другие публичные социальные сферы/поля/институты) и уровень экономического развития общества. С другой – режим воспроизводства населения, сфера (поле) частной жизни людей, брак, семья¹. Идея «полуавтономности» социальных полей специально рассматривается в теории генетического структурализма П. Бурдьё, и эта идея тем более верифицируется, когда речь идёт о таком крупном разделении социального пространства, как на публичную и приватную сферы.

Актуальным является вопрос об «уникальности» современного состояния этой социальной сферы в Сибири и России в целом, т.е. в какой степени её структура зависела и зависит от произошедших и происходящих в стране социально-экономических перемен, кризисов, реформ. Поиск ответа на этот вопрос необходим для выявления ситуации демографического настоящего и будущего России и Сибири. «Если речь идёт о простой реакции на экономический и социальный кризис 1990-х годов, то можно надеяться, что по мере преодоления этого кризиса улучшится и демографическая ситуация. Если же главные демографические тенденции имеют более глубокие причины и более давнее происхождение, то, возможно, нет и оснований для подобного оптимизма» [Вишневский, 2002]. Ведь известно, что самый низкий уровень рождаемости демонстрируют наиболее богатые страны, но и уровень смертности в этих странах самый низкий в мире.

¹ Именно на идее относительной автономности экономической и демографической сфер зиждется тезис Ф. Энгельса о том, что *воспроизводство как базис общества* включает в себя *воспроизводство средств для жизни* и *воспроизводство самой жизни, семью* [Энгельс, 1978].

Со второй половины XX века в России, как и во многих индустриальных странах, процессы брачности, рождаемости претерпели глубокие изменения. Но вместе с тем показатели на глобальном уровне, характеризующие большие группы стран или такие неоднородные общества, как российское, демонстрируют удивительную схожесть демографических характеристик. Более того, перестают «срабатывать» такие ранее общепризнанные факторы дифференциации брачного, репродуктивного поведения, как уровень благосостояния, национальность, образование, занятость женщин вне дома, квалификация, место проживания (город/село). Сглаживается и региональная дифференциация демографических показателей¹.

Оценивая взаимосвязи брачности и рождаемости с экономической, политической, социальной ситуациями в России и в других странах С. Захаров, А. Вишневецкий, С. Иванов и другие демографы единодушны в том, что формирование семьи и рождение детей у будущих поколений всё в меньшей степени будет зависеть от макроэкономических и социально-политических параметров среды, не зависящих от индивида (см., например, [Иванов, 2002]). «В своём демографическом поведении человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, «настраивая» индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств» [Захаров, 2002].

Однако если обратиться к демографической истории, то обнаруживается долговременная² нерушимая взаимосвязь норм, правил, табу в сфере брачного и репродуктивного поведения. Взаимосвязь эта проявлялась в том, что высокая рождаемость, как правило, наблюдается в тех обществах, где показатели брачности также высоки. Поэтому-то в демографии традиционно уровень брачности рассматривался как важнейший фактор, влияющий на уровень рождаемости. В современных же (модернизированных, индивидуализированных) обществах нормы, правила, представ-

¹ Результаты нашей разработки концепции «внутреннего» механизма трансформационных процессов в приватно-демографическом поле социального пространства также дают основание для утверждения об относительной автономности развития структуры изучаемой демографической сферы общества. См. часть I, гл. 3.

² На протяжении практически всей истории моногамной семьи, т.е. более 10 тысячелетий.

ления, предпочтения в сфере брачного, репродуктивного и вообще семейного поведения потерпели существенную трансформацию в направлении повышения автономности каждого из этих видов поведения. В результате брак перестал быть средством воздействия на течение процесса рождаемости, как это было в России ещё в первой половине XX века.

Откладывание вступления в брак как мера регулирования рождаемости стало распространяться в европейских странах в XVIII–XIX веках [Хаджнал, 1979, с. 14–70]. Этот период демографы определяют как ранние стадии *первого демографического перехода*. В последующие столетия в этих обществах распространилось внутрисемейное регулирование деторождений, и уровень брачности стал постепенно утрачивать своё значение как фактора рождаемости (но продолжает сохранять смысл характеристики социального благополучия в обществе). В результате этих процессов произошло существенное снижение рождаемости в большинстве европейских стран. К 1930-м годам и рождаемость, и смертность были в этих странах на низком уровне.

Для России откладывание брака, как способ регулирования рождаемости, не был характерен никогда – брачность всегда была ранней и практически всеобщей. Более распространённым в России способом было и остаётся внутрисемейное регулирование деторождения. В XX веке устойчивости характеристик ранней брачности в России способствовало ослабление традиционных запретов на добрачные сексуальные отношения (1920-е годы, а также войны и другие социальные пертурбации). На фоне неразвитой культуры контрацепции в России добрачные сексуальные связи, приводящие к зачатиям, стимулировали и ранние браки. Но далеко не все до- и внебрачные зачатия были поводом для свадьбы как в прежние времена, так и в наше время. Нередко они были причиной высокой материнской смертности – как результатов немедицинских методов прерывания беременностей. И в наше время многие из нежелательных до- и внебрачных зачатий заканчиваются не свадьбой, а абортom, внебрачным рождением, разводом.

Внебрачные рождения стали довольно распространёнными явлениями в России в военные и послевоенные годы (1945–1959 гг.). Затем их уровень значительно снизился, но с 1980-х годов начал постепенно повышаться и к концу XX века уже составлял 28–30% от всех рождений (табл. 5.1).

Доля внебрачных рождений среди всех рождений в России
в 1945–2001 гг., %

Год	Всё население	Городское население	Сельское население
1945	24,4
1955	16,9
1965	13,0	11,7	14,5
1975	10,7	9,3	13,7
1985	12,0	11,3	13,6
1990	14,0	11,8	16,5
2001	28,8	27,8	31,0

Источник: Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // Мир России. Социология. Этнология. – 1998. – Т. VII. – № 4 (20), с. 169.

Аналогичная ситуация с внебрачными рождениями происходит в конце XX века и в большинстве европейских стран, причём во многих странах, например Швеции, Франции, Великобритании, доля внебрачных рождений составляет от 40–50 до 70–80% всех рождений (более подробно феномен распространения внебрачной рождаемости рассматривается в п. 5.2).

Специфические черты трансформации институтов брака и семьи, проявляющиеся на уровне объективной структуры приватно-демографического поля как стабильные тенденции снижения брачности и рождаемости в Европе, оказались настолько схожими для многих стран, что весь процесс теперь называют *вторым демографическим переходом* [Van de Каа, 1987]. Начало второго демографического перехода можно условно установить с середины 60-х годов XX века – после Второй мировой войны и после «бэ-би-бума», последовавшим за ней. Принципиальная количественная черта второго перехода – снижение рождаемости до уровня немного выше простого воспроизводства – 2,1 рождений на женщину. Согласно демографическим теориям стационарного населения этим уровнем коэффициента суммарной рождаемости (КСР) устанавливался «баланс чисел рождений и смертей», а население сохраняется постоянным (стационарным) продолжительное время (см., например: [Сови, 1977, том 1, с. 97–107, 137–144]).

Анализ глобальных тенденций конца XX – начала XXI века, проведённый С. Ивановым, показывает, что в настоящее время КСР «опустился ниже двух детей на женщину во всех европейских странах (кроме Албании), в Северной Америке, всех странах

Восточной Азии (кроме Монголии), Австралии и Новой Зеландии. Кроме того, рождаемость снизилась ниже этого порога в четырёх из семи бывших республик СССР, расположенных в Азии, шести Карибских государствах и трёх африканских странах. Вследствие завершения демографического перехода ... число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений, выросло с 13 в 1970 г. до 66 в 2002 г.» [Иванов, 2002].

Среди развитых стран С. Иванов выделяет 3 группы:

– страны с рождаемостью «почти достаточной для возобновления поколений» (Австралия, Ирландия, Новая Зеландия и США);

– страны со «средней» рождаемостью, характерной для Северной и Западной Европы, где КСР находится в интервале от 1,5 (Нидерланды, Великобритания (Соединённое Королевство), Финляндия) до 1,8 (Дания, Норвегия, Франция);

– остальные страны, где рождаемость наиболее низка, причём в некоторых из них КСР не превышает 1,2 – 1,3 (Болгария, Гонконг, Латвия, Италия, Испания, Россия, Чехия).

Несколько иную типологию рождаемости – с учётом уровня общего показателя рождаемости, возрастного профиля и календаря рождений – строит в своем анализе И. Калабихина [Калабихина, 2002]:

• западноевропейский тип – характеризуется:

- а) «старой» рождаемостью (более старшим возрастом при рождении первых детей),
- б) высокой долей сознательной (не биологической) бездетности,
- в) низким уровнем рождаемости – более эффективным внутрисемейным регулированием;

• восточноевропейский тип – характеризуется:

- а) «молодой» рождаемостью (более младшим возрастом при рождении первых детей),
- б) сравнительно низкой долей сознательной бездетности,
- в) низким уровнем рождаемости, но неэффективным внутрисемейное регулирование деторождения;

• азиатский тип – характеризуется:

- а) более молодым возрастом матери при первых рождениях,
- б) низкой долей сознательной бездетности,
- в) относительно высоким уровнем рождаемости.

В рамках этой классификации Россия относится к «восточно-европейскому» типу. Если рождаемость будет оставаться ниже уровня воспроизводства, как это происходило в европейских странах и в России на рубеже веков, и не компенсируется иммиграцией (и свойственным иммигрантам уровнем рождаемости), то численность населения рано или поздно будет снижаться, как это происходит уже с начала 1980-х годов в Австрии, Дании, Германии (ФРГ) и Венгрии. На рубеже XX–XXI веков отрицательный прирост населения наблюдался и в других, в основном, восточно-европейских странах. Изменения уровней двух других переменных, которые формируют численность населения этих стран – смертности и миграции – имели относительно небольшое значение во время второго демографического перехода.

Как видно, в России в последней четверти XX века процессы в сфере брачности и рождаемости были в целом аналогичные европейским. Демографы выделяют специфические российские этапы макроуровневых изменений брачности и рождаемости: направления (типы) изменений и соответствующие им значения показателей. Но главная специфически российская черта трансформационных процессов в демографической сфере состоит в том, что здесь институциональные изменения брака и рождаемости на всех этапах происходят на фоне относительно высокой смертности¹.

С. Захаров выделяет временные этапы и соответствующие им количественные и качественные характеристики брачности и рождаемости в России по степени модернизационных изменений – в терминах первого и второго демографических переходов [Захаров, 2002, с. 19–26]:

– первый демографический переход: снижение рождаемости в России началось в середине XIX века – в среднем, на 30–40 лет позднее, чем в европейских странах, с более высокого уровня, по сравнению с ними, но и более интенсивно – примерно за 70 лет произошёл переход на низкую рождаемость (КСР, равный 2, был

¹ Особенно явно тенденция роста смертности наблюдается с 1980-х годов, но, как ни странно, они гораздо меньше тревожат общественное и научное мнение в России по сравнению с тенденциями рождаемости. Например, А.И. Антонов, В.И. Медков и А.Б. Синельников пишут: «Неверно считать снижение смертности до европейского уровня ... преимущественным средством борьбы с убылью населения. Таковым является лишь повышение нынешней рождаемости...» [Антонов и др., 2002].

уже у поколений женщин, родившихся во второй половине 1920-х и в 1930-е годы);

– второй демографический переход: новейшие тенденции в эволюции рождаемости в России обнаруживаются с середины 1990-х годов. Индикаторы-предикаторы второго демографического перехода: 1) быстрое снижение рождаемости в самых молодых возрастах, 2) откладывание рождения первенца в реальных поколениях, 3) быстрое повышение возраста вступления в первый брак, 4) сильное сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет, 5) возрастание вклада старших возрастных групп матерей в итоговую рождаемость, 6) уменьшение доли «вынужденных» браков, стимулированных внебрачными зачатиями. Следующими важными индикаторами второго демографического перехода можно, по-видимому, считать рост доли лиц репродуктивного возраста, не состоящих в браке, а также – доли внебрачных рождений.

Главная качественная (поведенческая) черта второго демографического перехода, проявляющаяся в динамике отмеченных демографических показателей, – это изменение общепринятого смысла и последовательности событий, участвующих в процессе формирования семьи. Дирк ван де Каа выделяет здесь четыре принципиальных момента [Van de Kaa, 1987]:

- 1) поворот от «золотого века» брака к распространению сожителств и его оборотной стороны – внебрачным рождением;
- 2) поворот от детоцентристского типа семьи к супружеской семье с ребёнком, где центром отношений являются чувственные, любовные (супружеские);
- 3) поворот от контрацептивного поведения как предупреждающей зачатие компоненты репродуктивного поведения к контрацепции как самоценной компоненте сексуального поведения;
- 4) поворот от единообразия моногамии к плюрализму форм семьи и домохозяйства.

Таким образом, из теоретических представлений, объясняющих динамику демографических индикаторов, которые отражают объективное состояние приватно-демографического поля и происходящие в нём трансформационные процессы в сфере брачности и рождаемости, следует: если уровни демографических характеристик проявляют некоторые колебания или региональную специфику, то это, скорее всего, – результат влияния существующих ещё структурных факторов, таких, как более мо-

лодой состав населения, а не кардинальные изменения поведения людей в сфере частной жизни. Например, такой структурный фактор, как многочисленное молодое поколение (бракоспособное и репродуктивное), проявился в том, что в 2002–2006 гг. коэффициенты рождаемости в России стали повышаться. Другой причиной колебаний, проявившейся с начала 1990-х годов, является влияние тех или иных конъюнктурных (демографических) факторов¹, но и они всё-таки не принципиально изменили (не повернули вспять) репродуктивные и брачные диспозиции агентов приватно-демографического поля. Таким образом, результаты демографических исследований показывают, что это поле России характеризуется вполне устойчивым состоянием, относительно слабо подверженным влияниям процессов в других социальных полях.

5.2. Рождаемость и брачность в России и в Сибири как элементы-процессы макроструктуры приватно-демографического поля

Сглаживание региональной дифференциации демографических процессов. Основные тенденции рождаемости и брачности в Сибирском регионе в сравнении с РФ в целом, с другими странами, состоят в том, что на нынешнем этапе развития демографической сферы региона (в последние 20–30 лет) существенно сглаживается как внутренняя российская (региональная), так и межстрановая дифференциация. Но анализ этих макроуровневых компонент состояния приватно-демографического поля усложняется тем, что за рассматриваемый период изменилось административно-территориальное деление региона «Сибирь». Области, края и автономные округа, входящие в регионы «Западная Сибирь» и «Восточная Сибирь», в 1998 г. были объединены в Сибирский федеральный округ; из прежнего состава региона «Западная Сибирь» была исключена Тюменская область (с входящим в нее Ханты-Мансийским автономным округом), приписанная тогда к Уральскому федеральному округу. Поэтому, насколько это

¹ Несомненно, что в России, как и в других восточноевропейских странах, таким «фактором-катализатором» послужили политические и экономические преобразования, начавшиеся в конце 1980-х годов.

возможно, при анализе структурообразующих процессов – рождаемости и брачности – будем придерживаться сопоставимости, имея в виду населения одних и тех же административных территориальных единиц (АТЕ).

Как видно, теперь регион «Сибирский федеральный округ» (СФО), в отличие от прежнего региона «Западная Сибирь» состоит из довольно неоднородных групп населения – по степени прохождения демографического перехода. Но, в то же время, здесь представлены такие уникальные в демографическом смысле территории, как, например, Республика Тыва и Республика Хакасия, где уже в 1980-х годах внебрачная рождаемость была самая высокая в России и в СССР в целом.

Особенности региональных демографических процессов с позиций концепции демографических переходов рассматривает в своих работах С. Захаров [Захаров, 1990; Захаров, Иванова, 1996]. Его исследования базируются на результатах статистического анализа большого числа российских региональных демографических показателей за почти вековой период времени: коэффициентов суммарной рождаемости, нетто-коэффициентов воспроизводства, коэффициентов материнской смертности, индексов Коула и др. В результате анализа автор построил типологию административно-территориальных единиц России и сделал выводы, важные для целей нашего анализа и понимания «сибирских» тенденций и их закономерностей на макроуровне – как объективном состоянии приватно-демографического поля.

Главная тенденция, выявленная С. Захаровым, состоит в многократном уменьшении региональной дифференциации за период 1959–1992 гг. по сравнению с допереходным состоянием. Важной особенностью для понимания состояния «сибирского» приватно-демографического поля является и то, что административно-территориальные единицы СФО размещаются во всех пяти типах регионов по уровню коэффициента суммарной рождаемости начиная с самого высокого по уровню рождаемости (Тува, Хакасия, Якутия, Бурятия и др. – названия 1990 г.) и до самого низкого (Новосибирская, Томская области, Алтайский край).

В период 1990–2010 гг. эти тенденции продолжились; возможно, произошло ускорение переходных процессов. Этот период можно охарактеризовать для России, для стран бывшего СССР, для восточноевропейских стран как экономически и политически «кризисный»; в западноевропейских странах особых кризисов не

происходило. Но тенденции брачности и рождаемости, проявляющиеся на протяжении всего XX века, во всех обществах неуклонно продолжают свою траекторию: «конвергенция регионов как на межстрановом, так и на внутристрановом уровне преобладает над дивергенцией» [Захаров, Иванова, 1996, с. 110].

Рождаемость: тенденции и закономерности. Сибирский федеральный округ на протяжении последних 20 лет устойчиво занимает второе место в Российской Федерации по уровню рождаемости, вслед за Южным федеральным округом¹. Высокий уровень рождаемости в Сибири складывается за счёт практически всех сибирских национальных (автономных) округов (табл. 5.2). В Новосибирской же, Омской, Томской, Иркутской, Читинской областях значение коэффициентов рождаемости (общих и суммарных) довольно низкие (табл. 5.3, см. также табл. 5.2).

Таблица 5.2

Динамика общих коэффициентов рождаемости в РФ в 1990–2009 гг., число родившихся на 1000 населения

Субъект Федерации	1990	1995	1999	2002	2009	Место, занимаемое в РФ в 2009 г.
РФ	13,4	9,3	8,3	9,8	12,4	
Сибирский федеральный округ	14,6	9,9	9,1	10,7	14,0	2
В том числе:						
Республика Тыва	26,2	20,0	15,7	18,4	26,1	2
Республика Алтай	19,2	14,2	13,4	15,8	20,3	3
Агинский Бурятский автономный округ	24,1	16,9	14,7	15,1	17,4	6
Новосибирская область	12,9	8,5	7,9	9,9	12,9	44
Южный федеральный округ	16,6	11,6	9,7	11,0	14,0	1

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Стат. сб. / Росстат. – М., 2003, с. 56–57; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. Стат. сб. / Росстат. – М., 2010, с. 76–77.

¹ Об особенностях этапов демографического перехода в южных и сибирских этнических регионах см.: Тишук Е.А. Медико-демографические процессы в Российской Федерации в контексте общемировых закономерностей // Вопросы статистики. – М. – 2005. – № 8. – С. 45–50.

Начиная с 2000 г. численность родившихся повышается – в России в целом, практически во всех регионах, и в Сибири также. Судя по уже имеющимся оценкам, это повышение продолжается и в настоящее время. Соответственно, растёт и общий коэффициент рождаемости. Главной причиной этого роста все аналитики-демографы признают «демографическую волну», т.е. многочисленность поколения 1980-х годов рождения, вступивших в репродуктивный возраст на рубеже XX–XXI веков. Так что нынешние повышенные (по сравнению с предыдущим периодом) числа родившихся были в большой мере предсказуемы и ожидаемы. И, по-видимому, в этом опять проявилась структурная компонента состояния приватно-демографического поля. В 2007 г. государством были предприняты меры, стимулирующие рождения вторых детей (по очерёдности у матери) – получение на определённых условиях сертификата на сумму денег, предназначенных для инвестиций в образование детей, улучшение жилищных условий или пенсионные накопления матери. В результате произошло некоторое повышение уровня рождаемости, как в Сибири, так и в России в целом (см. табл. 5.3).

Таблица 5.3

**Динамика коэффициента суммарной рождаемости
по некоторым регионам РФ**

Регионы	Всё население	Городское население	Сельское население
1989–1990			
РФ	1,950	1,766	2,587
СФО	2,109	1,882	2,848
Новосибирская обл.	1,873	1,688	2,593
1995			
РФ	1,344	1,207	1,788
СФО	1,412	1,269	1,853
Новосибирская обл.	1,223	1,104	1,631
2001			
РФ	1,249	1,173	1,481
СФО	1,283	1,185	1,549
Новосибирская обл.	1,190	1,099	1,477
2009			
РФ	1,537	1,417	1,900
СФО	1,638	1,484	2,085
Новосибирская обл.	1,539	1,423	1,952

Источники: Демографический ежегодник России. Стат. сб. / Росстат. – М., 1996, с. 92–101; Демографический ежегодник России. Стат. сб. / Росстат. – М., 2010, с. 95–100.

Ответ на вопрос о том, насколько ли, как следствие этой и других мер, отклонится траектория снижения детности российских, сибирских семей, зависит от того, какие тенденции наблюдаются в возрастном профиле рождений. Если согласиться с тем, что население России в целом, Сибири и население её национальных территориальных образований идёт по пути демографического перехода¹, то можно ожидать сдвиг рождений от младших материнских поколений к старшим. На российском уровне в целом данная тенденция уже заметна: для женщин младше 25 лет коэффициенты рождаемости неуклонно снижаются, а для более старших групп (и даже в группе 40–44-летних женщин) с середины 1990-х годов появляется тенденция роста коэффициентов. Аналогичная динамика уже прослеживается на рубеже веков и в населении СФО, и в населении Новосибирской области.

«Постарение» рождаемости демографы считают одним из тех фундаментальных феноменов/тенденций, на основе которых можно делать выводы о глобальных изменениях в демографической сфере общества (на макроуровне) – в объективных условиях приватно-демографического поля. В середине 1990-х годов, когда эта тенденция для России в целом только намечалась, аналитики-демографы осторожно оценивали её устойчивость, поскольку тогда всё ещё сказывались конъюнктурные сдвиги тайминга рождений в середине 1980-х годов, произошедших (реализованных семьями) под воздействием мер социально-демографической политики тех лет [Население..., 1997, с. 83–85]. Затем, на рубеже веков, линия на снижение рождаемости у молодых матерей продолжилась; одновременно росли коэффициенты рождаемости у женщин старших возрастных групп. Аналогичные тенденции в динамике возрастного профиля рождаемости наблюдались во многих европейских странах в последней трети XX века (табл. 5.4).

В тех странах, где тенденции, характерные для глобального «переходного» процесса, проявляются давно (раньше других – в Швеции, во Франции, в Финляндии) снижение «молодёжной» рождаемости происходит на протяжении уже более чем 30 лет. В восточноевропейских странах, включая Россию, «постарение»

¹ О том, что и в небольших этнических группах сибирского населения происходит процесс сознательного регулирования числа рождений, свидетельствуют данные уникального медико-социального исследования, проведённого в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (см. [Спицына, 2006]).

**Динамика вклада матерей в возрасте до 25 лет
в итоговую (суммарную) рождаемость в России
и некоторых странах Европы, 1970–1999, %**

Год	Россия	Украина	Латвия	Чехия	Фин- ляндия	Фран- ция	Ита- лия	Шве- ция	Испа- ния
1970	45,0	47,8	43,4	57,9	41,0	41,1	32,6	39,8	23,8
1980	53,6	55,2	51,3	60,6	33,8	40,0	36,3	33,3	32,3
1990	56,3	58,9	53,2	59,2	23,3	27,0	23,5	26,0	23,0
1999	52,4	57,3 (2000 г.)	42,6	38,3	20,5	19,6 (1998 г.)	18,2	18,0	13,5 (1998 г.)

Источник: Население России 2001. Десятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. – М.: Книжный дом «Университет», 2002, с. 40–41.

рождаемости проявилось только в середине 1990-х годов. Сейчас уже можно заметить некоторые черты трансформации возрастной модели рождаемости в России, отличные от западноевропейской, но схожие с траекториями возрастной рождаемости в восточноевропейских странах. Во-первых, это изначально более высокие доли рождений, приходящиеся на младшие материнские поколения. Во-вторых, это «перелом» роли вклада молодых матерей в итоговую рождаемость, наступивший в середине 1990-х годов. В начале XXI века изменение возрастной модели репродуктивного поведения россиянок можно назвать «просто повторением пути, который француженки, немки, итальянки или испанки проделали 15–20 лет назад» [Население..., 2002, с. 39–40].

Третья особенность российской, и особенно сибирской, переходной модели – высокий процент внебрачных рождений (табл. 5.5).

Уровень внебрачной рождаемости в России как высокий оценивается специалистами уже с середины 1980-х годов [Бондарская, Дарский, 1990]. Для Сибири, и особенно для её сельского населения и национальных округов, феномен внебрачных рождений значительно более распространён, чем в европейской части и среди городского населения [Михеева, 1993, с. 75–84; Михеева, 1999, с. 558–573; Население..., 2001, с. 46]. Так, Республика Тыва в 1990 г. и 1995 г. занимала первое место в России по доле рождений у женщин, не состоящих в браке, среди всех рождений: 36,5 и 46,9% соответственно. В 2001 г. на первое место

Динамика доли внебрачных рождений, %

Год	Всё население	Городское население	Сельское население
<i>Российская Федерация</i>			
1990	14,6	11,8	16,5
1995	21,9	21,1	21,3
2001	28,8	27,8	31,0
2009	26,1	24,6	29,5
<i>Сибирский федеральный округ</i>			
1990*	19,4	17,9	22,6
1995*	26,8	25,7	29,1
2001	35,4	32,9	40,7
2009	33,1	29,5	40,6
<i>Новосибирская область</i>			
1990	17,2	15,8	20,9
1995	25,3	24,8	26,4
2001	31,4	28,9	37,3
2009	25,7	23,4	32,3

*В СФО включены регионы, входящие в него с 1998 г.

Источники: Демографический ежегодник России, 2002: Стат. сб. / М., 2002, с. 150–159; Демографический ежегодник России, 2010: Стат. сб. / М., 2010, с.166–171.

вышел Коми-Пермяцкий АО с уровнем внебрачной рождаемости 67,1%. В Республике Тыва в 2001 г. этот уровень был равен 60,4%, а в 2009 г. – 61,9%, причём в сельском населении этой республики доля детей, родившихся у женщин, не состоящих в браке, был ещё выше – 63,3%.

Высокая распространённость этого феномена наблюдается и в таких этнических группах, как буряты, ненцы, эвенки, чукчи, коряки, хакасы, т.е. коренных народах Сибири. Возможно, что рост относительного показателя «обязан» тому, что в населении этих этнических групп происходит рекордно быстрое снижение общего числа родившихся. Вообще, такой более чем двукратный рост показателей внебрачной рождаемости требует специального изучения этого явления¹. К сожалению, возможности анализа пе-

¹ Опыт анализа этого феномена отражён в работе: Михеева А.Р. Современные особенности формирования молодой семьи в национальных регионах Сибири и Урала // Актуальные проблемы социологии молодёжи, культуры и образования: материалы междунар. конф. Екатеринбург, 25–26 фев. 2010 г. В 3 т. / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Уральский гос. тех. ун-т – УПИ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. Т. 2. С. 195–198.

реходных моделей рождаемости, как, впрочем, и брачности, на макроуровне в России всё более сужаются: построение динамических рядов таких актуальных демографических характеристик, как очередности рождений, распределение их по возрасту матери, её брачному состоянию, после 1997 г. стало невозможно¹.

Таким образом, рост внебрачной рождаемости на фоне быстрого снижения общей итоговой рождаемости является той характерной чертой, которая приближает состояние российского приватно-демографического поля к его европейской модели, или даже – к западноевропейской модели (табл. 5.6).

Таблица 5.6

**Динамика доли внебрачных рождений
среди всех рождений в России, США и некоторых странах Европы,
1970–2009, %***

Год	Россия	США	Латвия	Болгария	Финляндия	Франция	Германия	Швеция	Ирландия
1970	10,6	10,7	11,4	8,5	5,8	6,8	7,2	18,8	2,7
1980	10,8	18,4	12,5	10,9	3,1	11,4	11,9	39,7	5,0
1990	14,6	28,0	16,9	12,4	25,9	30,1	15,3	47,0	14,4
1995	21,1	32,2	29,9	25,7	33,1	37,6	16,1	53,0	28,3
1999	27,9	33,0	39,1	35,1	38,7	40,7	21,6	55,3	30,9
2009**	26,1	39,1	44,2	49,1	41,5	48,2	29,4	55,1	32,3

Источники: Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. – М. 2001, с.47; Демографический ежегодник России, 2010: Стат.сб./Росстат. – М., 2010. С. 166; demoscope.ru/weekly/2006/0269/barom03.php (дата обращения к документу 20.12.2010).

¹ Это связано с введением в 1996 г. нового закона об Актах гражданского состояния, в соответствии с которым статистикой перестали фиксироваться и разрабатываться важные характеристики демографических процессов. Речь идёт о характеристиках очередности рождений по возрасту и брачному состоянию матерей, сведениях о предыдущем брачном статусе и социальном положении лиц, вступающих в брак, сведениях о числе общих детей и других социальных характеристиках разводящихся. Перестали централизованно разрабатываться региональные данные о возрасте лиц, вступающих в брак, многие показатели для городского и сельского населения в отдельности; прекращены многие другие разработки и централизованный анализ демографической статистики. Между тем как раз в середине 1990-х годов в демографической сфере России и её регионов стали проявляться практически уникальные для её состояния и развития тенденции.

Демографические характеристики феномена внебрачной рождаемости в современной России весьма подробно проанализированы С. Захаровым¹. Основные его выводы состоят в следующем:

1. Максимальная внебрачная рождаемость характерна для матерей в возрасте до 20 лет (47% от всех родившихся у матерей этого возраста), для женщин всех возрастов старше 20 лет рождения вне брака составляют примерно равные доли среди всех рождений в этих возрастных группах – 21–31%.

2. Внебрачные рождения достаточно равномерно представлены во всех рождениях по их очередности: 29% их – это первенцы, 20% – вторые рождения, 25% – третьи, 26% – четвёртые и последующие (2009 г.). Эта характеристика повышает значимость внебрачной рождаемости для воспроизводства населения в современной России.

3. Рост доли внебрачных рождений в России в настоящее время в целом приостановился, но, как было выявлено и в наших исследованиях, специфически высокими эти показатели сохраняются в отдельных этнонациональных регионах, и особенно в их сельских местностях: республиках Бурятия и Тыва, Коми-Пермяцком и Корякском автономных округах.

Важным моментом для понимания современного состояния приватно-демографического поля и процессов институционализации «новых» семейных отношений в нём является то, что высокий процент внебрачных рождений не является свидетельством отказа индивидов от семейной, супружеской жизни, от полной семьи. По мнению исследователей – демографов и социологов, современные внебрачные рождения не всегда обозначают, что ребёнок растёт в семье матери-одиночки. Зачастую это происходит в том случае, когда родители ребёнка являются партнёрами-сожителями, не заключившими официальный брак. Статистически об этом свидетельствует то, что высокие показатели внебрачной рождаемости не сопровождаются таким же быстрым распространением неполных семей (одиноких матерей) с детьми (по данным переписей населения). Дело в том, что значительная часть рождений вне официального брака в России регистрируется

¹ Demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema04.php (дата обращения к документу: 25.02.2011).

«по совместному заявлению родителей» [Демографический ежегодник..., 2010, с. 165], %:

1980	1990	1995	2000	2005	2009
38,2	42,8	43,1	47,2	45,9	43,7 ¹

Данные для России в целом показывают тенденцию стабилизации этих показателей (региональные данные, к сожалению, отсутствуют). Устойчивость доли рождений, признанных отцом, можно интерпретировать как повсеместное распространение незарегистрируемых брачных союзов. Причём, именно брачных, поскольку речь идёт о рождениях детей, уходе за ними и их социализации в этих союзах. Некоторые из зарубежных исследователей называют такие союзы и отношения супругов в них «бракоподобными» [Clarkberg и др., 1995], что соответствует и отечественным определениям института брака.

Брачность: тенденции и закономерности. Брачность как процесс образования брачных пар и как характеристика брачного состояния населения в демографической науке традиционно рассматривался как один из важнейших механизмов регулирования рождаемости. Основой этого механизма служила «жёсткая сцепленность, нерасчленённость» трёх видов демографического поведения: брачного, сексуального и репродуктивного – на протяжении «огромного этапа человеческой истории» [Вишне夫斯基, 1982], т.е. в условиях традиционного (допереходного) приватно-демографического поля: «...традиционные культурные нормы охраняют слитность, «сцепленность» репродуктивного поведения с брачным и половым и препятствуют выделению репродуктивного поведения в самостоятельный вид поведения и установлению над ним непосредственного контроля, назависимо от контроля над брачным и половым поведением» [Вишне夫斯基, 2005(а), с.105–106].

Теперь же эти виды поведения становятся всё более автономными и, по-видимому, социально самоценными². Наш опыт

¹ Уменьшение доли внебрачных рождений, зарегистрированных по совместному заявлению родителей в этом году, объясняется резким ростом внебрачных рождений (почти на 800 тыс. по сравнению с 2000 г.), но и на 80 тыс. выросло число новорождённых, зарегистрированных по совместному заявлению родителей.

² О социальном значении нарушения слитности сексуального, брачного и репродуктивного поведения см., например: [Голод, 1984. с. 7–8, 69–88].

аналитической триангуляции¹ исследований современных тенденций рождаемости и брачности (частоты событий и характеристик состояний) также показывает, что взаимосвязи этих трёх феноменов приватно-демографического поля всё больше и больше разрываются. Как отмечает А.Г. Вишневский, при переходе к новому типу рождаемости становится «важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рождённых ею детей суть результат её (или обоих супругов) сознательно принятого решения» (курсив А.Г. Вишневского) [Вишневский, 2005(а), с. 143–144]. Так что в условиях эффективного внутрисемейного или индивидуального регулирования числа рождений значимость уровня брачности утрачивает свою функцию регулятора рождаемости. Поэтому можно считать, что современный (постпереходный) приватно-демографический хабитус «работает» в направлении независимости от её состояния в браке принятия женщиной решения о рождении ребёнка (зачастую единственного). Соответственно, независимым от брачного становится и сексуальное поведение. Но именно в этом разделении реализуется сущность современного приватно-демографического хабитуса – разумное ограничение числа рождений.

Исторический процесс трансформации брачности был весьма продолжительным, как в европейских странах – XVI–XIX века [Хаджнал, 1979, с. 14–70], так и в России – вторая половина XIX–XX века [Вишневский, 1977, с. 105–134]. Во второй половине XX века (последние 55–60 лет) аналитики-демографы выделяют в России два важных периода в процессе трансформации брачности [Иванова, 2002, с. 28–31]. Первый из них – 1960–1980-е годы – можно охарактеризовать как период стабилизации показателей на довольно высоком уровне: брачность была ранней и практически всеобщей, как и на протяжении всего XX века (исключая военные годы гражданской, Первой и Второй мировых войн). В следую-

¹ Триангуляция – широко используемая исследовательская практика применения нескольких методов изучения того или иного явления. Н. Дензин, например, выделяет *триангуляцию данных*, *триангуляцию исследователей*, *теоретическую триангуляцию*, *методологическую триангуляцию*. См.: Denzin, N. K. *The Research Act*. 3rd ed., Englewood Cliffs, 1989. NJ, Prentice Hall; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь: Пер. с англ. / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2004. с. 487.

шем периоде – 1990-е годы – происходит стремительное падение показателя «число вступающих в брак на 1000 населения» до самого низкого значения в 1995 г. – по Сибирскому федеральному округу и Новосибирской области (табл. 5.7).

Снижение частоты вступлений в брак в России на рубеже XX–XXI веков происходило во всех основных возрастных группах, но наиболее заметным оно было в самых молодых – происходит повсеместное «постарение» первых браков. Эта тенденция наблюдается практически во всех странах, население которых вступило в фазу второго демографического перехода, но в западноевропейских странах этот этап продолжается уже 30–40 лет, а в восточноевропейских странах она закономерно ускорилась в 1990-х годах.

Таблица 5.7

**Общие коэффициенты брачности и разводимости,
на 1000 населения**

Субъект Федерации	Всё население		Городское население		Сельское население	
	браков	разводов	браков	разводов	браков	разводов
1990						
РФ	8,9	3,8	9,1	4,4	8,3	2,1
СФО	8,8	3,6	9,2	4,7	8,1	2,0
Новосибирская обл.	9,0	3,9	9,3	4,6	7,9	2,0
1995						
РФ	7,3	4,5	7,6	5,3	6,5	2,8
СФО	7,0	4,3	7,4	5,2	6,3	2,8
Новосибирская обл.	7,0	4,5	7,3	5,2	6,2	2,5
2002*						
РФ	7,1	6,0
СФО	7,2	5,8
Новосибирская обл.	7,6	6,7
2009*						
РФ	8,5	4,9
СФО	8,7	5,2
Новосибирская обл.	9,6	5,7

Источники: Демографический ежегодник России, 1996, Стат.сб. / Росстат. – М., 1997; Демографический ежегодник России, 2010, Стат. сб. / Росстат. – М., 2010; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010, с. 86–89.

* С 1997 г. данные отдельно по городскому и сельскому населению не разрабатываются.

Феномен откладывания первых браков, так же как и рождения детей, аналитики относят к важнейшим характеристикам углубления демографических «переходных» явлений. Причиной или особенностью некоторого «отставания» России в процессе откладывания браков аналитики называют снижение возраста начала добрачных сексуальных связей в сочетании с невысокой культурой контрацепции (или недоступностью средств контрацепции в некоторых, например сибирских, регионах)¹.

Именно в динамике показателей частоты заключаемых браков проявляется тенденция снижения абсолютных и относительных показателей частоты попадания этих событий в поле зрения статистики, как отражение распространения феномена нерегистрируемых союзов. На рубеже веков и в следующем десятилетии коэффициенты брачности немного повысились в результате уже упоминавшейся «демографической волны», т.е. достижение бракоспособного возраста многочисленными поколениями 1980-х годов рождения. Но и разводимость проявила тенденцию к росту.

В общей тенденции снижения брачности прослеживаются изменения и в процессе заключения *повторных браков*. В России, в Сибири (как и во всех европейских обществах) за последние 20–30 лет их доля в общем числе зарегистрированных браков нарастала: с 17% в 1979 г. до 28% в 1998 г. На рубеже веков эта тенденция (роста) приостановилась: в последние 5 лет наблюдается снижение доли повторных браков на 2–3 процентных пункта как у мужчин, так и у женщин. Весьма вероятно, что это связано с общей тенденцией стабилизации показателей брачности на низком уровне. Тем более что в этом может отражаться пассивность людей по поводу регистрации повторных браков, после неудачи в первом (средний возраст женихов и невест в повторных браках – 32–35 лет).

Что касается разводов, то они стали широко распространённым явлением повсюду; Россия по уровню разводимости занимает второе место в мире, после США. Частота разводов (т.е. тех событий, которые фиксируются статистикой через органы ЗАГС), в анализируемом периоде сохраняет тенденцию к росту. В целом значения показателей брачности и разводимости и их динамика по Сибирскому федеральному округу и Новосибирской области практически не отличаются от общероссийских (см. табл. 5.7).

¹ См., например: demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema04.php (обращение к документу: 25.02.2011); С. Иванов. Новое лицо брака в развитых странах // Население и общество. Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2002, № 63, Москва-Париж.

Низкие показатели частоты вступлений в брак, высокие коэффициенты разводимости и их возрастная специфика в последнее десятилетие XX века отразились на брачном состоянии населения России, зафиксированном Всероссийской переписью населения 2002 г. Среди взрослого населения России (16 лет и старше) выросли (по сравнению с 1989 г.) доли лиц, никогда не состоявших в браке – с 16,1 до 21%, разведённых и разошедшихся – с 0,7 до 0,9%, а доля состоящих в браке, наоборот, понизилась с 65,3 до 57,2%. Вместе с тем оказалось, что более 3 млн супружеских пар, т.е. 10% от их общего числа, определили (сами) своё брачное состояние как «незарегистрированный брак»¹.

Перепись 2010 г. зафиксировала уже 4,4 млн пар, состоящих в незарегистрированном браке, или 13% от всех, кто определил себя как состоящих в браке. Причём рост доли состоящих в незарегистрированном браке происходит практически во всех возрастных группах, т.е. сожителство является не только молодёжным феноменом: среди супругов старших возрастов также относительно высока доля сожителей (табл. 5.8). Самая высокая распространённость неофициальных союзов – в наиболее репродуктивных возрастных группах. Это, во-первых, отражает углубление разрыва между сексуальным и супружеским, брачным и репродуктивным поведением (в направлении повышения самоценности первых двух); во-вторых – является причиной роста показателей внебрачной рождаемости.

Процесс распространения незарегистрированных бракоподобных союзов приобретает массовый характер, как в России, так и в европейских, американских странах. Для изучения этого явления проводились и проводятся крупные обследования на основе национальных выборок домохозяйств, семей; объёмы выборочных совокупностей в них – от 6 тыс. до 16 тыс. человек (в США, в европейских странах). Их результаты позволяют выявить некоторые закономерности, которые проявляются как историческое переупорядочивание приватно-демографического поля в условиях перехода обществ на современный режим воспроизводства населения (на макроуровне). Эти закономерности состоят в следующем:

– почти треть численности женских когорт 1920–1960-х годов рождения (США) имели опыт длительного сожителства/партнёрства

¹Характеристика брачного состояния населения как состояние в незарегистрированном браке впервые была включена в Программу микро-переписи населения России 1994 г. Затем эти характеристики присутствовали в программах Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.

Таблица 5.8

**Доля состоящих в незарегистрированном браке
в 2002/2010 г. (всё население),
на 1000 человек данного пола и возраста, состоящих в браке**

Возрастные группы, лет	Российская Федерация		Сибирский федеральный округ		Новосибирская область	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего в возрасте 16 лет и старше	103/133	102/132	154/186	151/314	132/160	133/159
16–19	401/556	359/465	494/649	405/580	452/588	425/541
20–24	219/323	190/260	295/278	262/412	260/378	236/323
25–29	157/195	142/174	216/257	199/286	188/224	178/199
30–34	131/165	118/162	184/221	167/221	166/183	145/184
35–39	108/159	93/159	156/213	134/213	139/184	115/179
40–44	92/145	80/135	134/198	117/198	118/171	103/163
45–49	83/127	77/79	124/175	116/134	108/155	99/139
50–59	72/101	71/93	113/140	111/125	96/126	94/115
60 лет и более	58/66	62/68	99/99	104/102	80/86	87/89

Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. – М. 2004, с. 300–391; Население по возрастным группам, полу и состоянию в браке по субъектам РФ. С 259–295, 432–433, 452–453 // www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/itogi1612.htm

вне официального брака, в 40–50% союзов присутствуют дети; от 3/4 до 4/5 сожителей предполагают рано или поздно узаконить свои отношения, но 15–20% не уверены, что когда-нибудь пожениятся [Vitprass и др., 1991];

– снижение показателей заключаемых браков (первых, повторных) и рост разводимости не ведёт к повышению доли одиноких среди женщин (в европейских странах) [Prinz, 1995];

– протогенетический интервал¹ для замужних женщин меньше, чем у женщин в неофициальных союзах, при равной продолжительности партнёрства [Klijzing, Macura, 1997; Manning, 1995];

– половина (50%) численности когорт 1951 года рождения и позднее к возрасту 29 лет предпочитают сожительство официальному браку, так что эти союзы, по мнению исследователей, становятся субинститутом брака [Manning, 1995; Prinz, 1994; Lapierre-Adamcyk и др., 1997];

¹ Временной срок между вступлением в брак и рождением ребёнка.

– вероятность распада союза для старших когорт женщин (1920–1950 гг. рождения) среди неофициальных супругов выше, чем среди замужних – развода [Prinz, 1994; Schoen, 1992]. Но для более молодых когорт (1951–1970 гг. рождения) риск разделения значительно снижается. На основании этих тенденций аналитики делают вывод о том, что современные сожительства в США, Канаде, европейских странах перестают выполнять селективную функцию «пробного брака» [Schoen, 1992; Lapierre-Adamcyk и др., 1997].

До 1980-х годов процессы распространения феномена сожительства и приведённые здесь его демографические (статистические) характеристики наблюдались в Дании, Швеции, странах Северной Европы. С середины 1980-х годов эти процессы стали распространяться в южных европейских странах: Греции, Португалии, Испании. Такие союзы легализованы, т.е. юридически признаются семьёй, во многих странах ЕС: Дании, Испании, Швеции, Великобритании и др. Однако рождения детей, происходящие в таких семьях, фиксируются статистикой всех стран как «внебрачные», поскольку родители не состоят в официальном браке.

Итак, трансформационные макропроцессы рождаемости и брачности как компоненты приватно-демографического поля российского общества (многолетние, вековые) происходят примерно «по тем же законам» (объективным), что и в других европейских странах. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что эти процессы закономерно и объективно приближают состояние российского приватно-демографического поля к ситуации «второго» демографического перехода, что и зафиксировано аналитиками на основе глубокого анализа обширных демографических материалов [Захаров, 2005].

Исследователи сходятся во мнении о том, что трансформации социальных норм, правил поведения в демографической сфере «внутри» современного типа воспроизводства населения (т.е. между первым и вторым демографическими переходами) не такие уж кардинальные, как между «традиционным» и современным типами. Но для второго демографического перехода всё-таки более характерен акцент на индивидуальных правах и самовыражении личности, индивидуализме. Так что становится актуальным социологическое изучение – объяснение, интерпретация – процессов в постсовременном российском приватно-

демографическом поле. Но прежде необходимо рассмотреть это поле как макроструктуру, элементами которой являются семьи и домохозяйства.

5.3. Современная семейная структура населения как макроструктура приватно-демографического поля

В результате рассмотренных демографических (макро) процессов складывается семейная структура населения общества, которая представляет собой макроструктуру приватно-демографического поля как (объективный) социальный факт. Использование нами категории «семейная структура населения» представляется более правомерной по сравнению с «семейным составом» или «составом семей» [Михеева, 1992]. В данном исследовании оно основано на том, что эта категория отражает не просто количественные соотношения между различными агентами приватно-демографического поля (семьями/домохозяйствами различного состава), но и характеризует процессы взаимодействия и преобразования множества агентов этого поля под влиянием его продукта – современного приватно-демографического хабитуса.

Устойчивые долговременные тенденции снижения брачности и рождаемости, рост разводимости и распространение внебрачной рождаемости наблюдаются в России и Сибири уже на протяжении 40–50 лет; всесоюзные и всероссийские переписи населения фиксировали и фиксируют постепенные изменения семейной структуры населения в направлении преобладания малых и малодетных нуклеарных ячеек (табл. 5.9).

Всероссийские переписи населения 2002 г., а затем и 2010 г. также не зафиксировали кардинальных изменений в семейной структуре российского населения несмотря на значительные социально-экономические преобразования в обществе в последнее десятилетие XX века и некоторую социальную стабилизацию в начале XXI века. Несколько уменьшилась (на 2–3 процентных пункта) доля таких агентов в приватно-демографическом поле, как одинокие люди, т.е. тех, кто живет вне семьи. Такие домохозяйства почти на 60% представляют собой домохозяйства одиноких пенсионеров (около 7 млн человек), половина из которых в возрасте старше 70 лет. Это явление – естественное следствие феномена «демографического старения», присущее всем странам ЕС, американским и теперь уже – развитым азиатским странам.

Таблица 5.9

Динамика семейной структуры населения, Россия (РСФСР, РФ),
всё население*

Показатель	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Численность населения, млн чел.	108,4	117,5	130,1	137,6	147,4	142,9	141,9
Число семей, млн	23,7	28,5	32,6	36,7	40,2	41,0	40,5
Число дом. хоз., млн	35,8	41,3	47,2	54,2	57,7	52,8	54,6
Из общего числа – % семей, состоящих:							
из 2 человек	20,6	26,7	26,5	31,6	34,2	35,5	38,4
из 3 человек	22,6	26,6	27,9	31,5	28,0	30,6	30,3
из 4 человек	21,3	21,8	24,9	23,4	25,2	21,8	19,5
из 5 и более человек	35,5	24,9	20,7	13,5	12,6	12,1	11,8
Средний размер семьи	4,06	3,65	3,54	3,27	3,23	3,20	3,12
Численность населения, живущего вне семей, млн	12,0	13,4	14,6	17,5	17,4	11,8	14,0
Доля населения, живущего вне семей, %	11,1	11,4	11,2	12,7	11,8	8,3	9,9

Источники: Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник / Госкомстат РФ. – М.: Московский Издательский Дом, 1998, с. 32–33, 74–75; Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. – М., 2004, с. 6–7; Число и размер частных домохозяйств по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Режим доступа: http://www.gsk.ru/_free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (обращение к документу: 14 марта 2012).

Весьма устойчива тенденция уменьшения среднего размера семьи, и для Сибирского ФО этот показатель такой же, как и для России в целом во все переписные годы (см. табл. 5.9). По данным 2010 г. среднее число членов семьи составляло практически три человека. Но если рассчитать средний размер с учётом домохозяйств одиноких людей, живущих отдельным домохозяйством, то окажется что этот показатель (среднее число членов домохозяйств) составляет 2,6–2,7; и оно ещё более устойчиво на протяжении последних 50 лет.

Большинство современных семей в России (68% по данным переписи 2010 г.) состоит из двух-трёх человек. Такие малые семьи представляют собой основных агентов приватно-демографического поля. Причём около 35% семей в Сибири, да и в России в целом, именно двухчленные. На супружеские пары без детей из

них приходится 54%, а на неполные семьи с 1 ребёнком – 34%. И вот это явление – повышение удельного веса неполных семей с детьми моложе 18 лет – самое заметное изменение в современной семейной структуре российского населения.

- Перепись населения 1979 г. зафиксировала в России 15% семей как «неполные семьи с детьми до 18 лет», в 1989 г. их доля сохранилась на том же уровне.

- По данным переписи 2002 они составляли уже 26% от всех семей с детьми в возрасте до 18 лет. (В Сибирском ФО доля неполных семей с детьми в 2002 г. была равна 23%, что почти на 10 процентных пунктов выше, чем в 1989 г.)

- По нашим оценкам в неполных семьях (обычно, без отца) в начале XXI века в России живет каждый 7-й ребёнок, что в абсолютных числах составляет почти 4 млн несовершеннолетних детей. Этот феномен, по-видимому, можно рассматривать косвенным индикатором принципиальных изменений диспозиций агентов современного приватно-демографического поля.

Ещё одной важнейшей группой агентов (в воспроизводственном смысле) в приватно-демографическом поле являются семьи с детьми в возрасте до 18 лет. О характеристиках этой группы свидетельствует следующая переписная статистика. Семьи с несовершеннолетними детьми и в 1989 г., и в 2002 г. составляли менее 50% от общего числа домохозяйств. Абсолютное большинство этих семей можно охарактеризовать как малодетные, т.е. с одним-двумя детьми. При этом стала очень мала доля домохозяйств, которых можно условно отнести к многодетным, т.е. имеющим троих и более детей. Доля таких семей в общем числе домохозяйств в 2002 г. составляла 2,6% (рис. 5.1). Не намного выше их доля была и в 1989 г. – 4,6%. Тенденция снижения доли таких семей была более выражена в российских городах, где она уменьшилась почти в 2 раза – с 3,2% до 1,7%, а в сельских поселениях в полтора раза – с 8,3% до 5,5%.

Если же проанализировать распределение семей по числу детей, сопоставив их не со всеми домохозяйствами, а только с семейными ячейками, в составе которых есть дети в возрасте до 18 лет (супруги или матери/отцы с детьми независимо от типа домохозяйства, в котором они живут), то окажется, что доля однодвухдетных семей составит 94,6%, причём именно на однодетные семьи приходится более 2/3 таких ячеек (рис. 5.2).

Рис. 5.1. Структура российских домохозяйств по числу детей в 2002 г.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. – М., 2004.

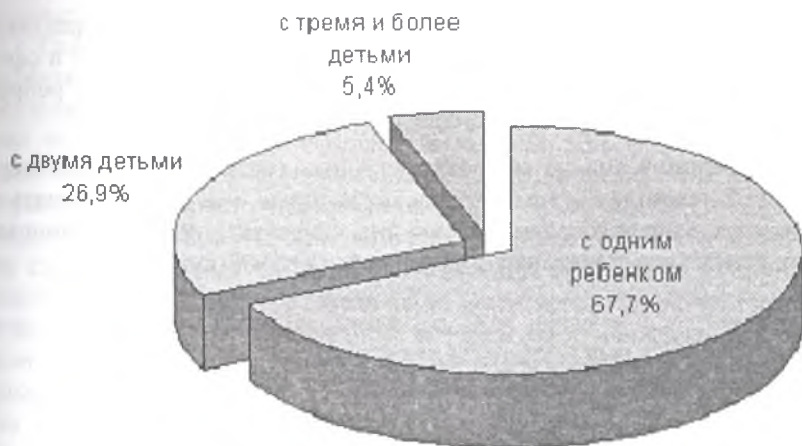

Рис. 5.2. Распределение семей с детьми до 18 лет по числу детей в 2002 г.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. – М., 2004.

Семьи с тремя и более несовершеннолетними детьми в большинстве случаев – это полные семьи, т.е. с двумя родителями. Но есть и неполные многодетные семьи, и они составляют 15,6% от всех многодетных домохозяйств (18% в городах и 13% в сельской местности). Распределение внутри совокупности семейных ячеек показывает близкие результаты – 17,6% многодетных семейных ячеек представляют матери/отцы с детьми (15,9% – матери с детьми, 1,7% – отцы с детьми)¹.

Итак, современная семейная структура населения как совокупность и взаимодействие агентов приватно-демографического поля российского общества, сложившаяся в процессе исторической трансформации институтов брака и семьи, непосредственно соотносится с двумя, как нам кажется, детерминантами, каждая из которых, в свою очередь, сложилась под историческим влиянием приватно-демографического хабитуса и поэтому объективно не независима. Такими детерминантами являются:

а) структурные (в смысле исторические и «составные») – современные объективные факторы, связанные со специфической структурой российского населения (демографически старой): преобладание в приватно-демографическом поле агентов, находящихся на «последетном» этапе жизненного цикла;

б) поведенческие – субъективные современные практики агентов, как отражение взаимодействия/отношений людей в сфере частной жизни (супружеских, брачных, сексуальных, репродуктивных, гендерных, родительско-детских и пр.).

Завершив анализ макроструктурных тенденций и закономерностей, перейдем к тем процессам, которые, как можно считать в силу их быстрого распространения, отражают постсовременные практики агентов приватно-демографического поля.

¹ Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года [on-line] (дата обращения к документу: 20.11.2010). Доступ через <<http://www.gks.ru/PEREPIS/report.htm>>. См. также: «Более 3-х детей растут только в 5,4% российских семей» [on-line]. Доступ через <<http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema01.php>>. (дата обращения к документу: 2.10.2010).

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: ПРАКТИКИ И ДИСКУРСЫ

Тенденции трансформационных макроуровневых процессов в приватно-демографическом поле отражают и изменения массовых «демографических» практик, поведения, сознания. Суть этих изменений – изменение отношения людей к браку как обязательной, практически единственной форме совместной жизни мужчины и женщины, к сексуальным отношениям и практикам, отношениям и практикам по поводу рождения и воспитания детей, отношениям и практикам по поводу разводов и пр.

Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, рождение детей далеко не всегда происходит в официально зарегистрированном браке. В индивидуальных биографиях на место стандартной последовательности событий, формирующих семью как агента приватно-демографического поля, приходит разнообразие повседневных практик, складывающихся в индивидуальные жизненные пути.

Основой этих изменений мы считаем современный приватно-демографический хабитус, являющийся продуктом объективного состояния приватно-демографического поля. Для подробного изучения современных практик/образцов/моделей поведения людей в данном поле, возможно, нужны специальные, репрезентативные для страны и её регионов обследования. Для изучения институционализации/«опривычивания» практик в сфере частной жизни как довольно сложного, относительно «закрытого» для социологов и других внешних агентов процесса нами были применены в основном качественные методы: метод семейных историй, биографических интервью, анкетный опрос. Конкретные обследования были проведены нами в разные годы в сибирском регионе. В данном разделе изложены результаты исследований феноменов сожительства, внебрачного материнства, родительства после развода с акцентом на современное отцовство – как отражение формирующегося многообразия паттернов отношений в приватно-демографическом поле.

Анализ этих материалов позволяет сделать ряд выводов о жизненных, «биографических» практиках женщин, мужчин, семей,

домохозяйств как агентов приватно-демографического поля, о состоянии общественного «брачно-семейного» сознания, диспозициях, об отношении людей к «новым» распространяющимся формам организации частной жизни. В целом анализ материалов направлен на возможность их интерпретации как «опривычивание» распространяющихся практик, экстериоризацию современного приватно-демографического хабитуса, т.е. постепенную институционализацию «других» форм организации частной, семейной жизни.

6.1. Практики неофициального супружества и бракоподобных союзов

Феномен распространения официально незарегистрированных супружеских союзов и внебрачной рождаемости, наряду с ростом разводимости, падением рождаемости, относится к тем изменениям в демографической сфере, на основе которых уже с начала XX века делаются выводы о наступающем кризисе, дезинтеграции семьи, брака, а затем и общества [Рорепое, 1993]. В целом же, как отмечается в исследованиях, в Северной и в меньшей степени и в Западной Европе добрачное сожительство охватывает большинство населения. По данным Л. Русселя сейчас оно приобретает всеобщий характер в Швеции, охватывает 70% пар во Франции. В этих странах супружеские союзы, как официальные, так и неофициальные, создаются также в молодых возрастах, как и раньше, и их доля остаётся более или менее постоянной.

Результаты социологических исследований этого явления (сравнительных и по отдельным странам) свидетельствуют о следующих тенденциях:

– брачное поведение и детерминанты предпочтений сожительства или официального брака заметно меняются для старших и младших когорт женщин. Такие факторы дифференциации, как проживание в родительском доме, размер родительской семьи, образование и даже исповедуемая религия, становятся всё менее значимыми при выборе сожительства, как формы организации частной жизни [Rindfuss, VandenHeufel, 1990];

– выборы между неофициальным союзом и законным браком основаны на дифференциации предпочтений и ориентаций людей практически во всех сферах жизни: семейной, репродуктивной,

сексуальной, трудовой, доходной, досуговой, гендерно-ролевой [Clarkberg и др., 1995].

Большинство авторов, исследующих феномен свободных супружеских союзов, склоняются к мнению, что изменения в формах семьи происходят вследствие действия совокупности факторов: изменения социальных норм, экономической независимости женщин, роли контрацептивов и др. По уровням распространённости неофициальных союзов, возрастной дифференциации, частоте и возрастным характеристикам супругов феномен сожительства оценивается исследователями по-разному. Например, Хр. Принц в изменении степени культурной приемлемости сожительства в обществе выделяет 4 стадии [Prinz, 1994]:

- На *первой стадии* сожительства существуют как девиантный феномен, наблюдаемый в небольшой группе населения. Как правило, это люди высокообразованные, раньше уже состоявшие в браке, неконформисты, горожане. По-видимому, на этой стадии находится, например, Венгрия, где доля сожителей среди всех пар составляла 3% (1985 г.), не проявлялось явной возрастной дифференциации сожительства. Сожительства там являлись девиантным феноменом, в большей степени распространённым среди тех, кто по различным причинам не может зарегистрировать брак, будь то социально-экономические причины или потому, что они не могут добиться развода. По сравнению с другими странами в Венгрии было наибольшее число вступающих в брак, но и большое число сожительствающих пар, в которых один из партнёров состоит в другом браке. Здесь также непропорционально велико число внебрачных рождений.

- На *второй стадии* «вращения в культуру», по теории Хр. Принца, сожительство становится социально приемлемым в качестве «прелюдии к браку». Обычно эти отношения воспринимаются как пробный брак, и они переходят в зарегистрированный брак, как только возникает желание иметь детей. Здесь сожительство скорее кратковременное, чем постоянное явление. Так, в Германии сожительство считается социально приемлемым, но только как "прелюдия" к свадьбе. Сожительства чаще всего распространены в младших возрастных группах, но они тут же трансформируются в брак, когда возникает желание иметь детей. Это подтверждается низким уровнем внебрачной рождаемости в Германии (15% в 1985 г.) несмотря на очень низкий уровень брачности в стране.

• На *третьей стадии* сожителство социально становится альтернативой браку. Оно выбирается в качестве постоянной альтернативы из-за таких своих отличий от официального брака, как большая независимость и равенство между партнёрами. На этой стадии рождение ребёнка более не ограничивается браком. Наилучшим примером такого общества Хр. Принц считает Норвегию, где сожителство реально существует в качестве альтернативы традиционному браку. И сожителства, и внебрачные рождения были очень распространены уже в 1980-е годы (11% и 28% соответственно); доля сожителств среди всех брачных союзов устойчиво снижается с увеличением возраста.

• И наконец, на *четвёртой стадии* сожителство становится разновидностью брака, или, скорее, брак становится некоторой формой сожителства. Такое положение характерно для Швеции, Франции, Финляндии. Официально зарегистрированный брак исчезает; легитимность сожителей приравнивается к официально зарегистрированным брачным парам. Неуклонно трансформируются гендерные отношения в сфере частной жизни: всё более совмещаются/сближаются представления, ориентации мужчин и женщин относительно стиля жизни и распределения власти, обязанности, прав между супругами-партнёрами.

Эти последовательные стадии «врастания» феномена сожителства в культуру того или иного общества могут сильно отличаться по продолжительности и трудно определить, в какое время и в какой степени будет достигнута конечная стадия. По предположению Хр. Принца, общество, находящееся на определённой стадии распространённости феномена сожителства, уже не может вернуться на предыдущую. Но если определённая стадия уже достигнута, все предыдущие типы сожителства могут и действительно продолжают существовать параллельно в этой стране. Для большинства партнёрских союзов переход к сожителству как к более предпочтительной форме союза происходит в форме повторных союзов, после неудачного опыта в законном браке.

В соответствии с этой последовательностью и её характеристиками Россию можно расположить между второй и третьей стадиями, возможно, ближе к третьей. В последние десятилетия в российском обществе повсеместно распространяются сожителства среди молодых групп населения (см. табл. 5.8), внебрачная рождаемость выросла до 30% и выше, например, в Сибирском федеральном округе доля внебрачных рождений составляет 33% (см. табл. 5.5).

Рассуждая в категориях нашей теории, можно предположить, что сожитительство чаще является не просто игнорированием официальной регистрации брачных отношений, но следствием интeриоризации современного приватно-демографического хабитуса, что и проявляется в отходе от традиционных культурных запретов на сексуальные отношения до и вне брака, от патриархальных межгендерных отношений и в переходе к практикам, в основе которых лежит относительная автономность этих видов поведения, равенство прав партнёров, конвергенция внутрисемейных гендерных ролей, да и вообще социальных ролей мужчин и женщин.

Данные Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г. (см. табл. 5.8) дают представление о некоторых возрастных характеристиках и тенденциях современной “неофициальной” брачности в России. Они показывают, в частности, что среди женщин, состоящих во всех союзах, наибольшая доля приходится на самые молодые возраста: от 16 до 20 лет. К 26 годам доля таких союзов в общем числе браков значительно снижается, наименьшее значение имеет доля в возрастах 30–33 года, после чего снова начинает расти. Похожие тенденции проявляются во многих странах, но для России специфичны высокие показатели доли неофициальных супругов в старших возрастах (см. табл. 5.8).

Частые случаи неофициальных браков среди людей старших поколений могут свидетельствовать о долговременном распространении в России данного феномена и лояльности общественного мнения по отношению к нему. Кроме того, показателем распространённости неофициальных супружеских союзов в России является регулярное превышение (порядка 100 тыс. человек) числа женщин, считающих себя замужними, над числом женатых мужчин (по данным практически всех предыдущих переписей населения России).

Рост числа сожительств в большой степени компенсирует снижение официальной брачности, отмечаемой в Сибири и в России в целом в последние годы. Та же тенденция наблюдается и в западных странах. Стало быть, откладывание или отказ от официального брака, по-видимому, не является отказом от супружества вообще.

В данном разделе содержатся результаты конкретного исследования, проведённого автором в 1998 г.¹ Целью его было выяв-

¹ Исследование проведено в рамках индивидуального исследовательского проекта «Брачно-семейные ориентации неофициальных супругов и перспективы трансформации института семьи», поддержанного Фондом Форда.

ление изменения нормативов брачного и семейного поведения людей (на примере жителей Сибири), а именно – выяснение того, какие жизненные обстоятельства, причины лежат в основе большой распространённости практик устройства семейной жизни незарегистрированных (неофициальных) супружеских союзов – как в молодых возрастах, так и в старших.

Проведённое методом *семейных историй* обследование позволило проследить процессы формирования супружеской, брачной пары или семьи и выявить некоторые общие черты их «траекторий». В основу некоторых гипотез, например о демократичности гендерных ролей в неофициальных союзах, были положены известные результаты исследований американских социологов. Что касается брачно-семейных намерений, ориентаций, то операционально они фиксировались в контексте рассуждений респондентов о причинах нерегистрации существующих супружеских, брачных отношений, о желаемом числе детей, о распределении или выполнении семейных, хозяйственных обязанностей, о внутрисемейных взаимоотношениях.

Объектом обследования были супружеские пары, соответствующие всем критериям «супружеской, брачной пары», кроме одного – отсутствием официально зарегистрированного брака. Опрошены пары «мужчина и женщина», совместно проживающие, ведущие общее хозяйство, воспитывающие или уже воспитавшие детей (общих или партнёра). Причём при исследовании данного феномена в контексте устойчивости институциональных функций *продолжительность совместной жизни* является принципиальным критерием отбора совместно живущих пар. В данном исследовании этот временной показатель не должен быть менее 1,5–2 лет (в отличие, например, от американских исследователей R. Rindfuss и VandenHeuvel, которые, изучая сожителства с продолжительностью 1 мес. и более, пришли к выводу о том, что ориентации сожителей более схожи с ориентациями одиноких людей [Rindfuss, VandenHeuvel, 1990]).

Конечно, изучение мотивационных аспектов, намерений, ориентаций требует конкретизации самого определения «супружества» и «брака». Этот методологический вопрос также обсуждается практически во всех работах по данной теме. При этом сожителства с малой продолжительностью (но не меньше 1 мес.) в зарубежных исследованиях зачастую рассматриваются как «пробный брак», «помолвка», некая стадия процесса ухаживания.

Именно такого типа сожительства (недолгие, «пробные») чаще анализируются в американских работах, в то время как материалы европейских исследователей свидетельствуют о распространённости неофициальных союзов с более продолжительным «стажем» совместной жизни.

В рамках данного исследования применяется термин «брак» в смысле устойчивых, долговременных, санкционированных обществом отношений живущих вместе мужчины и женщины. «Санкционированность обществом» в этом определении отражает как законную регистрацию этих отношений, так и социальную приемлемость незарегистрированных союзов. Но в отличие от «супружества» брачные отношения всё-таки являются предпосылкой репродуктивных отношений, т.е. категория «брак» имеет воспроизводственный смысл. Супружеские же отношения определяются чаще как совместная жизнь мужчины и женщины, не предусматривающих репродуктивность союза. Видимо, поэтому С.И. Голод не считает «супружество» институцией. Мы же полагаем, что супружество является институтом именно в смысле устоявшихся в обществе правил и норм по отношению к союзам взрослых людей, не имеющих детей и не имеющих репродуктивных намерений. Часто этими отношениями характеризуются как раз официальные или сожительствующие супруги на «последнем» этапе жизни, т.е. в возрасте старше 50 лет.

Как стало ясно из результатов интервьюирования, в быденном сознании слово «брак» ассоциируется скорее с законной регистрацией, чем с фактическим супружеством. Так что исследуемый феномен точнее было бы называть «бракоподобными отношениями», как делают это в своей работе М. Кларкберг, Р. Штольценберг, Л. Уайт или «супружескими отношениями» [Clarkberg и др., 1995].

В обследовании были проведены глубинные полуструктурированные интервью 86 человек, составляющих 43 официально не зарегистрированные брачные пары. 20 из них живут в сельской местности, 11 – в малом городе, 12 – в крупном областном центре Сибири. Опрошенные представляют возрастные группы взрослых следующим образом, число пар:

возрастная группа	всего	город	село
20–34 года	14	8	6
35–49 лет	18	8	10
50–65 лет	11	7	4
всего	43	23	20

В семи семьях: в пяти молодых и в двух — старшей возрастной группы — нет и не было детей (ни общих, ни «своих»). В остальных семьях в среднем по двое детей, при этом по одному — в 10, но у двух пар по четверо и пятеро детей. Общих же детей у неофициальных супругов, естественно, меньше: нет таковых у 22 пар, один — у 14, двое — у 5, трое — только у двух сельских пар. Средняя продолжительность совместной жизни у опрошенных пар — 8,6 лет, при этом у 8 пар был минимальный стаж супружества — 2 года, но у двух — по 26 лет, а у самой пожилой (сельской) — 36 лет. Короткий стаж сожительства респондентов не всегда означает малый супружеский опыт: только у 26 человек из 85 это первый союз, но у 41 человека — второй, у остальных — третий и даже четвертый (у 5 мужчин):

продолжительность совместной жизни, лет	2-4	5-9	10-14	15-19	20 и более
число опрошенных, чел.	18	10	6	4	5

Полученные материалы дают некоторое представление о нескольких типичных, повторяющихся ситуациях, которые можно назвать причинами откладывания, а зачастую и отказа супружеских пар от официальной регистрации своих отношений. Общая и наиболее часто упоминаемая причина выражается следующими словами:

«Если человек нравится, если есть чувство — будешь жить и без колец, и без ЗАГСа, печати здесь не важны. Не на что сейчас ни разводиться, ни записываться. Крутишься по хозяйству целый день, чтоб только ребятишек голодными не оставить, каккие уж тут свадьбы-кольца» (зоотехник, 44 года, никогда не состоял в браке, 3 детей, стаж сожительства — 15 лет, сел.).

Нами выделено четыре группы ситуаций, при которых пары откладывают официальную регистрацию отношений или вовсе отказываются от неё.

◀ В отдельную довольно большую группу можно выделить супружеские пары, которые хотели бы зарегистрироваться, но не могут этого сделать по нескольким причинам — один из партнёров состоит в другом браке; не может найти своего бывшего мужа/жену; не может получить согласие на развод. Таких пар 12

среди опрошенных, 9 – сельских и 3 – городских. У 4 семей стаж совместной жизни – 3–5 лет, у остальных – от 12–13 до 36 лет. Именно в эту группу «сожителей поневоле» входит пара пожилых супругов, где муж не добился развода от своей бывшей жены в конце 1950-х годов.

Вполне понятно, почему сельских жителей в этой группе больше: порой им сложно (материально, морально, физически) даже добраться до юридической консультации, не говоря уж об обращении в суд или в другие конторы подобного рода. Кроме того, по-видимому, юридические службы для сельской местности не всегда дают своим клиентам информацию, позволяющую разрешить их проблемы. Это показывают, на первый взгляд, невероятные истории, рассказанные акторами этой группы. Например, в ответ на запрос о разводе в ЗАГС крупного сибирского города одному сельскому респонденту было прислано «свидетельство» о его смерти, зарегистрированной в этом ЗАГСе в 1988 г. У городских пар в этой группе примерно такие же проблемы – они не могут получить документы о разводе из ставших «заграницей» Белоруссии и Казахстана, а съездить туда также нет возможностей.

Во всех семьях этой группы есть дети – общие или одного из партнёров, чаще – жены. Это нормальные полноценные семьи, с их заботами, проблемами, отношениями – брачными, супружескими, родительско-детскими.

«Если бы у меня были документы оформлены, может быть, мы бы и зарегистрировались. Но, в общем-то, для нас это никакого значения не имеет. Живём и живём. У нас есть общий сын, родился в 1985 г., записали мы его вместе, мой муж нынешний его сразу же усыновил на свою фамилию» (*рабочая на ферме, 41 год, состоит в другом браке, 2 детей от первого мужа, 1 сын общих, стаж сожительства – 13 лет, сел.*).

В остальных группах все партнёры имеют законные права на вступление в брак, т.е. они или холостые, или разведённые официально, или вдовы.

◀ Довольно представительную группу составляют пары, совместную жизнь которых можно было бы назвать «пробным супружеством/браком». Это 7 молодых пар (2 сельских, 5 городских), у которых 2–3-летний стаж совместной жизни, пока нет общих детей; в двух парах есть ребёнок жены, но и в других парах есть уже

однажды (и дважды) разведённые. Сельские молодые сожители уже имеют отдельный дом, небольшое хозяйство. Городские также, в основном, живут отдельно от родителей, некоторые снимают жильё.

Причины откладывания регистрации, которые часто называют и женщины, и мужчины в этих парах – неуверенность в партнёре, отрицательное отношение со стороны родителей, своих и партнёра. И никто из партнёров, сознавая свою зависимость от родителей, по-видимому, не настаивает на регистрации брака. Другим аргументом откладывания брака здесь является отсутствие детей (беременности), но, как стало ясно из интервью с женщинами, они сознательно пока не заводят детей, «предохраняются, стараются». Именно в этой группе отношения партнёров можно назвать «супружеством».

«С другом отношения хорошие, он хочет, чтобы я родила ребёнка, но пока нет условий. Пока нужды нет расписываться. Если ребёнок будет, тогда посмотрим» (*домохозяйка, 24 года, разведена, 1 ребёнок от первого мужа, стаж сожительства – 2 года, гор.*).

◀ Третья группа сожителей – это по сути предыдущая, но более старшая по возрасту группа, с более продолжительным стажем совместной жизни (10 пар: 6 сельских и 4 городских). Пары в этой группе уже имеют общего ребёнка; у двух пар двое и трое общих детей. Сожители младших возрастов здесь так же, как и в предыдущей группе объясняют откладывание регистрации брака материальными проблемами, несамостоятельностью, зависимостью от родителей (чаще это мнение высказывают мужчины).

«Регистрироваться нет никакого смысла. Хотя я думаю, что всё зависит от родителей, как они относятся к нашему сожительству. Наши – не настаивают, а есть такие, которым нужна определённая в отношениях» (*служащий, 24 года, стаж сожительства – 4 года, 2-летний сын, гор.*).

Более старшие пары, в основном, сельские, живут давно самостоятельно, и, по-видимому, не придают значения своему официальному статусу.

«Регистрироваться даже и не думаем; однажды я предложил Тане в ЗАГС сходить, а она сказала, что мы и так хорошо живём» (*рабочий, 50 лет, разведён, стаж сожительства – 16 лет, 12-летняя общая дочь, сел.*).

Можно допустить, что «сдерживающим моментом» для регистрации своих уже устоявшихся, стабильных отношений у пар этой группы являлись материальные затруднения. Государственная пошлина за регистрацию составляла значительную для того времени сумму – 84 руб.; кроме того, в этом случае нельзя было обойтись без традиционной «вечеринки» (если уж не свадьбы) с угощениями, в то время как многие респонденты, особенно сельские, не получали всю зарплату в течение 2–3 лет.

«Мы хотели расписаться сразу, а потом что-то отложили, денег не было. Тогда это было немного, но всё время думаешь, что лучше что-нибудь купить. Сейчас это минимальная зарплата, но их ведь нет. Для нас это деньги, можно костюм Вадику (сыну) купить, рубашку. Потом мы решили, что 10 лет проживём и зарегистрируемся, это уже в прошлом году в марте прошло. А теперь я тоже не хочу, знаете, как будто боюсь даже. Сейчас хорошо живем, а вдруг распишемся и будем – плохо» *(безработная, 30 лет, стаж сожительства – 10 лет, 9-летний сын, сел.)*.

Практически все опрошенные этой группы высказывают большую удовлетворённость своей личной жизнью, со вниманием и пониманием относятся к партнёрам. Окружающие, родственники, сослуживцы спокойно воспринимают их неофициальный семейный статус. Причём, сами сожители, особенно сельские, испытывают некоторое неудобство из-за разных фамилий с родными детьми, но и это они считают несущественным, по сравнению с хорошими отношениями в семье.

«Когда дочь родилась, хотели зарегистрироваться. А я рассудила, наверное, чисто по-матерински и говорю ему, что вдруг мы не уживёмся, и будут разные фамилии у детей, и я записала дочку на себя, а отчество – его. Как-то сосед спросил его о фамилии дочери – хотел смутить этим. Все в деревни уже привыкли к нам, никого не беспокоят разные фамилии, кроме тех, у кого самих в семье не ладится» *(кладовщица, 44 года, вдова, 2 детей от первого брака, стаж сожительства – 16 лет, 12-летняя дочь, сел.)*.

◀ Последняя довольно большая группа состоит из 14 пар, которые образовались на «последнем» этапе жизни. Правда, в двух парах возраст партнёров 30–40 лет, но они знают, что общих детей у них не будет (из-за состояния здоровья, разницы в возрасте), при этом у каждого уже есть свой ребёнок, с которым под-

держиваются отношения, если он не в данной семье. Но в основном эту группу представляют пожилые горожане (10 пар), дети которых уже выросли.

Продолжительность совместной жизни опрошенных этой группы – от 2–3 до 19–20 лет, и понятно, что в случаях большого стажа мужчина брал на себя функции отца (отчима) для ребёнка женщины. Предшествующая брачная судьба людей этой группы не простая: большинство из них развелись, шестеро овдовели. Основные дела супругов в этой группе семей – забота друг о друге, о внуках, посильная помощь детям.

Причины, по которым они не «расписываются» разные. Некоторые – по соображениям о разделе наследства (квартиры, дома, хозяйства). Другие – из-за неуверенности в партнёре (при небольшой продолжительности совместной жизни). Третьи считают:

«Не хватало под старость лет в ЗАГС ходить! Вот сраму-то будет!» (пенсионерка, 58 лет, вдова, стаж сожительства – 3 года, гор.).

Надо отметить, что три пары в этой группе состояли в официальном браке, затем разводились (две – фиктивно, ради прописки одного из супругов в другой, родительской, квартире, одна – из-за пьянства мужа), но сейчас все три пары представляют собой сожителей, т.е. продолжают жить вместе, не регистрируя брак вторично. Причём, у тех, кто разводились по причине пьянства, эта проблема благополучно разрешилась, когда через 4 года разлуки люди снова «сошлись». Но одна из когда-то фиктивно разведённых пар являет из себя печальный образец несчастного супружества: муж пьянствует практически каждый день.

«У меня к моему мужу никакая не любовь, но мне его жалко. Если я его выгоню, он совсем пропадёт... Я просто мечтаю от него избавиться, а он говорит, что никогда от меня не уйдет. Конечно, я не собираюсь с ним снова расписываться, но мне очень неприятно, когда нас называют сожителями. Мы ведь с ним были мужем и женой, а «штампа» не стало, так перестали ими быть? Значит, если есть «штамп» – нормальная семья, если нет – ненормальная? Я с этим не согласна. Бывает, и со «штампом» живут хуже некуда» (вахтёр, 60 лет, разведена, стаж сожительства (с бывшим мужем) – 20 лет, гор.).

Как видно, неофициальные супруги, живущие вместе продолжительное время, практически не отличаются от тех, чей союз официально зарегистрирован. И, возможно, люди в свободных союзах более бережно, осторожно относятся друг к другу, понимая, что партнёр – свободный человек, и, в случае частых конфликтов, может покинуть другого.

По-видимому, в российском обществе распространение феномена сожителства происходит уже на протяжении 30–40 лет, возможно, как и сейчас, тогда оно было более распространённым явлением в сельской местности, чем в городской. Основанием для такого предположения могут служить истории сельских и городских сожителей с большим стажем совместной жизни, а также воспоминания их о таких же семьях (с разными фамилиями) их бабушек и дедушек.

По результатам данного исследования можно предположить, что происходящие изменения в семейной сфере скорее можно назвать модернизацией и развитием института семьи, чем упадком. По существу, это процесс укрепления институциональной сущности семьи, соответствующей потребностям современного (сегодняшнего) общества, т.е. выполнение тех функций, которые общество «оставило» семье – организацию совместной частной жизни.

По материалам исследования видно, что основой всех жизненных путей опрошенных мужчин и женщин, живущих вместе без официальной регистрации и заботящихся друг о друге, о детях, о внуках, является не отказ от семьи, а «опривычивание» жизненных семейных практик в их частной жизни, стремление к партнёрству, взаимопомощи. Возможно, эта ситуация свидетельствует о наступающей в обществе толерантности по отношению к «другим» жизненным практикам и опытам, даже если они затрагивают, казалось бы, незыблемые устои традиционных строгостей, запретов, осуждений в сфере частной жизни.

6.2. Внебрачное материнство

Распространение феномена внебрачной рождаемости довольно тесно связано с предыдущим явлением: дети, рождённые у матерей, не состоящих в браке, регистрируются в органах ЗАГС как внебрачные, даже если эта регистрация происходит «по совместному заявлению родителей». Но, в отличие от феномена сожи-

тельства, которое характеризуется полнотой суружеской-родительской пары, внебрачные дети и их матери зачастую оказываются в ситуации неполной семьи. Иногда эта ситуация – переходящая, т.е. женщина – мать внебрачного ребёнка выходит замуж или организует семейную жизнь как партнёрский союз. Но иногда неполная семья остаётся таковой на долгое время или даже на всю жизнь.

В некоторых исследованиях семьи сожителей и внебрачных матерей называют «нетрадиционными». Одним из таких типов являются семьи (полные или неполные), образованные в результате рождения ребёнка женщиной, не состоящей в браке. В данном разделе содержатся результаты исследования феномена внебрачного материнства, проведённого автором в 1997 г.¹

Конкретная проблема этого исследования – попытаться понять природу, причины и следствия распространения внебрачных рождений, а именно – выяснить ориентации, намерения и интересы в сфере брака и семьи женщин – матерей внебрачных детей, реализацию их жизненных устремлений и планов в семейной сфере. Исследование проведено методом "life-story" [Thompson, 1984], т.е. изучая конкретные случаи, жизненные истории женщин-матерей внебрачных детей. Выбор этой методики объясняется прежде всего интимностью, закрытостью темы для внешнего наблюдателя, а также «осторожностью» общественного мнения по данному вопросу. Поэтому методы традиционного формализованного подхода могли бы привести к большой потере значимой информации. Иногда в ходе интервью бывало довольно сложно объективно воспринимать ситуации и обстоятельства, поведанные женщинами, но в то же время именно акценты самих интервьюированных позволяють делать выводы, объяснения, интерпретации.

Всего было опрошено 50 женщин: 30 – городских, имеющих 35 внебрачных детей и 20 – сельских, имеющих 29 внебрачных детей². Дети, рождённые вне зарегистрированного брака – чаще всего первые и единственные дети уже немолодых женщин. Однако в ходе опроса выяснилось то, что не фиксируется статисти-

¹ Исследование проведено в рамках индивидуального исследовательского проекта «Внебрачная рождаемость как реализация репродуктивных прав женщин», поддержанного Фондом Макартуров.

² Список матерей внебрачных детей был составлен по данным отделов пособий и пенсий районных (городских и сельских) администраций. Выборка проводилась из числа женщин, получающих пособие на внебрачного ребёнка (детей).

кой, но существует в реальности, – наличие полной супружеской семьи у 58% опрошенных женщин, у трети из них неофициальный муж является отцом ребёнка. Уровень образования опрошенных женщин довольно высок – 56% имеют высшее и среднее специальное образование и только 20% – восьмилетнее.

Глубинные интервью дают основание утверждать, что главный мотив рождения ребёнка этими женщинами – это стремление к материнству, к семейной жизни, желание иметь ребёнка. При этом невступление в брак, рождение ребёнка без мужа вовсе не являются для них "демонстрацией независимости", но обусловлены непростыми жизненными ситуациями и отношениями с отцом ребёнка.

При анализе материнских историй стало понятно, что возможна «типификация»: выделение четырёх групп типов-причин феномена внебрачного материнства.

Первая, и самая большая группа опрошенных женщин – это те, кто были вполне счастливыми в партнёрстве-сожительстве с отцом будущего ребёнка, и хотели бы, и собирались иметь полную семью, но по разным причинам союз распался после рождения ребёнка. Эта группа, в свою очередь разделяется на две: тех, для кого распад сожительства с отцом ребёнка был непредвиденным, неожиданным, и тех одиноких женщин, намерения которых были «родить ребёнка без мужа». Ещё одна группа женщин – те, кто после рождения ребёнка, и второго, и третьего продолжают оставаться в незарегистрированном союзе с отцом детей. Другая группа – женщины, оставшиеся без женихов, партнёров из-за несчастных случаев (гибели жениха, отца будущего ребёнка); даже в такой небольшой выборке этих женщин оказалось шестеро. В эту группу включены и те женщины, у которых произошёл неожиданный развод во время беременности.

Жизненные, брачные, материнские выборы женщин зачастую обусловлены (усложняются или облегчаются) поведением и отношением мужчин (мужей-партнёров), родителей, родных, подруг и врачей к их решению родить ребёнка вне официального брака. При этом все типы женских историй-причин рождений вне брака переплетаются и в большой степени обусловлены обстоятельствами жизни мужчин-отцов, их социальными характеристиками. Важно также отметить, что брачная судьба женщин складывается в определённом смысле под противоречивым влиянием родительской семьи; двойственность ситуации состоит в

социокультурной автономности (возможно, даже антагонистичности) и одновременной материально-бытовой зависимости. Так что пересечения историй-причин с культурными и индивидуальными ценностями влияют на выбор женщин и показывают (на данном материале), что выбор в пользу рождения ребёнка (в 80% случаев первого и единственного) становится всё более социально одобряемым поступком.

Анализ глубинных интервью дал основание сгруппировать жизненные истории женщин в четыре дискурсивных типа: 1) «распавшееся сожитительство», 2) «ребёнок для себя», 3) «полная семья», 4) «парадоксальные истории».

■ **Дискурс "Распавшееся сожитительство"** (внебрачные рождения вследствие распавшегося сожитительства)

Из опрошенных женщин в эту группу можно отнести 19 (38%), в том числе 12 (40%) – городских и 7 (35%) – сельских. В терминах реализации жизненных, брачных, репродуктивных планов женщин этот дискурс можно считать негативным, поскольку наиболее сильный момент здесь – отказ мужчины-партнёра от своего ожидаемого или от уже родившегося ребёнка. Женщинами эта ситуация воспринимается как отказ и от неё тоже, как "предательство". Причём в половине случаев сожитительство было довольно продолжительным – 2–5 лет, возраст женщин 26–34 года, беременность у них если и не первая, то долгожданная. В своих рассказах некоторые из этих женщин вспоминают озабоченность своих мужчин-партнёров длительным отсутствием беременности и даже то, что они вместе мечтали о ребёнке, планировали свою совместную жизнь.

«Познакомились ещё студентами, встречались и дружили 7 лет. В последние годы мы с ним жили вместе. Когда он узнал о беременности, первое время пытался избегать меня, потом установились дружеские отношения. Иногда он приходил и говорил, что хоть ему и очень тяжело, но он не может жениться на мне потому, что не любит меня. В общем, он переживал, метался. Мне было 29 лет, ему 30, он работал инженером на заводе. Эта беременность была у меня третья, мы же с ним встречались 7 лет... Я его очень любила и знала, что рожу ребёнка только от него. Других мужчин у меня не было. Но для него и для его семьи (мамы) общественное мнение значило очень много. Если бы я была понастойчивее, он бы на мне и женился. Но, наверное, наш брак распался бы... Когда мо-

ему сыну было 6 месяцев, он женился на молодой девушке, так что у него своя семья. Мы с ним больше никогда не общались, я ни на что не претендовала, он помощи никакой не оказывал» (*врач, 46 лет, не замужем, 16-летний сын, гор.*).

По-видимому, весьма часто мужчины отрицательно реагируют на известие о беременности сожительницы из-за сомнения в том, что это его ребёнок. Чаще так происходит в тех случаях, когда мужчины-партнёры женщин по сожительству на некоторое время уезжают – на службу в армию, в командировки.

«С парнем, отцом дочки, мы дружили ещё со школы, он наш, деревенский. И когда я в училище училась, мы дружили, встречались. А теперь у него своя семья – так получилось! Дружили-дружили, а когда он ушел в армию, я родила. Он не верил, что это его дочь. Когда вернулся, мы поскандалили и долго не встречались. Потом стало видно, что дочь – вылитый папа. Он стал ходить ко мне, а я ему сказала, что дочка МОЯ и больше ничья. Да зачем он мне, зачем эти скандалы? А так – ребёнок растёт спокойно, знает отца, дружит с теми дедушкой и бабушкой» (*рабочая совхоза, 30 лет, не замужем, 10-летняя дочь, сел.*).

Недоверие мужчины-партнёра и даже просто выражение сомнения на этот счёт, с одной стороны, оказывает сильное отрицательное воздействие на дальнейшую судьбу женщины, но, с другой – облегчает ей принятие "оправдательного" для самой себя отказа от стремления к браку с "этим плохим любимым человеком".

«До рождения дочери мы 3 года жили вместе, в нашей семье. Он очень хотел ребёнка, но мы с ним не регистрировали брак, просто ни я, ни он не беспокоились за наше будущее. До этого я уже была замужем, но детей не было – 6 раз я была беременной, но не могла выносить ребёнка. Этот парень был на 5 лет младше меня. Он был для меня одновременно и любовник, и муж, и ребёнок. Когда я ему сказала о беременности, он почему-то панически испугался, бегал по комнате и кричал, что это не его ребёнок. И – всё. Сейчас мы просто здороваемся, когда на улице встречаемся. Он очень красивый, и дочь на него похожа, у них даже все родинки на теле одинаковые, совпадают. Тогда мне было 34 года, я все-таки смогла выносить свою седьмую беременность. Это невероятное счастье – знать, что ты не способна иметь ребёнка и все же родить! У меня просто желание такое мощное было. Теперь моей дочери

14 лет. Но я благодарна этому парню за то, что у меня есть дочь, не было бы его, не было бы и дочки, и я была бы неполноценной» (*учительница, 48 лет, не замужем, 14-летняя дочь, сел.*).

Как видно, распад сожителств в связи с рождением ребёнка в значительной мере обусловлен брачно-семейным поведением мужчин. По-видимому, их отрицательное восприятие известия о возможном рождении ребёнка оказывается совершенно неожиданным для женщин. Но выбор женщин в пользу материнства создаёт новую цепочку драматических ситуаций в сфере отношений с родными, с родителями. Но этот выбор происходит все-таки в пользу материнства, и он свидетельствует о высокой ценности ребёнка, семьи в представлениях опрошенных женщин.

«Мы дружили с парнем ещё со школы, год он жил у нас, а когда узнал, что я беременная, сразу сказал, что не от него. Он старше меня на 4 года, мы с ним очень близкими были, просто родственные души какие-то, даже думали одинаково. Сколько раз он говорил: "Роди мне сына". Родила, а он вообще ушел. Сначала я скрывала свою беременность, боялась, что родители на аборт пошлют... Я родила сына. Сейчас ко мне приходит другой парень, ухаживает за мной, с моим сыном нянчится. Он хочет жениться на мне, но я не хочу, не хочу даже сходить с ним, лучше иногда встречаться... Если встретится такой мужчина, который мог бы быть хорошим отцом, то я рожу ещё одного ребёнка, но не больше. А сейчас лучше, чтобы сын ни к кому не привыкал» (*домохозяйка, 21 год, не замужем, 2-летний сын, сел.*).

Семья и дети, по представлению женщин-матерей этой группы, – главное в жизни женщины. И согласуясь с этой житейской истиной (вполне традиционной), родительские строгости смягчаются по мере повышения возраста дочерей. Особенно это проявляется в историях женщин, имеющих деревенские корни. Представления старших поколений сельчан основаны на нормах раннего вступления в брак и рождения детей.

«Если нет детей, жизнь женщины прошла впустую» (*бухгалтер, 42 года, не замужем, 9-летний сын, гор.*).

«По понятиям нашей семьи я родила очень поздно (в 24 года). Когда мне было 22 года, мои родители "махнули на меня рукой" – считали, что я осталась без семьи и без детей, что я не состоялась

как женщина и вообще как человек... Мои родители ждали от меня замужества, ребёнка. И даже независимо от того, замужем я или нет, моя мама была на моей стороне, я знала, что помощь мне всегда будет. И вообще – как бы я не решила, мои родители, мои вечные адвокаты, меня поддержат» (*директор фирмы, 29 лет, не замужем, 5-летняя дочь, гор.*).

Кризисный момент трудного выбора молодых (юных) городских внебрачных мам смягчается либеральностью взглядов их ещё тоже молодых родителей, берущих на себя значительную часть материально-бытовых проблем своей дочери.

«Когда родители узнали о беременности, мама сказала: "Решай сама, не маленькая. Если оставишь ребёнка, мы тебе поможем и подержим» (*домохозяйка, 17 лет, не замужем, 7-месячный сын, гор.*).

Таким образом, драматичность дискурса "распавшихся сожительств" связана, скорее всего с неоправдавшимися надеждами женщин на устойчивое длительное партнёрство, на воспитание ребёнка в полной семье, с разочарованием в любимом мужчине-партнёре как потенциальном муже и отце детей.

■ **Дискурс «Ребёнок для себя»** (внебрачные рождения, не ориентированные на совместную жизнь с отцом ребёнка)

Важным отличием данного дискурса от предыдущего является то, что каждая из этих женщин изначально знала и сознательно шла на то, что, став матерью, она никогда не будет жить одной семьёй с отцом ребёнка. Объясняется это тем, что в этих историях мужчина выполняет роль любовника, как правило, он уже женат, имеет детей. А женщина-мать внебрачного ребёнка была (или есть) его любовница, априори морально готовая к последующему за рождением ребёнка супружескому одиночеству. Часто это мотивируется сознательным отказом от возможности "увести" его из семьи. В других ситуациях женщина изначально не относилась к партнёру, как к потенциальному мужу. Здесь не было совместной жизни, встречи носили характер любовных свиданий.

В эту группу входят 12 (24%) из опрошенных женщин, в том числе 7 (23%) из городских и 5 (25%) из сельских. Возраст женщин при рождении ребёнка в этой группе – около 30 лет, хотя среди сельских женщин есть такие, которые считают, что и в 23 года пора родить ребёнка "для себя", чтобы не остаться одной.

«В 23 года я захотела родить ребёнка. Я даже замуж так не хотела, как ребёночка иметь. И в 24 года я родила его для себя. Я встречалась с мужчиной, он был женатый, мне он вообще-то нравился. Но встречались мы редко. И я неожиданно почувствовала, что беременная. Я посидела-подумала: мне 23 года, если первый аборт сделаю, потом вообще детей не будет. Замуж выйду, муж захочет ребёнка, а я скажу: "Не могу"? Решила родить чисто для себя, зная, что он не женится на мне... Конечно, сначала я переживала – родители ругались, но я сама так хотела маленького! И я считала, что их это не должно сильно касаться, тем более – огорчать. Папа мой стал поддерживать меня, потому, что понял, что я "настроилась на сына". Я знала, что будет мальчик, вот мальчик мой и родился! Я хорошо себя чувствовала, была спокойна и за себя, и за малыша... Отец его о нём знает, сначала он приходил, потом сказал, что это не его ребёнок, а "его дети у него дома". Потом он сошёлся с другой женщиной, и они уехали из нашей деревни. Когда моему мальчишке было 3 года, я вышла замуж, родила второго сына. В муже своём я уверена» *(домохозяйка, 30 лет, замужем, двое сыновей: 6-летний (внебрачный) и 2-летний, сел.)*

Этот рассказ говорит о том, что если даже женщина и рождает ребёнка "для себя", подспудно у неё сохраняются ожидания создать полноценную семью и проявить себя также в качестве жены. Но с повышением возраста одинокие женщины постепенно теряют надежды на удачную супружескую, семейную жизнь и так или иначе смиряются с этим. И действительно, не у всех людей судьба складывается счастливо. В этот дискурс вписываются и истории женщин, переживших драматические или даже трагические ситуации первой любви, после чего на некоторое время, а иногда – и на всю жизнь, "отключаются" от личной жизни.

"Когда я училась в институте, у меня погиб жених – лётчик-испытатель, мне был 21 год. Закончила институт, работала, многие ухаживали за мной, предлагали "руку и сердце", но я считала, что у меня такая судьба – быть одинокой, всем отказывала, была верна своему погибшему жениху. Взясась за научную работу, "нянчилась" со студентами, ездила по стране, по всему миру, защитила диссертацию. Стала задумываться: "Для чего живу? Жизнь подходит к концу, всё есть – квартира, машина, дача, а зачем?" Надо бы было ребёнка родить, но с мужчинами никогда не было интимных отношений. И отец мой был очень строгих правил, он бы не простил мне беременность без мужа. Да и рожать было уже поздно.

Усыновила 1,5 годовалого мальчика из Дома малютки. Очень надеялась, что мои отец и брат обеспечат "мужское" воспитание. Но дед умер через год, а брат отстранился от забот. Есть, конечно, проблемы с сыном... Жалею, что своего не родила..." (*научный сотрудник, 58 лет, не замужем, 16-летний приёмный сын, гор.*)

Жёсткость родительского контроля¹, упомянутая в этом рассказе, вообще-то не характерна для дискурса "Ребёнок для себя". Это объясняется как "зрелым" возрастом женщин, когда многие становятся практически независимыми от пожилых родителей, так и обеспокоенностью последних одиночеством своих дочерей.

В историях женщин, родивших ребёнка «для себя» уже нет той драматичности, той резко отрицательной оценки ("предатель") своих партнёров, как в первом дискурсе. Здесь появляется спокойная рассудительность, рациональность "зрелых" женщин, сознательно стремящихся к материнству, а не к супружеству-партнёрству (по крайней мере, внешне). Можно предположить, что и на самом деле, женщины этой группы если и не меньше были влюблены в своих партнёров-любowników, то, по крайней мере, более рационально (хладнокровно) обнаруживали у них недостатки. Поэтому и более спокойно, как к запланированному акту, отнеслись к прекращению интимных отношений, будучи (внешне) благодарными уже за прошлые эмоции и возможность родить ребёнка. Вместе с тем за внешней рассудительностью и благодарностью порой и в этой группе историй проскальзывают выражения обиды и "брошенности".

Следует заметить, что среди тех женщин, кто родили ребёнка «для себя», по сравнению с предыдущей группой, большая доля тех, кто на момент опроса имели постоянного партнёра – мужа или сожителя, и стало быть – полную семью – официальную (42%) или нет (26%).

Конечно, разделение женских историй на эти дискурсы-причины имеет условный характер, поскольку наряду с внешними различиями (длительность сожительства, частота встреч, глубина разочарований, жёсткость культурных ограничений), в них есть одно общее очень важное событие – реализованное материн-

¹ В этом проявляется эффект «гистерезиса», т.е. запаздывания освоения современных предрасположенностей, по Бурдьё, свойственного людям, социализированным в иных объективных условиях (например сельских).

ство. И – одинаковое представление об идеальной семье – мать, отец и дети. Но к этому идеалу приблизились только некоторые женщины из первых двух групп.

■ **Дискурс "Полная семья"** (внебрачные рождения в стабильном сожительстве)

В этой модели назвать матерей и детей "внебрачными" можно только по формальному признаку – неусыновлённым детям, получающим пособие. Именно по этому признаку 12 полных семей с детьми попали в выборку обследования. Городских семей из них 8 (67%), сельских – 4 (33%). Официально зарегистрирован брак у супругов в 3 городских семьях, причём в них муж матери не является отцом внебрачного ребёнка. Остальные 9 семей – сожители, в 8 из них супруги-партнёры живут со своими (всеми или младшими в семье) детьми. В противоположность первому, этот дискурс можно назвать "Сохранившиеся (устойчивые) сожительства". В самом деле, здесь и там женские истории схожие, но семья (супружеский союз) не распадается.

«В 19 лет я познакомилась с парнем, и мы стали с ним жить – родители выделили нам комнату в нашей квартире. Потом мы стали ссориться, и он ушел. После него был другой парень, мы с ним тоже прожили года полтора. А вот этот, отец ребёнка, уже третий. Он мне сразу понравился своей самостоятельностью, он младше меня, и я как-то не могу про него сказать "муж". С ним мы живём уже три года. Родители относятся к моим партнёрам спокойно. Когда я сказала парню о беременности, он очень обрадовался, а на следующий день раскричался и заявил, что уйдет. Испугался он, что ли. Это у меня вторая беременность, во время первой был сильный токсикоз и выкидыш. Если бы он вправду ушел, я не оставила бы беременность. Как бы я одна растила ребёнка? Мама с папой уже пожилые... Уже через день он всё передумал, а тогда – я не знаю, что на него нашло... Сейчас он очень любит сына, и, наверное, он – хороший отец, а я хочу второго ребёнка. Мы будем вместе» (домохозяйка, 25 лет, стаж сожительства – 3 года, сыну 1 год, гор.).

Отличительной чертой этой модели является большее число детей в семьях: в пяти – по одному, в двух – по двое, в остальных (сельских), по трое-четверо детей. Судя по историям, судьба их матерей вовсе не всегда гладкая: двое из них овдовели с младен-

цем на руках, одна с тремя детьми ушла от мужа-деспота. Но им посчастливилось встретить на жизненном пути мужчин, взявших на себя ответственность за их семьи.

«С мужем живём хорошо, я его слушаю, он – меня. Я не могу сказать, что я влюбилась в него. Просто он мой и всё! Он мне и друг, и любовник, и муж, и лучше его никого нет. Не выпивает, с полуслова всё понимает. Сейчас мы подумываем, не зарегистрироваться ли, жизнь-то стала не постоянная. Надо расписаться, потому что мы строим дом, чтобы детям было наследство» (*домохозяйка, 36 лет, стаж сожительства 12 лет, 16-летняя дочь внебрачная, 3 сына, зарегистрированы по совместному заявлению родителей, сел.*).

На вопрос о причинах нерегистрации фактически существующего многолетнего союза женщины из этой группы семей давали весьма разнообразные, но конкретные ответы.

«Бывшая жена не даёт развода» (*домохозяйка, 39 лет, 13-летний сын, стаж сожительства 14 лет, гор.*).

«Свадьбу справили, но не зарегистрировались, потому что мне было 15 лет» (*домохозяйка, 20 лет, стаж сожительства 5 лет, двое детей, гор.*).

«Сначала как-то неудобно было: мне 17 лет, а ему уже 35. А потом забыли, так вместе и живем, у нас трое детей» (*безработная, 33 года, стаж сожительства 16 лет, трое внебрачных детей, сел.*).

«Никакого значения не имеет, зарегистрированы мы или нет. Даже, наверное, лучше, что не зарегистрированы – всё идёт от души, а не от штампа в паспорте» (*медсестра, 39 лет, стаж сожительства 4 года, внебрачная дочь 1,5 года, 4-й ребёнок*).

Идея последнего высказывания встречается во многих историях, и во всех группах опрошенных женщин. Возможно, в этом состоит модернизация современной семьи – быть высокой ценностью для женщины и мужчины и их детей, а не для государства.

■ **Дискурс «Парадоксальные истории»** (рождения, ставшие внебрачными из-за овдовения или развода во время беременности женщины)

Эту группу составляют истории 7 женщин, ставших матерями внебрачных детей, условно говоря, неожиданно даже для са-

мих себя. Двое из них овдовели во второй половине беременности, пятеро – родили второго или третьего ребёнка после развода с отцом ребёнка. Причем, у двоих из разведённых официальное оформление развода сначала имело формальный характер – ради прописки и последующего решения "квартирного вопроса". А потом эти женщины и фактически остались без мужей.

«Вышла замуж, жили в Тюмени, мама – здесь. Она болела астмой, написала мне, что приступ за приступом, состояние тяжёлое, а брата тогда посадили. Помрёт – 2-комнатная квартира пропадёт, государству достанется. Ну, я всё бросила, приехала. Развод оформила заочно, мне надо было прописаться здесь. Сын родился уже после развода, через две недели. В общем, всё из-за квартиры. Муж сюда не приехал, не писал мне, потом он женился, развёлся, снова женился. А мать ещё 14 лет болела, в прошлом году похоронили... Когда я уехала от мужа, мне было 25 лет, сын родился в 26, а в 39 вот маленького родила. Когда мама была, мы с его отцом встречались тайно, теперь вместе живём, и старший сын спокойней стал... Регистрироваться я и сама не хочу. Потому что думаю, если не поживётся, ничем не удержишь все равно. Алиментов не дождёшься, если уйдет, а так – пособие от государства – все-таки доход» *(рабочая, 41 год, разведена, стаж сожительства – 5 лет, два внебрачных сына: 15 и 2 лет, гор.)*.

Но всё же основной стержень каждой из этих грустных "парадоксальных" историй – рождение желанного ребёнка, забота о нём, ответственность. Как видно, даже попадая в сложные, порой драматические жизненные ситуации, все опрошенные женщины делают свой выбор в пользу материнства. И только одна женщина, судьба которой поистине трагична, призналась, что ей пришла мысль оставить ребёнка в роддоме.

«Решила, что напишу заявление главврачу, кормить не буду. Но как только он родился и запищал – и я заревела. Думаю: "Господи, 9 месяцев носила, а теперь – оставлю? Трех кормлю, и ему каши хватит". Не смогла я его не кормить, просто материнское чувство переборол» *(санитарка, 45 лет, разведена, дочери 22 и 19 лет, родились в браке, сыновья 12 и 8 лет – внебрачные, сел.)*.

Таким образом, материалы исследования приводят к следующему выводу: главная причина возникновения внебрачной семьи, главная основа всех жизненных путей женщин, родивших

детей вне брака, является не отказ от семьи, а стремление к ней. И правильнее здесь говорить не о причинах внебрачного рождения, а о судьбах женщин, у которых оно случилось.

Что касается некоторых предположений о дифференциации внебрачной рождаемости в зависимости от социального статуса женщин, то по полученным материалам видно, что в одной и той же группе схожих судеб оказывается богатая директор фирмы и бедная сельская сторож, главный художник издательства и дворник домоуправления. В современных условиях, по-видимому, не существует тесной связи между благосостоянием и брачным, репродуктивным поведением людей, вопреки выводам О. Льюиса и М. Босанаца, согласно которым свободные союзы, внебрачные рождения были элементами субкультуры беднейшего слоя [Lewis, 1975; Босанац, 1981].

Внебрачная рождаемость, как показывает демографический анализ, – довольно распространённый феномен как в городском, так и в сельском населении. Его распространение имеет довольно устойчивую тенденцию к росту (см. раздел 5.2). Последними переписями фиксируется и заметный прирост монородительских семей. Вместе с тем со временем происходит узаконивание брачных отношений между сожителями, узаконивание ребёнка отцом или образование повторной семьи (с партнёром – не отцом ребёнка). По существу же, объяснение причин этого феномена, основанное на демографических фактах и некоторым образом подтверждённое социологическим обследованием, заключается в том, что современные тенденции в семейной сфере лежат в русле действия постпереходного приватно-демографического хабитуса, в русле автономизации и самооценности всех видов поведения агентов в приватно-демографическом пространстве: сексуального, брачного, репродуктивного, родительского, самосохранительного.

Итак, результаты проведённого анализа данных демографической статистики, а также социологических материалов позволяют сделать вывод о возможности на их основе верифицировать теоретическую гипотезу исследования закономерностей трансформационных процессов в приватно-демографическом поле российского социального пространства. Распространение взаимосвязанных между собой феноменов незарегистрированных бракоподобных союзов и внебрачной рождаемости (или внебрачного материнства) являются отражением распространения практик и

форм семейной жизни, смысл которых состоит в дальнейшем разделении/автономизации сексуального, брачного, репродуктивного и родительского поведения.

Это разделение свидетельствует об «опривычивании» как интериоризации агентами (индивидуальными и коллективными) постпереходного приватно-демографического хабитуса, сущность которого – разумное ограничение числа рождений. Малое число детей как в полных официальных семьях, так и у партнёров-сожителей и у одиноких матерей, не состоящих в браке, – веское подтверждение этому. Кроме того, малое число детей значительно «укорачивает» детский этап жизни семей, в результате чего макроструктура приватно-демографического поля (семейная структура населения) становится «структурно бездетной», и приоритеты детоцентризма отходят на второй план, по сравнению с растущими приоритетами супружеских, интимных – «взрослых» отношений в сфере частной жизни.

6.3. Родительство после развода

Во все времена и во всех обществах случались и случаются неудачные браки. Прежде и сейчас в традиционных обществах такая ситуация приводила порой к драматическим, трагическим развязкам. Причины редких разводов (аннулирования брака), признаваемые в разных культурах религией, законом и обществом, были практически одинаковыми: супружеская неверность, невозможность иметь детей, близкое родство супругов. Отношение к разводам, как и к безбрачию, было отрицательным; обычно основанием получения разрешения на развод было признание вины одного из супругов. Развод как добровольное прекращение неудавшегося брака представляется естественным, органичным способом разрешения этой проблемы, своего рода атрибутом брака (см., например [Голод, 1998]).

В контексте нашего подхода высокая частота разводов является логическим продолжением действия интериоризованного «современного» приватно-демографического хабитуса, объективный смысл которого – ограничение числа рождений. Учёные, журналисты, обыватели высказывают различные мнения по поводу разводов – и их большой частоты как угрозы институциональной стабильности семьи, и последствий для взрослых и детей.

Обычно отрицательная оценка даётся разводам в связи с их вредными последствиями для ребёнка. Хотя со временем оценки тех и других аспектов также меняются. Так, в настоящее время исследовательский интерес к анализу факторов и мотивов разводов, а также к их обобщениям в виде теоретических построений заметно снизился, как среди российских, так и среди зарубежных учёных (судя по числу публикаций). И это подтверждает логику нашей теории, поскольку высокая разводимость является одним из атрибутов современного состояния приватно-демографического поля и одной из сущностных свойств его хабитуса. В то же время изучение последствий разводов повсеместно расширяется.

Распавшаяся «осколочная» семья представляется сложной социальной проблемой по двум основаниям.

Во-первых, на макроуровне проявляется некое социальное противоречие между нуждами общества в тех аспектах жизнедеятельности, удовлетворение которых, как правило, ожидается от семьи (например, обеспечение и уход за детьми, нездоровыми и пожилыми людьми, семейная социализация детей), и всё возрастающей долей семей, которые в силу своей неполноты не отвечают этим ожиданиям общества.

Во-вторых, на индивидуальном уровне в результате распада семьи возникают и обостряются конкретные жизненные проблемы ребёнка (детей), матери и отца. Поэтому изучение последствий разводов является одной из важнейших направлений в социологии семьи и брака. Исследуются экономический статус, здоровье, занятость, взаимоотношения с родственниками, выполнение родительских ролей людей в послеразводной ситуации. И именно в исследованиях этого направления выявляются новые черты, свойства, модели поведения, повседневные практики, а также проблемы, права людей, оказавшихся в данной ситуации.

Если оценки последствий развода для взрослых мужчин и женщин неоднозначны (в настоящее время преобладает лояльность), то влияние распада семьи на детей оценивается практически всегда отрицательно. Число детей, чьи родители развелись, год от года возрастает. В 2006–2010 гг. в России в среднем ежегодно разводом было затронуто 350–400 тыс. детей и подростков до 16 лет, т.е. 6–7 детей на каждые 10 разводов. По отношению к распавшимся парам с детьми это число составляет 12–13 детей. С учётом повторных браков разведённых матерей в среднем ежегодно в нашей стране без одного из родителей живет 600–700 тыс. детей.

Между тем специальных российских исследований собственно положения детей в послеразводной ситуации довольно мало. Гораздо больше внимания уделяется проблемам неполной, монородительской, материнской семьи, т.е. проблемам женщин. Хотя ясно, что важным моментом влияния на ребёнка является как раз причина возникновения неполной семьи: развод, внебрачное рождение, овдовение родителя.

За рубежом, наоборот, начиная с 1960-х годов проводятся многочисленные социологические, психологические исследования, нацеленные именно на изучение влияния последствий развода на детей. Прежде всего, в этих исследованиях оценивается численность детей, затронутых разводом родителей. В США этот показатель был около 1 млн ещё в 1970 г. [Дэвис, 1979]. Понятно, что житейские ситуации постоянно меняются, т.е. после разделения родители могут помириться, после развода вновь пожениться, образовать новую супружескую пару или начать сожительство с новым партнёром. Все это сказывается на ребёнке, на его взаимоотношениях с родителем, живущим отдельно, со сводными братьями и сёстрами, с отчимом или мачехой.

Практически во всех странах бракоразводная практика такова, что после распада супружеской пары дети остаются жить только с матерью и иногда продолжают встречаться с отцом. Эта практика отражает реальность, в которой основная доля ухода за детьми в семьях (даже и в полных, «целых») осуществляется матерью. А отцы, если и занимаются с детьми, то эти занятия представляют собой игры, прогулки, развлечения и пр. Поэтому долгое время считалось, особенно сторонниками теории привязанности Дж. Боулби, что при разводе взаимоотношения матери с ребёнком должны сохраняться, тогда развод для детей будет иметь небольшие негативные последствия (цит. по: [Ричардс, 1994]).

Выкладки теории привязанности вполне соответствовали пониманию традиционной роли женщины как наилучшего воспитателя и наставника детей; довольно продолжительное время теория привязанности не подвергалась сомнению. Соответственно, и семейные законодательства практически всех стран долгое время, вплоть до середины 1980-х годов, были построены таким образом, что после развода основные, если не все, права на воспитание ребёнка (детей) предоставлялись женщине-матери, на мужчину же возлагалась ответственность в основном материального содержания его ребёнка (детей).

В соответствии с традиционными представлениями и нормативами и в настоящее время в абсолютном большинстве случаев в результате развода образуются так называемые монородительские, или неполные¹ семьи, возглавляемые женщиной. Проблемы таких семей – предмет исследований в рамках изучения материального положения семей, дифференциации по материальному статусу (семьи этого типа, как правило, оказываются в группе бедных), а также вопросов социализации подрастающего поколения.

Изучение зарубежной научной литературы показывает, что в конце XX века проблема «нового» родительства, «нового» отцовства становится одной из самых актуальных в социологии семьи. Какую роль играет отец в жизни детей? Соперничает ли отец с матерью за участие в воспитании детей, в ежедневной жизни детей? Принадлежит ли ему традиционная роль кормильца? Может ли он соперничать с матерью в уходе за детьми? И как лучше показать роль отца, мужчины своим детям?

Волна интереса к изучению отцовства за рубежом была вызвана заинтересованностью женщин в защите своих прав на работу вне дома. В конце 1980-х годов начинают появляться крупные работы по результатам исследований, где показано, что современные отцы проявляют большую заботу о детях, больше включены в их жизнь, в проблемы своих детей по сравнению с поколениями их собственных отцов и дедов (см., например: [Baskett, 1987; O'Brien, 1987; Guttman, 1996]). И действительно, результаты исследований свидетельствуют о том, что с выходом женщин на рынок труда семейная роль мужчины, отца приобретает новое значение. Это подчёркивалось во многих работах, как и то, что именно отец заинтересован в поддержании отношений со своим ребёнком после развода с его матерью.

С другой стороны, как отмечалось в предыдущем разделе, и общество, обеспокоенное девиантным поведением и ростом подростковой преступности, заинтересовано в продолжении

¹ Некоторые авторы предлагают различать «монородительские» и «неполные» семьи по возможности включения в последние других родственников, например, прародителей ребёнка (см., например: [Ивер-Жалю, 1991; Мацковский, 1993]). С.И. Голод считает, что к этим типам семей не следует приравнять «материнские» семьи, которые изначально внебрачные, тогда как два первых типа – «осколочные», т.е. образовавшиеся в результате развода или овдовения [Голод, 1998].

взаимоотношений «отец-ребёнок (дети)» после развода или разделения родителей. Так что «проотцовский» дискурс используется в целях защиты прав отцов на возможность общения с детьми после развода.

Есть и ещё один аспект актуальности исследований проблем отцов в послеразводной ситуации. Как отмечают многие исследователи, общей социальной проблемой во многих странах является растущая доля одиноких мужчин в населении. Эти одинокие отцы остро переживают свою изолированность от детей, от семейных взаимоотношений (см., например: [Эйсенсен, 1989, с. 433–452; De Jong Gierveld, Dukstra, 1997, с. 849–866] и др.). Д. Попино, например, считает, что «каждое общество должно быть обеспокоено одиночеством мужчины («the unattached male»), поскольку оно (одиночество) может стать универсальной причиной многих социальных болезней» (цит. по: [Cappel, 1999, с. 317–318]).

Такая «встречная» заинтересованность объясняет и возросший интерес исследователей к феномену отцовства, его современным модификациям. Поэтому понятно, что число публикаций об отцовстве, включая гендерные исследования отцовства как аспекта маскулинности, возрастает. Но, к сожалению, в России исследования по данной теме с конца 1980-х годов практически не ведутся.

По официальным данным Министерства труда РФ, каждый седьмой ребёнок в России воспитывается без отца. В абсолютных же числах речь идёт о почти 4 млн детей до 16 лет. Современный высокий уровень искусственной безотцовщины, социального сиротства, безнадзорности детей в России складывается по многим субъективным и объективным причинам. Если речь идёт о детях, оказавшихся в ситуации распавшейся семьи, то их «безотцовщина» зависит, с одной стороны, от резко негативных взаимоотношений между матерью и отцом (бывшими супругами), с другой – от особенностей бракоразводной практики судов, фактически однозначно присуждающих опеку над ребёнком матери.

Между тем в отечественной и в зарубежной научной литературе роль отца в воспитании детей получила достаточно убедительное обоснование, накоплен значительный эмпирический материал, свидетельствующий о том, что при отсутствии отцовского влияния или его недостатке социализация детей принимает проблемный характер. Изменение родительской роли мужчины, отмечаемое в зарубежных исследованиях 1980-х годов, было зафик-

сировано и отечественными социологами, изучающими процессы эгалитаризации семьи (советской) в 1960–1970-е годы. Во многих работах отмечалась «растущая воспитательная активность отцов как довольно чётко выраженная тенденция, свойственная социалистической семье» (см., например: [Титаренко, 1988; Дементьева, 1980; Гордон, Клопов, 1972]).

Повышение родительской активности, ответственности отцов за воспитание детей, постепенное преодоление традиционного взгляда на мать как на единственную воспитательницу можно отнести на счёт действия ряда объективных «продуктов» современного приватно-демографического поля, главная из которых – демократизация семейных отношений. Трансформация отцовства как социального института в России происходит уже, возможно, длительное время, на протяжении 60–70 лет. Женщина зачастую становится равноправным, если не основным «добытчиком, кормильцем» в семье, в то время как мужчина может оказаться безработным. Для России начала 1990-х годов такая ситуация была довольно распространённой, т.е. практически произошла кардинальная смена гендерной идентичности как для женщин, так и для мужчин. Но для многих российских отцов этот процесс «переопределения» роли кормильца оказался, по-видимому, болезненным. Возможно, по этим причинам изменилась и отцовская компонента мужской идентичности.

Большинство исследователей проблем отцовства и маскулинности приходит к выводу, что декларируемый в литературе стереотип мужчины-добытчика уже в конце XX века не соответствовал ни идеалам мужчин-отцов, ни их реальному поведению в семье. Интересно отметить, что некоторые исследователи предполагают, основываясь на высказываниях респондентов, что проявляется тенденция к более активному (заинтересованному) отцовству после развода по сравнению с участием отцов в воспитании детей в «целых» семьях (см., например: [O'Brien, 1987; Smart, 1999; Прокофьева, Валетас, 2000]).

Важным фактором осуществления отцовства оказывается посредническое поведение матери, поскольку отношение отцов и детей принципиально отличается от отношения матерей и детей. Так, Катрин Баскетт утверждает, что отцовство необходимо рассматривать через поведение матери, и так как матери в силу различных факторов берут на себя значительную часть ответственности за детей, отцы чаще приспосабливаются к

поддерживающей роли [Baskett, 1987]. Она также отмечает, что даже те отцы, которые в большой степени вовлечены в воспитание и уход за детьми, не обязательно участвуют во всех аспектах ухода за ребёнком. Для них будет достаточно представлять мать во время её отсутствия или подменять её, когда она устала или напряжена.

В большинстве семей (по крайней мере, в семьях среднего класса, которые изучала К. Баскетт) отцовство не рассматривается как прямое отношение с детьми. К. Баскетт доказывает, что даже когда оба родителя говорят, что они делят родительские заботы между собой, на практике отцовство гораздо чаще опосредуется через мать, чем осуществляется напрямую. Являясь своеобразными посредниками между отцами и детьми, матери выполняют определённую эмоциональную работу по обеспечению взаимодействия между ними оптимальным способом. Исходя из этого можно предположить, что успешность выполнения отцами их родительских функций, как в «целых» семьях, так и после развода в большинстве случаев будет зависеть от того, насколько оно поддерживается и обеспечивается материнским поведением.

Обзор работ, в которых так или иначе рассматриваются послеразводное поведение отцов, живущих отдельно от детей (отцов-нерезидентов), продолжающих заботиться о ребёнке, а также причины прекращения или продолжения реализации отцовских функций после развода, показывает следующее. На рубеже 1970–1980-х годов процент отцов, сохраняющих взаимоотношения с ребёнком, равнялся 30 [Ферстенберг и др., 1985]. По результатам большого обследования разведённых мужчин (1998 г.) и женщин (1993 г.), в России этот уровень примерно такой же [Прокофьева, Валетас, 2000].

В более поздних зарубежных работах (см., например: [Smart, 1999; Stephens, 1996]) эта доля повышается до 50–60%, но повышение активности отцов обсуждается уже в контексте результатов новых законодательств и принятых юридических нормативов¹. В частности, такие исследования имеются по Великобритании [O'Brien, 1987; Smart, 1999], Норвегии [Skevik, 2001], Швеции [Eriksson, 2001], обобщённый анализ по странам южного полуша-

¹ Таковыми являются, например, «Детские Акты», принятые в Великобритании с целью повышения возможности для отцов продолжать отношения со своими детьми.

рия [Barosso, 1997]. Вот некоторые связи и факторы, установленные в этих исследованиях:

- сокращение контактов отца с ребёнком далеко не всегда происходит добровольно, часто мать препятствует этим встречам;
- запреты со стороны матери становятся правилом тогда, когда она не удовлетворена размером финансовой поддержки;
- состояние конфликта между родителями в процессе развода не оказывает большого влияния на выплату финансовой поддержки (алиментов);
- процесс отстранения отца от ребёнка, если он происходит, обычно носит резкий характер;
- первый год после разделения/развода – наиболее критическое время для решения о продолжении или прекращения участия в воспитании ребёнка;
- отцы, располагающие большими материальными возможностями, в большей мере продолжают реализацию родительской роли, как и отцы с более высоким образованием;
- повторный брак отца снижает частоту контактов с ребёнком; при повторном браке матери отрицательная ситуация усугубляется из-за запретов матери встреч детей с отцом.

На выявленных закономерностях сказываются и социально-демографические характеристики разведённых отцов: по сравнению с мужчинами, остающимися женатыми, разведённые отцы-нерезиденты имели более низкий уровень образования и меньший стаж работы.

Реальное осуществление отцовской роли не является простой производной меры их внимания к детям, времени, которое они им уделяют (даже и в «целой» семье). Она есть следствие многих переменных, особое место среди которых занимает родительский авторитет. Но в послеразводной ситуации роль матери становится, по-видимому, определяющей – при решении отца продолжить или нет взаимоотношения с ребёнком [Madden-Derdich, Leonard, 2000].

В последние два десятилетия во многих странах постоянно увеличивается число мужчин, активно пытающихся добиться реального права на осуществление своих родительских обязанностей. Так, в США набирает силу движение за предоставление не только матерям (как это обычно делалось), но и отцам права на опеку. Серьёзным аргументом в пользу требований отцов служат данные исследований, согласно которым привязанность

детей не обязательно направлена на матерей. Этими исследованиями различия в адаптации и результатах воспитания детей, которые после развода остались с матерью или отцом, не обнаружены (цит. по: [Муксинов, 1985]).

И в России появляется всё больше свидетельств о стремлении разведённых отцов заботиться о своих детях, быть включёнными в их жизнь, в их проблемы. Например, появляются общественные организации и правозащитные ассоциации в Москве и других городах. Так, «Союз защиты детства и отцовства» создан в Москве ещё в 1991 г. отцами, которые безуспешно в одиночку добивались после развода своих исконных прав и прав своих детей на общение с родными отцами, а также с прародителями по отцовской линии [Алексеев, 2001]. Представители правозащитной ассоциации «Отцы и дети» (Москва) считают, что причиной возникновения искусственной безотцовщины в России является «порочный принцип развода детей с отцом, принятой в судебноправовой системе, хотя «Семейный Кодекс» РФ наполнен декларациями о равноправии родителей» [Малиновский, 2001]. Возможно, это так.

В Новосибирской области показатель зарегистрированных разводов, как и в России в целом, довольно высок — 5,7 на 1 тыс. населения в 2009 г., и он проявляет тенденцию к росту (см. табл. 5.7). Если учесть, что в Новосибирской области ежегодно происходит около 15 тыс. разводов, то всё возрастающее число детей, воспитываемых одинокой матерью, представляется острой социальной проблемой. Но в то же время в Сибири довольно высок процент семей отцов-одиночек. В Новосибирской области таких семей около полутора тысяч, причём почти треть таких семей образовались в результате решения суда (по делам о разводах) оставить ребёнка/детей с отцом.

Конечно, столь кардинальное изменение гендерной роли ещё не широко распространено, но становление модели эгалитарной, двухкарьерной семьи необратимо ведёт к трансформации как женской, так и мужской идентичности и повседневных родительских практик. В настоящее время трансформация гендерных стереотипов продолжается, но идёт ли она в направлении их нивелирования?

Таким образом, большая частота разводов и разделений/распадов сожительств, вероятно, свидетельствует о том, что они стали более приемлемыми, а различные практики решения

проблем детей и родителей в послеразводной ситуации, формы помощи родителям стали более доступны. Произошли изменения и во взаимоотношениях родителей с детьми после развода. По крайней мере, в популярной и специальной литературе стала подчёркиваться необходимость совместной родительской опеки над ребёнком и хороших взаимоотношений ребёнка как с отцом, так и с матерью (см. [Калабихина, 1995; Madden-Derdich, Leonard, 2000] и др.). Все эти соображения означают своевременность исследования последствий разводов для детей, матерей и отцов в современной России, разработки предложений по их решению.

Специальное исследование проблем послеразводного родительства было проведено нами в 2001 г. в Новосибирске¹. Исходная посылка данного обследования послеразводного родительства состояла в том, что повседневные отцовские и материнские практики в этих условиях отражают интериоризированный приватно-демографический хабитус, сформированный объективными условиями современного (по крайней мере векового) состояния сферы частной жизни, включающую брачные, семейные, родительско-детские отношения. В этих отношениях произошли и происходят в настоящее время трансформации в направлении повышения ценностей личного счастья, независимости взрослых людей. И рост разводимости является косвенным индикатором этих процессов. Но этот рост ведёт к актуализации в послеразводной ситуации феномена родительства вообще и отца-нерезидента в частности.

Основная задача обследования заключалась в целенаправленном эмпирическом изучении феномена отцовства и материнства в послеразводной ситуации через призму реализации их отношений со своими детьми, прав, ответственности. Методами сбора информации в соответствии с задачей исследования были анкетный опрос и интервью, в два этапа. Первый этап – анкетное обследование в Новосибирске мужчин и женщин в возрасте 25–50 лет; стандартная репрезентативная выборка по половозрастному составу; второй этап – проведение полуформализованных интервью с целью изучения конкретных жизненных исто-

¹ Исследование проведено в рамках индивидуального исследовательского проекта «Отцовство в контексте модернизации брака: права, ответственности, проблемы (на примере Сибири)», поддержанного Фондом Макартуров.

рий, отцовских и материнских практик в послеразводной ситуации; направленная выборка мужчин и женщин, имевших в своей жизни опыт развода.

Выбор такой методики объясняется, прежде всего, интимностью, закрытостью темы для внешнего наблюдателя; методы традиционного формализованного подхода могли привести к большой потере значимой информации. Анкетное обследование и интервью были проведены в основном по месту работы респондентов, в районных службах занятости населения (для опроса неработающих).

Предназначенная для самозаполнения анкета была довольно объёмной – 72 вопроса, нацеленных на выявление брачных, семейных, родительских ориентаций респондентов, их отношение к происходящим переменам в сфере семьи и брака. Она включала следующие блоки:

1) индивидуальные особенности респондента: паспортная часть (пол, возраст, образование, место рождения), опыт родительской семьи (социальное положение родителей, количество человек в семье, взаимоотношения родителей, глава в семье);

2) ориентации в сфере семьи (брачный статус, количество детей, взгляд на распределение ролей в семье, отношения с детьми, отношение к разводу и т.д.);

3) удовлетворённость супружеством, материнством, отцовством, личной жизнью, насущные проблемы;

4) ориентации в сфере работы (профессиональный статус, удовлетворённость работой, значимость профессиональной деятельности).

Инструментарием для проведения полужформализованного интервью был «План интервью», использованный затем в качестве схемы анализа полученной информации.

Эмпирический объект исследования – население города в возрасте от 25 до 50 лет. Место проведения опроса – более 20 организаций, учреждений, предприятий города практически всех отраслей занятости и форм собственности. Всего было заполнено 603 анкеты.

В процессе анализа анкет были выявлены респонденты для второго этапа обследования. Таковыми были мужчины и женщины, которые, по данным собранных анкет, имели опыт развода/разделения в своей жизненной истории. В выборке таких оказалось 87 женщин и 64 мужчины. Углублённые интервью по раз-

работанной схеме были проведены с 18 женщинами и 24 мужчинами. Корректирование (уменьшение) списка респондентов связано с давностью пережитого ими развода/разделения, факта отдельного проживания от несовершеннолетних детей, а также несколькими отказами от интервью, как мужчинами, так и женщинами.

В целом, анализ полученных анкетных данных показывает, что в брачно-семейных ориентациях и семейном поведении новосибирцев происходят процессы, аналогичные тем, которые наблюдаются в западноевропейских странах. А именно, проявляется тенденция повышения заинтересованности мужчин в отцовстве, проявляющемся и во включённости в уход, воспитание и вообще в отношении к ребёнку как жизненной ценности. Эта тенденция заметна на уровне оценок и мнений, а также на поведенческом уровне. Этот процесс, может быть, своего рода «встречный» в условиях многочисленных проблем реализации материнства работающими женщинами. В настоящее время в городских семьях в целом традиционные отцовские роли претерпели существенную трансформацию. Общее изменение гендерной системы привело к сдвигам в одной из самых консервативных сфер гендерных отношений – сфере родительства.

Послеразводная ситуация же характеризуется сложными отношениями взрослых. Известно, что развестись можно с женой или мужем, но с детьми развода не бывает. Бывшим может быть муж или жена, но ребёнок не может быть бывшим, он всегда остающийся, пока живы его родители. «Однако не все родители, прежде всего отцы, будучи в разводе, понимают свою роль по отношению к детям. Одни систематически заботятся о них и не чувствуют гнетущей тяжести развода. Другие равнодушно увиваются от своего отцовского долга. Третьи хотели бы заботиться, но не могут, ибо между отцом и ребёнком “окаменевшей преградой” стоит мать, которая не разрешает встреч, думая, что делает добро ребёнку и себе. На самом деле её эгоизм приносит зло ребёнку, его отцу и ей самой, ибо и в бракоразводной ситуации очень важно остаться человеком. А здесь часто высокому чувству гуманизма (мужчины) противостоит зоологический эгоизм (женщины)» [Соловьев, 1985].

На втором этапе нашего исследования послеразводных родительских проблем была предпринята попытка выявить современные практики осуществления отцовства и материнства, а также

сотрудничества разведённых родителей в воспитании ребёнка (детей). Методом получения информации на этом этапе были полуструктуризованные интервью с мужчинами и женщинами, имевшими в своей жизненной истории опыт развода или разделения, имеющими детей, живущих отдельно. (В западной литературе на этот счёт существуют термины «родители-нерезиденты», «отцы-нерезиденты».)

Анализ материалов 42 интервью показал, что поведение родителей (как отцов, так и матерей) в послеразводной ситуации зависит от возможности акторов приспособиться к переменам. В интервью предпринимались попытки избежать обсуждения причин развода, поиска «виноватого», однако это практически не удалось. Сколько бы лет ни прошло после развода, но и мужчины, и женщины хорошо помнят ситуацию и весьма эмоционально рассказывают о ней.

Отношения с несовершеннолетним ребёнком (детьми) продолжали поддерживать после развода 13 отцов из 24 (по ответам мужчин) и 10 отцов из 18 (по ответам женщин). В трёх случаях дети жили у отца.

Практически все опрошенные женщины по прошествии от 5 до 15 лет после развода хотели бы, чтобы отцы взяли на себя больше ответственности за детей, как в материальном плане, так и в воспитании (проведения вместе времени). В то же время многие опрошенные отцы вспоминали о том, что после развода испытывали очень большие сложности в установлении «новых» отношений с ребёнком. У одних эти сложности состояли в запретах матери или её родственников на встречи ребёнка с отцом, у других – в явно отрицательном отношении детей (подростков) к отцам. И в этих случаях матери зачастую вовсе не стремились разрешить проблемы, стать «посредником» между ребёнком и отцом, оказать помощь в налаживании отношений. Однако матери, действительно ответственные за детей (лишь двое из опрошенных), со временем восстановили свою «посредническую» роль, и тогда для их сыновей были положительно разрешены проблемы взаимоотношений с собственными отцами.

Вообще некоторые женщины высказали мысль, что их бывшие мужья после развода «стали лучше как отцы, чем были в семье». Это замечают и некоторые мужчины в отношениях со своими родными детьми, оставшимися с матерью, и детьми в повторных семьях. «Я стал как бы двойным отцом: я беру и свою дочь, и

дочь жены, когда мы ходим по магазинам или куда-нибудь ездим. У них хорошие отношения».

Что касается повторных семей, то они довольно часты: из 42 опрошенных они образовались в 24 случаях. Приёмные дети (дети жены или мужа) есть в 11 случаях из них. Однако практики реализации родительства и здесь весьма разнообразны. В пяти случаях не установились благоприятные отношения между детьми и отчимом – новым мужем матери, но в трёх случаях из них восстановились более близкие отношения детей с собственными отцами. В других трёх случаях новые жёны препятствовали мужу продолжению отцовских отношений с его родными детьми.

Формально развод означает конец супружеских отношений, но не отношений «отец-дети». (В жизни, однако, отношения между бывшими супругами могут продолжаться, и как супружеские – также.) Основным предметом отношений между разведёнными супругами являются все-таки родительские, зачастую продолжение реализации отцовской роли. Однако и обыденные представления, и закон придают отцовским отношениям с ребёнком второстепенное, неважное значение. Ответственность взрослых (родителей) в том и состоит, чтобы остановить зловредное влияние послеразводной ситуации на детей, т.е. не оставлять ребёнка без отца и, соответственно, не ставить отца в положение «просителя». Более того, возможно даже и некоторое стимулирование реализации отцовских функций.

Проведённое нами обследование можно назвать разведывательным, поскольку оно не позволило выявить разнообразных типов родительских практик, что, по-видимому, было связано с тем, что выборка не была специализированной. По данной теме предполагается продолжение исследований. Становится ясно, что наиболее адекватной специальной средой для обследования являются мужчины и женщины, имеющие несовершеннолетних детей, пережившие развод в последние 1–3 года. Вместе с тем результаты разведывательного обследования в Новосибирске показали, что в настоящее время состояние дел в сфере семьи и послеразводной ситуации во многом аналогично тому, что выявлено многочисленными зарубежными исследованиями: повышается заинтересованность отцов в продолжении отношений со своими детьми, но это зависит от «благосклонности» матерей и осознания ими важности для ребёнка иметь обоих родителей.

Итак, при современной ситуации довольно быстрого эволюционирования социальных институтов отцовства и материнства общество может попытаться повлиять на эти изменения так, чтобы решить некоторые проблемы, связанные с негативными последствиями разводов для детей и родителей. Возможно, что главными (гипотетически) направлениями такого влияния могут быть:

а) экономические (например снижение ставки алиментов, налоговые льготы);

б) юридические (например обязательное оформление договоров между родителями по конкретным вопросам опеки над детьми после развода);

в) социально-культурные (например изменение общественного мнения по проблеме равноправия родителей, поощрение отцовской заботы о детях после развода).

Именно в таких направлениях разрабатываются законодательные акты и правила в европейских странах, где предпринимаются усилия для решения данных проблем.

Изменяется ситуация послеразводного родительства (отцовства и материнства) и в России. Более дифференцированный подход к решению вопроса об опеке над ребёнком после развода будет не только соответствовать букве закона, отвечать интересам ребёнка и отца, но и способствовать более серьёзному отношению к принятию матерями решения о разводе. Сегодня же, поскольку матерям обычно не грозит разлука с ребёнком, они с большой лёгкостью идут на расторжение брака.

Исследования, проведённые представителями различных научных дисциплин, показали, что развод родителей накладывает отпечаток практически на всю жизнь детей. Вместе с тем осуществление правовых норм опеки над детьми, более адекватно отвечающих интересам обоих родителей и целям воспитания, а также психологическое и педагогическое консультирование родителей могло бы способствовать созданию между ними нормальных отношений, и, в результате, содействовать уменьшению отрицательного воздействия развода родителей на судьбу детей.

Выводы к части II

Анализ исторического социально-демографического генезиса приватно-демографического поля, а также его современного состояния по статистическим и социологическим данным подтвердил относительную устойчивость закономерностей функционирования российского приватно-демографического поля.

Результаты проведённого анализа данных демографической статистики, а также конкретных социологических обследований позволяют сделать вывод о возможности на их основе верифицировать теоретическую гипотезу исследования закономерностей трансформационных процессов в приватно-демографическом поле российского социального пространства.

Действительно, распространение взаимосвязанных между собой феноменов незарегистрированных бракоподобных союзов, внебрачного материнства, послеразводного родительства является отражением распространения практик и форм семейной жизни, смысл которых состоит в дальнейшем разделении, автономизации сексуального, брачного, репродуктивного, родительского поведения.

В свою очередь это разделение свидетельствует обо всё более глубокой интериоризации агентами (индивидуальными и коллективными) постпереходного приватно-демографического хабитуса, сущность которого – разумное ограничение числа рождений. Малое число детей (1–2), как в полных официальных семьях, так и у партнёров-сожителей (первичных и повторных), у одиноких матерей, не состоящих в браке, у разведённых и разошедшихся родителей – веское подтверждение этому.

Кроме того, малое число детей значительно «укорачивает» детский этап жизни семей, в результате чего макроструктура приватно-демографического поля (семейная структура населения) становится «структурно бездетной», и приоритеты детоцентризма отходят на второй план, по сравнению с растущими приоритетами супружеских, интимных – «взрослых» отношений в сфере частной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии были рассмотрены теоретико-методологические основы изучения современных трансформационных процессов в брачно-семейной сфере общества и верификация этих концептуальных основ на эмпирическом материале – историческом, статистическом, социологическом. Обоснована реальная междисциплинарность изучения процессов, происходящих в сфере частной жизни общества. Основой этой междисциплинарности является разработка гомогенного объекта исследования – приватно-демографического поля, интегрирующего рамки социологического и демографического знания, с ориентацией на получение знания в предметном поле социологической науки, социологии семьи.

Изучаемая совокупность отношений включает в себя семейные, брачные, супружеские, родительско-детские, гендерные, партнёрские и другие отношения, реализующиеся в приватно-демографическом поле социального пространства. Основные теоретико-методологические положения изучения трансформаций этих отношений состоят в следующем.

Во-первых, это поле относительно автономно (полуавтономно), так же как и отношения и практики агентов этого поля.

Во-вторых, функционирование этого поля характеризуется относительной устойчивостью закономерностей в тех обществах, где произошёл демографический переход. Эти закономерности проявляются в распространении принципов, моделей, практик ограничения числа рождений и представляют собой результат экстерииоризации таких повседневных обыденных диспозиций/действий/практик изучаемой совокупности отношений, которые являются структурными компонентами приватно-демографического поля.

В-третьих, это поле производит приватно-демографический хабитус, как интериоризированный продукт демографической истории, проявляющийся в индивидуальных и коллективных практиках как нерелексируемых, бессознательных принципах, образцах, моделях.

Разработанные основы междисциплинарного интегрального подхода дают возможность применять его в конкретных социологических исследованиях, направленных на изучение проблем в сфере приватной жизни, а также расширяют возможности интер-

претаций и построение частных теорий в исследованиях этого социального поля.

Проведённый анализ исторического социально-демографического генезиса приватно-демографической структуры-поля и приватно-демографического хабитуса и их современного состояния продемонстрировал обусловленность их переопределений (переструктуризаций) сменой режимов воспроизводства населения в обществе. Поскольку в настоящее время и в перспективе (ближайшей и отдалённой) ни в России, ни в европейских странах нет объективных оснований для обратного переструктурирования приватно-демографического поля, то едва ли в нём можно ожидать принципиальных изменений.

Сконструированный механизм взаимодействия процессов трансформации институтов частной сферы и уровня демографического развития общества на основе принципа двойного структурирования социальной реальности П. Бурдьё (в нашем случае – приватно-демографической реальности) подтвердил историческую универсальность разработанных методологических основ исследования трансформации брачных, семейных отношений во взаимодействии с развитием демографической сферы.

Таким образом, анализ современных эмпирических материалов показал, что в России и в Сибири, как и в европейских странах, продолжается институционализация «нетрадиционных» форм устройства людьми взаимоотношений в сфере частной жизни, углубляется процесс модернизации этой сферы как сферы «демографической разумности». Общесоциальные последствия этих трансформаций – нивелирование гендерной дуальности, расширение возможностей индивидуальных выборов людей в сфере частной жизни.

Итак, в завершение можно сопоставить некоторые положения данной работы с теми принципами П. Бурдьё [Бурдьё, 2007(а), с. 473–517], которых, как он считал, должно придерживаться любое социологическое исследование.

Во-первых, это историзм и изучение становления объекта исследования – реализовано в нашей работе.

Во-вторых, объективация исследовательской позиции и инструментария, т.е. социологу нужно быть включённым в изучаемое поле, хорошо его знать (не понаслышке), но нужно быть и на определённом расстоянии от него. Этот принцип реализован при разработке методических и эмпирических разделов исследования.

Третий принцип – радикальное сомнение и разрыв с существующими распространёнными представлениями об изучаемом фрагменте социальной реальности – на наш взгляд, также реализован в данной работе (идея демографического взрыва как объективной основы переструктуризации приватно-демографического поля и переопределения его интериоризированного хабитуса). По Бурдьё, за доксой – за наиболее распространёнными и поэтому как будто бы естественными представлениями и мнениями, обычно стоит большая политическая и символическая работа по созданию той или иной «само собой разумеющейся истины».

Четвёртый принцип П. Бурдьё – борьба за сохранение или изменение существующего порядка вещей – имеет не однозначный смысл. Если речь идёт о порядке вещей в социальной науке, в рамках нашего междисциплинарного исследования – социологии семьи и демографии – то в данной работе предпринята попытка преодоления/изменения существующего порядка вещей (в поле науки). Но этот принцип может быть воспринят учёными как призыв вмешательства в социальную реальность (приватно-демографического поля). И тогда, во-первых, возникает возможность подмены теории идеологией, во-вторых, – вероятность разработки научных продуктов, отражающих оценивающие, аксиологические мировоззрения исследователей. А это, по П. Бурдьё, уже свойства и характеристики другого социального поля – поля науки, со своими отношениями-силами, своим хабитусом и своими практиками.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии и статьи в научных журналах

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Пер. с англ. / Под ред. Ерофеева С.А. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2004. – 620 с.

Авдеев А.А. Браки и разводы в России // Народо­на­се­ле­ние. – 1998. – № 2, 3.

Авдеев А.А. Семья в докапиталистических формациях // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / Редколл.: Л.Л. Рыбаковский (председ.) и др. – М.: Мысль, 1986. – С. 26–38.

Акимов А. На пороге седьмого миллиарда // Население и общество. Информационный бюллетень. – 1999. – № 39.

Алексеев В.В. Искусственная безотцовщина и пути ее преодоления // Материалы второго Российского конгресса «Мир семьи». Ч. 1. – М., 2001. – С. 127.

Ананьева Н.Н., Судоплатов А.П. Демографические процессы и социально-экономическое развитие (гл. 21) // Введение в демографию / Под ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. С. 488–518.

Антонов А.И. Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). – М.: Статистика, 1980. – 271 с.

Антонов А.И., Медков В.И., Синельников А.Б. Репродуктивное поведение и динамика рождаемости // Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М., 2002. – С. 157–201.

Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.

Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. – М.: Наука, 1986. – 272 с.

Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. Учебник – М.: Издательский Дом «Высшее Образование и Наука», 2007. – 448 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

Беккер Г. Выбор партнёра на брачных рынках // THESIS. – 1994. – № 6. – С. 12–36.

Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Пер. с англ. – М.: ГУВШЭ, 2003. – 336 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 324 с.

Бикбов А. Метод и актуальность работ Мориса Хальбвакса // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. – С. 463–506.

Большой словарь иностранных слов. – М.: ЮВЕНИС, 2003. – 784 с.

- Бондарская Г.А.** Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 58–70.
- Бондарская Г.А.** Рождаемость в СССР (Этнодемографический аспект). – М.: Финансы и статистика, 1977. – 127 с.
- Бондарская Г.А., Дарский Л.Е.** Брачное состояние женщин и рождаемость // Демографические процессы в СССР. – М., 1990. – С. 28–57.
- Борисов В.А., Синельников А.Б.** Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. – М.: НИИ семьи, 1995. – 117 с.
- Босанац М.** Внебрачная семья. – М.: Прогресс, 1981.
- Бурдьё П.** Начала. Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М., 1994(а)–288 с.
- Бурдьё П.** Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц. / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007(а).
- Бурдьё П.** Поле экономики // Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц. / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007(б). – С. 129–176.
- Бурдьё П.** Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц. / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007(в).
- Бурдьё П.** Социальное пространство и генезис «классов». Пер. с франц. Н.А. Шматко // Бурдьё П. Социология политики / Под ред. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos., 1993. – 336 с.
- Бурдьё П.** Социальное пространство и символическая власть. Пер. с франц. Н. А. Шматко // Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos. 1994(б). – 288 с.
- Бурдьё П.** Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц. / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007(г)–576 с.
- Бурдьё П.** Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. Пер. с англ. А.В. Леденёвой. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 16–39.
- Введение** в демографию / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: ТЕИС – 636 с.
- Вернадский В.И.** Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1994. – 271 с.
- Вишневский А.Г.** Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
- Вишневский А.Г.** Демографические процессы в социальном контексте // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов научной конференции. – М., 2002. – С. 4–6.
- Вишневский А.Г.** Демографическая революция // Избранные демографические труды. В 2-х томах. Т. I: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005(а). – 368 с.

Вишневский А.Г. Демографический взрыв // Народо­на­се­ле­ние. Эн­ци­кло­педический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – С.105–107.

Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В 2-х томах. – М.: Наука, 2005(б).

Вишневский А.Г. Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В 2-х томах. Т. I: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005(в). – С. 257–281.

Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В 2-х томах. Т. I: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005(г). – С. 311–332.

Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа брачности в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Статистика, 1977. – С. 105–134.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

Вишневский А.Г. Это ключ от другого замка // Общественные науки и современность. – 2005(д). – № 2. – С. 150–155.

Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И. Обновление семьи и брака. Ч. 2; Модернизация рождаемости, Ч. 3 // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. Вишневского А.Г. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.

Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 47–57.

Волков А.Г., Вишневский А.Г. Демографические процессы и социально-экономическое развитие // Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Волкова, А.Г. Вишневского. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 7–37.

Гидденс Э. (при участии Бердсолл К.). Социология / Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Пер. с англ. В. Анурина. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.

Глинчикова А.Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 38–56.

Годвин В. О собственности. – М., 1958. – 260 с.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 272 с.

Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // СОЦИС. – 2008. – № 1. – С. 40–49.

Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. – СПб.: Алетей, 1996. – 192 с.

Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. – Сыктывкар, 1991. – 246 с.

Голофаст В.Б. Изменение семьи при капитализме (постановка проблемы в социологии США) // Семья как объект философского и социологического исследования. – Ленинград: Наука, 1974.

Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. – СПб.: Алетей, 2006. – 432 с.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. – М., 1972.

Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.

Гурко Т.А. Белобородова О.А. Становление института приёмной семьи в регионах // СОЦИС. – 2009. – № 9. – С. 135–139.

Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. Сб. статей / Под ред. А.Г. Волкова. – М.: Статистика, 1979. – 191 с.

Дарский Л.Е. Современная рождаемость: переход к однодетной семье или временный кризис двухдетной? // Семья в России. – 1995. – № 1–2. – С. 74–78.

Дарский Л.Е. Формирование семьи: демографо-статистическое исследование. – М.: Статистика, 1972. – 208 с.

Дементьева И.Ф. Особенности выполнения семейных функций в сфере досуга разными типами семьи // Семья и социальная структура социалистического общества. – М., 1980. – С. 95–110.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.

Демографический ежегодник России, 1996: Стат. сб. / М., 1996.

Демографический ежегодник России, 2002: Стат. сб. / М., 2002. – 460 с.

Демографический ежегодник России, 2010: Стат. сб. / М., 2010. – 525 с.

Дубин Б.В. Семья или успех? // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. – 1995. – № 6. – С. 24–27.

Дэвис К. Прекращение браков в США. Пер. с англ. // Развод. Демографический аспект. – М.: Статистика, 1979. С. 108–127.

Дэвис К. Социология демографического поведения // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1965. – С. 343–371.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с франц. / Составление, послесловие и примечания А.Б. Гофман. – М.: Канон, 1995. – 349 с.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Учебное пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

Заславская Т.И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России (гл. 6) // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 93–109.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальный механизм институционализации неправовых практик (гл. 9) // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 153–164.

Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. – 2005. – № 3(24). – С. 124–140.

Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов научной конференции. – М., 2002. – С. 19–26.

Захаров С.В. Российской Федерации народонаселение // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с. – С. 397–417.

Захаров С.В. Трансформация брачно-партнёрских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и в обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. – М.: НИСП (Независимый институт социальной политики), 2007. – С. 75–126.

Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. – М., 1990.

Захаров С.В., Иванова Е.И. Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959–1994 гг. // Проблемы прогнозирования. – 1996. – № 4. – С. 109–130.

Захарова О.Д. Исследования демографических процессов и детерминация рождаемости (Гл. 20) // Социология в России / Ред. Ядов В.А. – М., 1998. – С. 392–414.

Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.

Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах // Население и общество. Информационный бюллетень. – М. – 2002. – № 63.

Иванова Е.И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы / Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов научной конференции. – М., 2002. – С. 28–31.

Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // Мир России. Социология, этнология. – 1998. – Т. VII. – № 4. – С. 167–174.

Ивер-Жалю Э. Монородительская семья во Франции // СОЦИС. – 1991. – № 5.

Изучение мнений о величине семьи. Сб. статей / Под ред. А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского. – М.: Статистика, 1971. – 156 с.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6–32.

Ионин Л.Г. Генитальная конституция модерна // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Том VI. – № 2 (22). – С. 21–39.

Исаев Б.А. Социология. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2008. – 224 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. – М. 2004.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. – М. 2004.

Как изучают рождаемость. Новое в зарубежной демографии: Сб. статей / Под ред. А.Г. Волкова. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 127 с.

Калабихина И. Динамика рождаемости в России и некоторые вопросы политики // Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М., 2002. – С. 31–49.

Калабихина И. Е. Неполные семьи: проблемы и перспективы их решения // *Семья в России*. – 1995. – № 1–2. – С. 166–181.

Калугина З.И. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики (гл. 11) // *Россия, которую мы обретаем*. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 193–222.

Кальной И.И. В.И. Вернадский и его ноосферное мышление // *CREDO NEW*. Теоретический журнал. – 2008. – №3. – С. 1396–1405.

Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 192 с.

Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америк. Пер. с англ. / Ред. А.И. Антонов. – М.: Грааль, 2003. – 288 с.

Карцева Л.В. Российская семья на рубеже двух веков. – Казань: РИЦ «Школа», 2001. – 292 с.

Карцева Л.В. Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. социол. наук. – Казань, 2002.

Кириллова М.А. О некоторых проблемах брака и семьи в современной американской социологии // *Социальные исследования*. Вып. 4. Проблемы брака, семьи и демографии. – М.: Наука, 1970. – С. 166–178.

Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 2. – С. 139–149.

Козлов В.И. Демографическая история // *Народонаселение*. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.

Козлов В.И. Инцест // *Народонаселение*. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.

Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // *Советская этнография*. – 1987. – № 6. – С. 31–38.

Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2011. – Том XIV. – № 1 (54). – С. 51–65.

Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М.: ГПИБ России: 2010. – 230 с.

Коннелл Р. Современные подходы // *Хрестоматия феминистских текстов* / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 251–280.

Корель Л.В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии, методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.

Коростелев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения: Критический анализ. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 160 с.

Курман М.В. Динамика среднего числа детей в семье в СССР // *Советская демография за 70 лет* / Науч. ред. А.Г. Волков. – М.: Наука, 1987. – С. 205–216.

Левинсон А.Г. Предварительные замечания к рассуждениям о частном // НЛО. – 2009. – № 100.

Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–161.

Малиновский Л.С. Нарушение прав родителей в семейном праве и судебной практике России // Материалы второго Российского конгресса «Мир семьи». Ч. 1. – М., 2001. С. 58–60.

Мацковский М.С. Семья в кризисном обществе. – М.: Институт социологии РАН. – 1993. – 94 с.

Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии, методики. – М.: Наука, 1989. – 116 с.

Мацковский М.С., Олсон Д.Г. Семья в России и в США: сравнительный обзор // Семья на пороге третьего тысячелетия / Главные научные редакторы: А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж.У. Мэддок, М.Дж. Хоган. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995, с. 12–17.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й. Пределы роста. – М.: ИКЦ, 1990.

Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – С. 379–480.

Миронов Б.Н. Социальная история России. В 2-х томах. Т. 1. – СПб., 2000.

Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. – М., 1980. – 304 с.

Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. – Новосибирск: ИЭОПП, 1993. – 160 с.

Михеева А.Р. Семейная структура сельского населения региона: экономико-демографический подход (на примере Западной Сибири). Дисс. на соиск уч. ст. канд. экон. наук. – М.: МГУ, 1992.

Михеева А.Р. Современные особенности формирования молодой семьи в национальных регионах Сибири и Урала // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования: материалы междунар. конф. Екатеринбург, 25–26 фев. 2010 г. В 3-х томах. Т. 2 / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: Уральский гос. тех. ун-т – УПИ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – С. 195–198.

Михеева А.Р. «Традиционное» и «современное» в демографическом поведении сельского населения // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 558–573.

Михеева А.Р. Феномен сожительства в сибирской деревне: новая форма семьи или продолжение традиций? // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике (материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу). Ч. 1. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1994. – С. 133–148.

Муксинов Р. Роль отца в послеразводной ситуации // Человек после развода: (темат. сб. ст.). Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН ЛитССР, 1985. – С. 110–119.

Муравьева М.Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // Семья в ракурсе социального знания. Сб. статей. – Барнаул: Изд-во НП «Азбука», 2001. – С. 5–24.

Мэрдок, Дж. П. Социальная структура. Пер. с англ. А.В. Коротаяева. – М.: ОГИ, 2003. – 608 с.

Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник / Госкомстат РФ. – М.: Московский издательский Дом, 1998.

Население России 1996. Четвёртый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. – М., 1997. – 160 с.

Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. – М. 2001. – 176 с.

Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. – М., 2002. – 216 с.

Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.

Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. – М.: Academia, 1999. – 272 с.

Попеное Д. Упадок американской семьи (1960–1990): обзор и оценка (фрагменты статьи). Пер. с англ. Т.А. Голяшевой // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1996. – № 3. – С. 65–73.

Прокофьева Л., Валетас М.-Ф. Отцы и их дети после развода // Население и общество. Информационный бюллетень. – 2000. – № 50.

Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X в. – начало XIX в.). – М.: Ладомир, 1997. – 328 с.

Райх В. Сексуальная революция. Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. Общ. ред. и предисл. В.Н. Наталенко, – СПб – М.: Университетская книга, АСТ, 1997. – 352 с.

Рассел Б. Брак и мораль. Пер. с англ. Ю.В. Дубровина. – М.: Изд-во «Крафт+», 2004. – 272 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Стат. сб. / Росстат. – М., 2003.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

Ричардс М. П. М. Развод родителей и дети // Детство идеальное и настоящее: Сб. работ современных западных ученых. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. – С. 158–178.

Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – 728 с.

Рубин Я.И. Теории народонаселения. – М.: Мысль, 1972. – 191 с.

Семья на пороге третьего тысячелетия / Науч. ред.: А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж.У. Мэдлок, М.Дж. Хоган. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – 424 с.

Сеннет Р. Падение публичного человека. – М.: Логос, 2002.

Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). – М.: Статистика, 1977. – 104 с.

Смулевич Б.Я. Критика буржуазных теорий народонаселения и её методологические принципы. Препринт. – М.: МГУ, 1966. – 13 с.

Сови А. Общая теория населения. Сокр. пер. с франц. Ф.Р. Окуневой. В 2-х томах. – М.: Прогресс, 1977.

Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Учебное пособие / Сост., перевод и вступ. статья А.В. Леденёвой. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.

Соловьев Н. Человек в послеразводной ситуации как предмет социологического исследования // Человек после развода. – Вильнюс, 1985. С. 3–12.

Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни, 1916. – № 1, 2.

Социология в России / Ред. Ядов В.А. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – 696 с.

Социология семьи. Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 640 с.

Спицына Н.Х. Демографический переход в России: антропогенетический анализ. – М.: Наука, 2006. – 212 с.

Судоплатов А.П. Демографические концепции (критический анализ): Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ., 1974. – 124 с.

Тартаковская И.Н. Гендерная социология – М.: «Вариант» при участии ООО «Невский Проспект», 2005. – 368 с.

Титаренко В. О повышении воспитательной активности отцов // Отец в современной семье: Сб. ст. – Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН ЛитССР, 1988. С. 16–27.

Тольц М.С. Брачность населения России в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневого. – М., 1977. – 247 с.

Тольц М.С. Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. – М.: Мысль, 1986.

Тишук Е.А. Медико-демографические процессы в Российской Федерации в контексте общемировых закономерностей // Вопросы статистики. – М. – 2005. – № 8. – С. 45–50.

Ферстенберг Ф. Ф., Норд Л. У., Петерсон Дж. Д., Зилл Н. Распад брака и контакты родителей с детьми // СОЦИС. – 1985. – № 4.

Филиппов А.Ф. От структурного функционализма к неофункционализму. Социология Никласа Лумана // История теоретической социологии. В 4-х томах. Т. 4 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. – М.: Изд-во «Канон+»; ОИ «Реабилитация», 2002. – С. 376–436.

- Фромм Э.** Искусство любви. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1990. – 80 с.
- Фуко М.** Использование удовольствий. История сексуальности. Т.2 / Пер. с франц. В Каплуна – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.
- Хаджнал Дж.** Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневецкого и И.С. Кона. – М.: Статистика, 1979. – С. 14–70.
- Хальбвакс М.** Браки во Франции во время и после войны // Социальные классы и морфология. Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000(а). – С. 245–288.
- Хальбвакс М.** Закон в социологии // Социальные классы и морфология. Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000(б). – С. 331–355.
- Хальбвакс М.** Индивидуальное сознание и коллективный разум // Социальные классы и морфология. Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000(в). – С. 155–168.
- Хальбвакс М.** Коллективная психология по Шарлю Блонделю // Социальные классы и морфология. Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000(г). – С. 111–129.
- Харчев А.Г.** Социология семьи: проблемы становления науки. Перепеч. с изд. 1979 г. – М.: ЦСП, 2003. – 342 с.
- Хоменко А.П.** Семья и воспроизводство населения. – М.: Статистика, 1980. – 223 с.
- Черкашина Т.Ю.** Экономические статусы супругов: Внутрисемейная иерархия / Под ред. Т.Ю. Богомоловой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. – 156 с.
- Черлин А.** Семейная политика (ответ «сторонников прогресса» на программу «консерваторов»). Пер. с англ. А.И. Антонова // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. – 1996. – № 3. – С. 73–79.
- Шелестов Д.К.** Демография: история и современность. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 271 с.
- Шляпентох В.** Социология для всех: некоторые проблемы, результаты, методы. – М.: Советская Россия. – 1970. – 256 с.
- Шматко Н.** Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии. В 4-х томах. Т. 4 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. – М.: «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. – С. 386–403.
- Шматко Н.А.** Социальное пространство Пьера Бурдьё (послесловие) // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц. / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С.554–576.
- Щепаньский Ян.** Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. В.Ф. Чесноковой. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1967. – 248 с.
- Эйсенсен И.** Одиночество и разведённый мужчина преклонного возраста // Лабиринты одиночества / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. – С. 433–452.

- Эльштайн Дж. Б.** Императивы частного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000, с. 64–88.
- Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1978. – 240 с.
- Энциклопедический словарь** / Гл. ред. Г.Г. Меликян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.
- Ядов В.А.** Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для системы постдипломного социологического образования. – СПб., 2006. – 112 с.
- Янкова З.А.** Городская семья. – М.: Наука, 1979. – 184 с.
- Baskett K.** The negotiation of fatherhood // *Reassessing Fatherhood*. C. Lewis, M. O'Brien (eds). London: Sage, 1987.
- Barosso C.** Policy strategies to encourage greater involvement of fathers with their children in Southern countries // *International population conference*. Beijing. – 1997. – Vol. 2. – P. 831–847.
- Bourdieu P.** *Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action*. – 1994.
- Bourdieu P.** In Other Words: *Essays Toward a Reflexive Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Bumpass L.L., Sweet J. A. and Cherlin A.** The Role of Cohabitation in Declining Rates of Marriage // *Journal of Marriage and the Family*. – 1991. – V. 53. – P. 913–927.
- Cappel M. J.** Experted book reviews: Popenoe D. Life without father – Compelling new evidence that fatherhood and marriage are indispensable for the good of children and society // *Family in society. The J. of Contemporary Human Services*. Vol. 80. Iss. 3. May, 1999.
- Clarkberg M., Stolzenberg R.M., Waite L.J.** Attitudes. Values and the Entrance into cohabitational versus Marital Unions // *Social Forces*. – 1995, Dec. – P. 609–631.
- Ehrlich Paul.** *The population Bomb*. Pan Books. – N.Y., 1967.
- Denzin N. K.** *The Research Act*, 3rd ed., Englewood Cliffs, 1989, NJ, Prentice Hall.
- De Jong Gierveld, J., Dukstra P. A.** The long-term consequences of divorce for fathers // *International population conference*. Beijing, 1997. Vol. 2.
- Eriksson M.** Violent Fathers – do they exist? Fatherhood, «the best interests of the child» and gender politics // *Paper for 5th ESA Conference*. – Helsinki, Finland, 2001.
- Forrester Jay W.** *World Dynamics*. – Cambridge, 1971.
- Guttman A.** *The Meaning of Macho: Being a Man in Mexico City*. Beerkeley: University of California Press, 1996.
- Halbwachs M.** *Population and Society: Introduction to Social Morphology*. Trans. Dulkan O.D. and Plautz H.W. Illinois, 1960.
- Klijzing E. and Macura M.** Cohabitation and Extra-marital Childbearing: Early FFS Evidence // *International Population Conference*. – 1997. – Beijing. – P. 885–901.

- Landry A.** La revolution demographique. – Paris, 1934. – 54 p.
- Lapierre-Adamcyk E., Pool I., Dharmalingam A., Hillcoat-Nalletamby S.** New forms of reproductive and family behaviour in the neo Europe: findings from the «European fertility and family survey» on Canada and New Zeland // Paper to International Population Conference, Beijing, 1997.
- Lesthaege R.** The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation // Brussels IPD Working Paper. 1992.
- Lewis O.** Five Families: Mexican case studies in the cultural of poverty. – London: Souvenir press, 1975.
- Madden-Derdich D.A., Leonard S.A.** Parental role identity and fathers' involvement in coparental interaction after divorce: Fathers' perspectives // Family Relations. – 2000. – Vol. 49. – № 3.
- Manning W.D.** Cohabitation, Marriage, and Entry into Motherhood // Journal of Marriage and the Family. – 1995. – Vol. 57. – P. 191–200.
- Moscovici S.** The Invention of Society. – Cambridge, Mass.: Polity, 1993.
- O'Brien M.** Patterns of kinship and friendship among lone fathers // Reassessing Fatherhood. C. Lewis, M. O'Brien (eds). London: Sage, 1987.
- Pollok S.** India in Vernacular Millennium: Literally Culture and Polity, 1000–1500. In Eisenstandt Wittrock. 2001.
- Popenoe D.** American family decline, 1960–1990: A review and appraisal // Journal of Marriage and the family. – 1993. – N 55. – P. 527–555.
- Pressat R.** Population. – London, 1970.
- Prinz Ch.** Cohabiting, Married, or Single. IIASA, Aldershot, Brookfield USA, Hong Kong, Singapore, Sydney: Avebury. – 1995. – 207 p.
- Prinz Ch.** Patterns of Marriage and Cohabitation in Europe, with Emphasis on Sweden // PopNet. – 1994, Spring. – N 24.
- Recent Social Trends in the United States.** Report of the President's Committee on Social Trends / New York, – 1933. – Vol. 2.
- Rindfuss R.R., VandenHeuvel A.** Cohabitation: A Precursor to Marriage or an Alternative to Being Single? // Population and development review. – 1990. – Vol. 16. – N 4. – C. 703–726.
- Schoen R.** First Unions and the Stability of First Marriages // Journal of Marriage and the Family. – 1992. – Vol. 54. – P. 281–284.
- Silva E.B., Smart, C.** The 'New' Practices and Politics of Family Life. In: The New family? Edited by Silva, E. B. and Smart, C. SAGE Publications, London-Thousand Oaks-New Delhi. 2000. – P. 1–12.
- Skevik A.** Big Issues, Little money: Ambitions and realities of child maintenance Legislation // Paper for 5th ESA Conference. – Helsinki, Finland, 2001.
- Smart C.** The «new» parenthood: fathers and mothers after divorce // The new family / E. B. Silva and C. Smart (eds). London: Thousand Oaks; New Delhi, 1999.
- Stephens L. S.** Will Johnny See Daddy This Week? An Empirical Test of Three Theoretical Perspectives of Postdivorce Contact // Journal of Family Issues. – 1996. – Vol. – 17. – N 4. – P. 466–494.

Stoetzel J. Sociology and Demography // Population-E. – 2006. – Vol. 61. – N 1–2. – P. 19–38.

Thompson P. Life Histories and the analysis of social change // In: Biography and society. The life history approach in the social sciences. Ed. D. Bertaux, Sage, 1984.

Thompson Warren S. Population // American Journal of Sociology. – 1929. – Vol. 34.

Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, Washington, 1988. – Vol. 42. – N 1.

2008 World Population. Data Sheet. Population Reference Bureau. – Washington, USA, 2008.

Интернет-источники

Более 3-х детей растут только в 5,4% российских семей [on-line]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema01.php>

Коновалов А.И. Супрамолекулярные системы – мост между неживой и живой материей. Лекция в рамках проекта «Academia». www.tvkultura.ru/theme.html?id=3116&cid=11846

Население по возрастным группам, полу и состоянию в браке по субъектам РФ. С. 259–295, 432–433, 452–453 // www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/itogi1612.htm

Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года [on-line]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/PEREPIS/report.htm>

Сайт: demoscope.ru/weekly/2006/0269/barom03.php

Сайт: demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema04.php

Число и размер частных домохозяйств по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Режим доступа: http://www.gsk.ru/_free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

Шульга Т.И. Социально-психологические проблемы выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» (www.evestnik-mgou.ru/ 2011/4). Психология. – С. 85–95.

Янковский Н.К. Лекция «Генетика и геномика» в рамках проекта «Academia» // Сайт www.rusnanonet.ru/academia060510/

Тематический план изданий СО РАН, 2012 г.
Поз. 63

Научное издание

ЧЕЛОВЕК В СФЕРЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ:
ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анна Рэмовна Михеева

Адрес электронной почты: annm@icic.nsc.ru

Номера телефонов:
служ. (383) 330-14-25
дом. (383) 330-58-43
сот. +7-905-095-96-48

ISBN 978-5-89665-251-9

9 785896 652519

Редактор
Компьютерная вёрстка

В.Ю. Юхлина
С.А. Дучкова, А.П. Угрюмов

Подписано к печати 15 октября 2012 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».
Объём п.л. 9,75. Уч.-изд.л. 10. Тираж 300 экз. Заказ № 96.

Издательство ИЭОПП СО РАН
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.